ОГОНЁК

№ 52 ДЕКАБРЬ 1958
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК № 52 (1645)

21 ДЕКАБРЯ 1958

36-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Минск. Площадь Победы.

Фото М. Савина.

Родина поздравляет тебя, Беларусь!

Петро ГЛЕБКА

Светлый, радостный праздник сегодня в дружной семье всех народов Советского Союза: они поздравляют с днем рождения синеокую, певучую, любимую сестру Беларусь, славную Белорусскую Советскую Социалистическую Республику. Первого января 1959 года ей исполняется сорок лет.

Народ Белоруссии, один из старейших славянских народов, народ талантливых тружеников и бесстрашных борцов, народ Георгия Скорины и Кастуся Калиновского, Янки Купалы и Якуба Коласа, не имел своей государственности вплоть до всемирно-исторического рубежа, положенного победой Октября. Коммунистической партии, организатору и вдохновителю этой победы, обязан белорусский народ крутым счастливым изменением своей судьбы. У колыбели белорусской государственности стоял великий вождь трудящихся Владимир Ильич Ленин.

Осененный ленинским знаменем, спаянный братской дружбой со всеми советскими республиками и всем лагерем социализма, белорусский народ победоносно прошел свой сорокалетний героический путь и сегодня уверенно смотрит в будущее.

Оно будет прекрасно, наше будущее! Какой глубокий смысл заключен в том факте, что день национального праздника белорусского народа совпадает с первым днем Великого Семилетия, с началом той ярчайшей эпохи в жизни советского общества, о которой историки будут писать: «Так люди впервые в мире приступили к практическому строительству коммунизма».

...Недавно я перечитывал стихотворение Янки Купалы «На Долгиновской дороге», написанное в 1926 году. Знакомые нашему народному поэту долгиновские места находились тогда по ту сторону границы между Советским Союзом и Польшей, где у власти еще были белые паны. Стихотворение проникнуто грустью и скорбью. И вот после этих стихов я читаю в газете небольшую заметку о сегодняшнем Долгинове.

«Советская власть, — пишет сельский корреспондент, — принесла крестьянам деревни Долгиново счастье. В каждом доме горит теперь электрический свет, говорит радио. К услугам жителей — сельский Дом культуры со стационарной киноустановкой, читальный зал, библиотека. Есть красный уголок, где можно посмотреть телепередачу из Минска, провести время за настольными играми. Часто приезжают сюда артисты из Молодечно и Минска. В деревне есть средняя школа, больница с родильным отделением, баня, почта, хлебопекарня. В Долгинове проживает много известных всей республике людей. Здесь работает заслуженная учительница школы БССР А. Ф. Мацкевич, скульптор П. Герасименко и другие...»

Новыми красками сияет сегодня красота древней белорусской земли.

Взгляните на карту республики. В центре ее находится столица Минск. В прошлом это провинциальный губернский город с мелкими кустарными мастерскими, с немощеными улицами, с низкими хибарками. Сегодня Минск — первоклассный столичный город с широкими асфальтированными проспектами и площадями, с парками и бульварами, высокими светлыми зданиями. Многотысячный коллектив рабочих Минска производит известные всему миру тракторы и автомобили, подшипники и ткани, телевизоры и часы.

Полесье, низинный болотный край нашей батьковщины, описанный во многих книгах белорусских писателей, становится ныне краем электростанций. Совсем недавно мы отпраздновали пуск первой очереди Василевичской теплоэлектростанции, работающей на полесском торфе.

Выросли крупные заводы и фабрики и в озерном крае Белоруссии. Широко славится ковровыми изделиями, станками и другими видами промышленной продукции город Витебск. Бурно растет и развивается старинный Полоцк. Не отстают в своем промышленном развитии и юго-восточные города республики: Гомель поставляет сельскохозяйственные машины и стекло, Могилев — подъемно-транспортное оборудование и искусственное волокно, Бобруйск — деревообделочные изделия. Построены и строятся новые крупные предприятия в Гродно и Молодечно, в Бресте и Лиде — западных городах Белоруссии, которые вступили на социалистический путь развития позже восточных. Белорусская Советская Социалистическая Республика стала крупным индустриальным районом Советского Союза и выпускает сейчас за две недели столько продукции, сколько было выпущено на этой территории царской России за весь 1913 год.

Изменился облик белорусских сел. Посмотрите на наши раздольные колхозные просторы, где привычной частью пейзажа стал движущийся по полю трактор или комбайн, на шоссейные дороги, обсаженные фруктовыми деревьями, на высокие окна новых домов, на

ВЫДАЮЩИЕСЯ ИТОГИ, РАДОСТНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

телеграфные провода и антенны... Чудесна новая могучая красота преображенной земли!

В дореволюционное время в Белоруссии свыше восьмидесяти процентов населения ставило крестик вместо подписи. Сейчас Белоруссия — страна всеобщей грамотности. По числу обучающихся в школах и высших учебных заведениях на десять тысяч жителей наша республика идет впереди таких стран, как Англия, Франция, Италия, Швеция.

Многие из детей некогда забитых, измученных непосильным трудом белорусских крестьян и рабочих (вспомните образ белоруса-землекопа из «Железной дороги» Некрасова!) трудятся теперь агрономами, врачами, инженерами, учеными. Только в Академии наук БССР, объединяющей 18 научно-исследовательских институтов, ныне около двух тысяч научных работников.

Как не гордиться такими успехами и достижениями! Белорусский народ знает, что только в результате правильного проведения ленинской национальной политики Коммунистической партии могли так полно проявиться его творческие силы и принести столь богатые плоды. Мы свято помним, что республика наша процветает только благодаря дружбе, взаимопомощи всех советских народов, с которыми она делила и трудности стройки социализма и суровость военных испытаний.

Особенно большую помощь оказывали нам наши старшие братья— русские. Заводы Москвы и Ленинграда, Челябинска и Горького, Ростова и Сталинграда после войны посылали в истерзанную гитлеровцами Белоруссию станки и машины, тракторы и комбайны. Русские специалисты помогали нам строить заводы и фабрики, воспитывать национальные кадры руководителей и мастеров производства.

Нет в мире ничего сильнее дружбы народов, братства социалистических наций! Горы сдвинет наша дружба, покорит пространство и время, осуществит самые смелые мечты человечества!

В эти снежные дни кануна нового года мои земляки, склонившись над картой Советского Союза, обсуждают грандиозный план семилетки. Обсуждение проходит на фабриках и заводах, в колхозах и научных учреждениях, в крупных городах и в далеких селениях. Вот у костра, среди еще пустынного поля, на строительной площадке Старобинского калийного комбината собралась группа рабочих, чтобы обсудить тезисы доклада товарища Н. С. Хрущева на XXI съезде КПСС. Здесь и белорус Иван Адамович, и русская Ирина Фомина, и украинец Владимир Тысячный, и лезгин Камал Турбалиев. Люди разных национальностей, но люди одних устремлений, одной семьи.

Окрыленный величественной программой предстоящих работ, белорусский народ полон неисчерпаемой творческой энергии. Он воспринимает задания партии как свое родное дело и готов приложить к его выполнению все свои бурлящие силы и безграничное трудолюбие.

15 декабря открылся Пленум Центрального Комитета партии, обсудивший итоги развития сельского хозяйства за последние пять лет и задачи дальнейшего увеличения производства сельскохозяйственных продуктов.

— Этот вопрос настолько важен,— сказал в своем докладе Первый секретарь ЦК КПСС товарищ Н. С. Хрущев,— что работа нашего Пленума, видимо, явится политическим отчетом партии перед народом за состояние сельского хозяйства.

Политический отчет партии перед народом — это отчет о выдающейся победе. Взвесьте цифры, приведенные в докладе Н. С. Хрущева! Вдумайтесь, какой гигантский скачок совершило сельское хозяйство страны всего за одно пятилетие! Как резко, как стремительно — в полтора, в два, в два с лишним раза — выросли заготовки хлеба, сахарной свеклы, овощей, подсолнечника, льна, хлопка, мяса, молока, яиц, шерсти! Как окрепли и забогатели колхозы и совхозы! Как поднялись материальное благосостояние колхозников и жизненный уровень всех советских людей!

Нелегко далась эта историческая победа! Было немало трудностей — сельское хозяйство страны в 1953 году находилось в тяжелом положении. Было немало препятствий — антипартийная, антинародная группа Маленкова, Кагановича, Молотова, Булганина, Шепилова упорно противодействовала линии партии, тормозила развитие экономики страны. Но партия, опираясь на безграничную поддержку народа, решительно разгромила и отшвырнула прочь раскольников и отщепенцев.

Оглядываясь на минувшие годы, каждый советский человек с благодарностью отмечает: по-ленински революционно и творчески Центральный Комитет партии решал важнейшие экономические вопросы развития сельского хозяйства. Во всем — и в повышении материальной заинтересованности колхозников; и в том, что на село были посланы тысячи и тысячи лучших сынов партии; и в том, что сельское хозяйство было оснащено могучей техникой; и в смелом изменении порядка планирования; и в том, как партия подняла народ на освоение десятков миллионов гектаров целинных и залежных земель; и, наконец, в том, как были реорганизованы МТС и изменен порядок заготовок,— во всем этом народ видит ленинский стиль работы Центрального Комитета партии, ленинскую целеустремленность и настойчивость в достижении цели.

Успехи, достигнутые в сельском хозяйстве, радуют советских людей. Они радуют наших друзей за рубежом и вызывают смятение среди врагов. Но эти успехи являются трамплином для новых побед. Мы уже видим их контуры — наглядно, зримо они представлены в контрольных цифрах развития народного хозяйства страны на ближайшее семилетие.

— Решения настоящего Пленума ЦК,— сказал в своем докладе Н. С. Хрущев,— явятся призывом к организации всенародной борьбы за осуществление программы создания обилия сельскохозяйственных продуктов в стране.

Выступление товарища Н. С. Хрущева перед колхозниками села Калиновки, Хомутовского района, Курской области. Октябрь 1958 года.

Фото С. Раскина.

После осуществления коллективизации, явившейся торжеством ленинского кооперативного плана, в это пятилетие партией были разработаны и претворены в жизнь такие важнейшие мероприятия, которые ознаменовали новый этап в развитии и укреплении колхозного строя, всей нашей социалистической системы.

Из доклада Первого секретаря ЦК КПСС товарища Н. С. Хрущева на Пленуме Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза.

Вся партия, весь народ с огромным воодушевлением обсуждают материалы Пленума Центрального Комитета КПСС. На заводах, на стройках, на шахтах, в колхозных бригадах и отделениях совхозов, на животноводческих фермах — везде проходят читки доклада товарища Н. С. Хрущева на Пленуме ЦК КПСС. Советские люди с удовлетворением отмечают успехи, достигнутые партией в развитии сельского хозяйства, одобряют программу создания обилия сельскохозяйственных продуктов в стране.

На снимке: на Втором московском часовом заводе, председатель цехкома сборочного цеха Валентина Евсеева читает рабочим газету с материалами Пленума ЦК КПСС.

Фото М. Савина.

ДУМЫ НАРОДНЫЕ

Георгий **РАДОВ**

И под Краснодаром зима. Сыплют, льют то дожди, то снега: природа явно выдабривается перед земледельцем, спешит вознаградить его за сухую осень.

И разговоры соответственно зимней поре. То, бывало, в страду заскочит на зорьке в райком колхозный председатель, накоротке перемолвится с секретарем, и, смотришь, только пыль над дорогой: укатила в степь председательская «Победа», а за ней умчался и секретарский «газик». Не то сейчас! Людно и в райкомах и в колхозных конторах. До полуночи светятся окна. А утром войдет пожилая уборщица в секретарский кабинет, глянет: полно окурков в пепельницах,—вздохнет: «Ох, мабуть, опять думали, опять планували...»

О чем думали? Что «планували»?

В станице Динской, в центре Пластуновского района, побывал я на семинаре по конкретной экономике. Полнехонько было в зале, а с трибуны кандидат экономических наук А. М. Шадрин говорил о хозрасчете и денежной системе оплаты труда. Со страстью бранил старые, обветшавшие формы оплаты, и кто-то спросил внятно и беспечально:

— Конец трудодню?

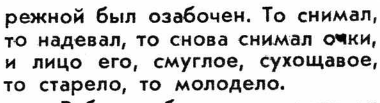
— Карбованец входит в силу! — отозвался чей-то уверенный, домовитый басок.

А Яков Григорьевич Бандуркин, председатель Старо-Корсунского колхоза,— он сидел рядом со мной — заметил негромко:

— Д-да, такая-то она будет, наша семилетка: одной рукой будем жать на темп, а другой — на рубль! — И выразительно сжал кулак, как бы выжимая что-то из невидимого сосуда.

Темп и рубль! После семинара мы сидели с Михаилом Михайловичем Бережным, первым секретарем Пластуновского райкома, и я никак не мог взять в толк: да чем же он встревожен, руководитель передового района Кубани? Кажется, у него, делегата Двадцатого съезда партии, сейчас, в канун Двадцать первого съезда, были полнейшие основания хвалиться успехами. Все, буквально все, что было загадано, все и выполнено коммунистами Пластуновки. Урожай собран выдающийся, неслыханный даже для этих хлебородных мест. И уже не звучит лозунг «Догоним Айову по производству молока»: пластуновские доярки оставили позади фермеров богатейшего американского штата. С мясом на Кубани похуже, но пластуновцы тут ни при чем: район дает нынче мяса со ста гектаров вдвое больше, чем в среднем по краю.

Словом, куда ни кинь, район выходил на рубеж семилетки с богатейшим заделом, а вот Бе-

режной был озабочен. То снимал, то надевал, то снова снимал очки, и лицо его, смуглое, сухощавое, то старело, то молодело.

— Рубль, рубль...— повторял он раздумчиво.— А что значит рубль? За себестоимость начинаем войну! За экономичность! За расчетливость! То разгоняли хозяйство во все стороны, насаждали десятки отраслей и, по правде сказать, не считали, что почем, а теперь-то надо выбирать главное, не мельчить силы.

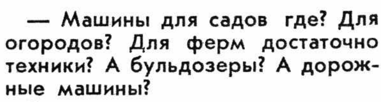
— Специализировать хозяйство?

— Вот именно! Но тут же острейшая политика! Оно вроде бы и просто — подать команду колхозам: выбирайте, мол, главный конек и седлайте его на доброе здоровье, гоните в гору отрасли наивыгоднейшие. Но это ж легко сказать: гоните. Вон в Старо-Корсунской в первый раз составляли семилетку: и коней вроде бы подобрали резвейших, и по масти их подобрали — район-то наш пригородный, решили оседлать свеклу, молоко, мясо и фрукты с виноградом,— а что вышло? Сверстали план и руками развели: почти наполовину сокращается пшеничный клин! Загиб? Вот те и думай: как и куда вести район? Какое брать направление?

— Значит, планирование тревожит?

— А трудовые затраты? Это же страшно сказать, сколько мы тратим труда на центнер продукции! В тридцатых годах доярка обслуживала двенадцать коров и сейчас двенадцать. Какая же это производительность? А какая себестоимость центнера молока? Да разве же ее снизишь, себестоимость, на ручном-то труде? Ме-ха-ни-зи-ровать надо! — сказал он раздельно и пристукнул ладонью.— И полеводство и животноводство механизировать и электрифицировать, да не по-кустарному это делать, не, извини меня, на соплях, а попромышленному, умно, комплексно! А что мы имеем в районе на сегодняшний день?

Он выпростал смуглые руки и, загибая один за другим крепкие пальцы, начал считать, чего не имеет район «на сегодняшний день»...

— Машины для садов где? Для огородов? Для ферм достаточно техники? А бульдозеры? А дорожные машины?

Загнул все пальцы, тряхнул сжатыми кулаками и добавил:

— Вот еще б архитекторы постарались... Позарез нам нужны особые постройки для юга: простые, легкие, по дешевке.

По дешевке? Каюсь, меня удивило, что секретарь, заговорив о постройках, употребил это слово. Пластуновка как раз отличалась до сих пор размашистым почерком. В центре района строится наряднейший Дворец культуры из армянского туфа. Говорят, миллионов этак на десять с хвостиком. Где же дешевка?

— Вчерашний день! — поморщился Бережной, когда я ему напомнил о дворце.— Загиб! Наш загиб! Забогатели колхозы, завязался жирок, вот те и захотелось людям отгрохать что-то особенное. Теперь сами не рады, что затеяли! Но возьми-ка типовые проекты! Построили у нас типовой четырехрядный коровник за миллион рублей. За миллион! Стены монастырские, и это для юга, где и зимы-то не бывает! Нет, теперь нужно другое: легкое, экономичное, дешевое...

...Поздним вечером уезжал я из Динской со знакомым станичником. Пересиливая гул тряского автобуса, рассказал ему о беседе с секретарем. Он, человек тертый, опытный, улыбнулся довольно:

— Добре, добре... Значит, и у нас, на Кубани, стали считать рубли?

— А то будто бы не считали?

— Миллионами считали... Гроши миллионами, а трудодни тыщами. Богачи, что ты скажешь! Под клуб — дворец, и под свинарник — дворец! А кинешься: яслей нет в станице, больница тесная, школа в две смены. А сколько дуриком грошей и трудодней льется? Вон в той же Старо-Корсунской прикидывали себестоимость на семилетку, глядь: и молоко дорогое, и мясо дорогое, и свекла на тот же фасон. А стали доискиваться: одних портфельщиков двести, и все на трудоднях. Одних культурников — разных там капельмейстеров, за-

ведущих, худруков, баянистов — пятьдесят лбов, и все на трудоднях! Самодеятельность на казенных харчах...

— Снимете с довольствия?

Он с недоумением посмотрел на меня, передернул плечами.

— А ты как думал? Рубль, он скомандует!

Наутро приехал я в Павловскую — дальний, трудный, но чем-то очень милый сердцу район — и, что называется, с ходу нарвался на разговор о том же рубле. Секретарь райкома партии Николай Михайлович Архипенко отправлял в вояж восемь ходоков — колхозных плановиков и бухгалтеров.

— До станции Шостка доедете,— наставлял он их.— Сумская область, станция Шостка, поняли? А оттуда в колхоз «Большевик». Цыбенко там председатель. Записали? Цы-бен-ко! Большой мастер насчет денежной оплаты. Второй год живут без трудодня. Да разведайте там у него позорче! С нового года четыре колхоза переведем на рубль... А это что значит? Хозяйственный расчет — раз! Материальный интерес — два! Простой учет — три! И экономия... Рубль не палочка, его бригадир задарма не запишет.

Он отправил ходоков, а полчаса спустя уже толковал с председателем колхоза «Комсомолец» Павлом Петровичем Диденко.

Не впервые встречал я их в этом кабинете. Помнится, года три назад, вот так же зимней порой Диденко — был он тогда директором МТС — разгневанный зашел к Николаю Михайловичу, грузно плюхнулся на стул и пожаловался: мочи нет больше, надоело быть «вторым хозяином» на земле! Через год он, уже председатель колхоза, приводил в этот кабинет для внушения неудалых эмтээсовских работников, а сейчас сидит один на один с секретарем и по-хозяйски толкует о технике: колхоз купил ее и уже около трех миллионов рублей заплатил в казну чистоганом.

— Какой главный курс возьмем в полеводстве, Павел Петрович?— спросил его Архипенко и покосился в исписанный блокнот.— Я тут прикидывал... Если так сделать: отобрать тридцать хлопцев-механизаторов, да обучить их, да оснастить, и отдать им всю кукурузу и все подсолнухи.

— По сто гектаров на брата?

— По сто, не меньше! А на фермах так: возьмем для пробы два корпуса, механизируем их по последнему слову науки — пускай два дояра полностью обслуживают сто коров: и кормят и доят... Улавливаешь курс? В полеводстве на брата — сто гектаров, на фермах на брата — пятьдесят коров. Подходящая производительность? А как хлеб и молоко подешевеют!

Они говорили об этом просто, буднично, как о чем-то близком, завтрашнем, словно бы не ощущая, что за каждым их словом — решительнейший переворот всего уклада станичной жизни. Сто гектаров на брата! А давно ли тот же Диденко поднимал всю станицу, так сказать, все наличное население на прополку? Давно ли тот же Архипенко кричал в телефонную трубку: «Дайте студентов на кукурузу! Дайте студентов!» И вот придет на кукурузную сто-гектарку обученный, оснащенный хлопец, придет, поплюет на руки и сделает то, над чем вчера бились, мучались сотни людей.

А дояры? Заметьте, не доярки, а дояры — две буквы отпали от старого названия, а какой и за этим переворот! Спокон веку казачка доила корову. Спокон веку! А приезжайте-ка сегодня на ферму колхоза «Комсомолец», и вы увидите, что с подойником к корове подходит не хрупкая девушка, а рослый, плечистый хлопец. Садится и как ни в чем не бывало принимается доить. Корова еще не привыкла, она сторожко косится на могучие плечи богатыря, вздрагивает от прикосновения крупных, сильных пальцев, а он грубоватым ломким голосом уговаривает: «Да стой же ты, Роза, стой, красавица...» А подоит, поднимется и объяснит вам, что доение вовсе не женское, а мужское, трудное дело и что давно пора отправить доярок на птичники, а сюда, к коровам, приставить мужскую гвардию. И пока он это будет вам объяснять, сзади непременно раздастся негромкий девичий смешок, и парень побагровеет, кашлянет, скажет глухо: «Вот же необразованная!»

Но тут же, отмахнувшись от насмешницы, заметит, что негоже коров доить руками, а надо скорей ставить мехдойку, и еще ставить механический раздатчик кормов, и еще прокладывать транспортер для навоза, и что когда все это будет поставлено, тогда он, дояр, еще определеннее будет на своем месте, потому что он мужчина и лучше девчат знает технику...

...Люди, люди! Как часто, задумывая технические и хозяйственные взлеты, мы не то чтобы забываем, но не называем, а лишь подразумеваем их, наших выросших, умных, смелых людей... И Архипенко, толкуя о доярах и о подборе надежных хлопцев, которым было бы по плечу сто гектаров кукурузы,— и Архипенко не называл фамилий, но он думал, думал о них, районный секретарь, и, наверно, поэтому, попрощавшись с Диденко, сказал:

— Ну, пойдем к нашим студентам...

К студентам... Осенью пятьдесят пятого года мы с Архипенко и Диденко ночью возвращались со Ставрополья. Смотрели там первую в стране ученическую колхозную бригаду, и были обрадованы, и взволнованы, и говорили о том, какой это перспективный запев; и тогда-то Николай Михайлович Архипенко заметил:

— Школьная бригада — это здорово! А дальше что? Окончат ребята школу — и в города? В институты? А если в станице открыть филиал заочного института?

И вот он уже второй год действует в Павловской, этот первый районный филиал Кубанского сельскохозяйственного института. Больше двухсот заочников: председатель крупнейшего в крае колхоза Иван Исаевич Гармаш, и председатель райисполкома Дмитрий Кузьмич Горбунов, и еще председатели, и бригадиры, и животноводы, и инструктора райкома, и свинарки, и доярки, и трактористы. А в новом наборе почти сплошь вчерашние десятиклассники; им незачем уезжать из станицы: дома, работая в бригадах и на фермах, они получат высшее образование.

Мы пришли в институт, когда новый набор слушал консультацию. В комнате заведующего сидели двое припоздавших: рослый красавец, секретарь комсомольского комитета из станицы Веселой, и плечистый крепыш из полеводческой бригады. Архипенко спросил у крепыша:

— Сероштан? Это не твой батько трактором бригадиром?

— Нет, не мой.

— А у бригадира что ж, сын не хочет учиться?

— Почему не хочет? — обиделся парень.— Тоже поступает. На механический. Он же тракторист...

Парни ушли, а Архипенко ласково сказал им вслед:

— Уловил дух эпохи? Посчитайка, сколько у нас в районе заочников? Двести? Да еще примем семьдесят. Это ж к концу семилетки сколько выйдет грамотного народа? Своего, доморощенного! Куда они денутся из колхозов? Тут и останутся...— Он задумался, потянулся к папиросе.— Понимаешь, когда в первый раз прочел я тезисы, что бросилось в глаза? Рядом они напечатаны: о семилетке и о школе. Ря-дом! Партия нацелила народ на коммунизм и тут же подумала о тех, кому в нем жить придется. Дух эпохи!

Дух эпохи... Два дня спустя в Краснодаре повстречал я еще одну заочницу из Павловского филиала. Небольшая, тоненькая, белокурая, она вышла на трибуну краевого слета колхозных и совхозных коммунистических бригад, развернула блокнотик и заговорила так живо и свободно, как будто всю жизнь произносила речи.

А сам слет вначале казался обычным. Припомнились совещания давней поры, когда на трибуну поднимались женщины, славные, работящие, но не сильные в грамоте. Поднимались и, конфузясь, вытаскивали шпаргалки, сочиненные, что там скрывать, чужой рукой. И читали они их по складам деревянными голосами. И тут, на этом слете, кое-кто не успел еще уловить «дух эпохи». И постарался снабдить ораторов шпаргалками, ан нет, ораторы оказались не те! Не по шпаргалкам, а по своим записям произносили они грамотные, дельные речи, и никто этому не удивился: в зале сидели люди тоже хорошо образованные. И никто не удивился, когда животновод Борис Годына попросил помочь ферме не кормами, а учебниками алгебры и физики: ферма объявила себя коммунистической и открыла вечернюю школу.

Тут-то она и выступила, Нина Бунякова, телятница из Тихорецкой, вчерашняя десятиклассница, завтрашняя заочница Павловского филиала.

— Мы строим коммунистическую ферму! — звонко объявила она, и так понравилось людям это «строим коммунистическую» и так пришлась всем по душе эта миловидная, бойкая девушка, что рукоплесканиями ответил ей зал, а мой сосед, директор совхоза, протер очки и сказал негромко:

— Вот она, новая слава Кубани!

Новая слава... В перерыв толковал я с сегодняшней кубанской знаменитостью, каневской утятницей Верой Кутиловой. Статная, нарядная, похожая скорей на студентку, чем на утятницу, она говорила, как с подругами вырастила в прошлом году двадцать две тысячи уток, а в этом тридцать две тысячи и как на будущий год «замахнулась» на пятьдесят тысяч, рассказывала, а мне вспомнилась ее жизнь: о ней накануне рассказывали каневчане. Отец Веры погиб на фронте; а мать к той поре была уже матерью-героиней, растила десять своих детей и еще одного приемыша и, разумеется, работала в колхозе; и Вера, третья по старшинству, помогала матери по хозяйству и, не закончив десятилетку, пошла в утятницы. Пошла, и, нет худа без добра, стала лучшей утятницей в районе, а потом в крае, и получила орден Ленина...

— Учиться хочу! — с жадностью сказала она.— Хочу учиться... Нет, не на заочный. Разве я очный не заработала? Я же не на учителя, а на зоотехника по птицеводству! Или мне места там не найдется, в институте?

...Мы выходили со слета с пожилым животноводом из Ново-Титаровки. Снег хлопьями валил на краснодарские улицы. Спутник мой поднял воротник, спросил:

— Ну, что ж ты уловил на Кубани? Какое настроение?

— Темп и рубль! — отозвался я, припомнив фразу, услышанную в Динской.

— Э, то ты не основное уловил...

— А что ж основное?

Он прищурился, сказал негромко:

— Розумні люди, вот что у нас основное!

Кубань.

Присяга сердца

Петрусь БРОВКА

Как благодарен я черному хлебу,
Чистой воде из холодной криницы,
Лесу зеленому,
Синему небу,
Светлой речушке, что в поле струится;

Рокоту залитых солнцем кварталов;
Городу, где возмужал я с годами,
Где испытал
И узнал я немало,
Где породнился навеки с друзьями;

Людям с открытой и щедрой душою,
Чьей многолетнею дружбой горжусь,
Краю, который повсюду
Со мною,
Краю, который зовут
Беларусь!

Перевел с белорусского Я. Хелемский.

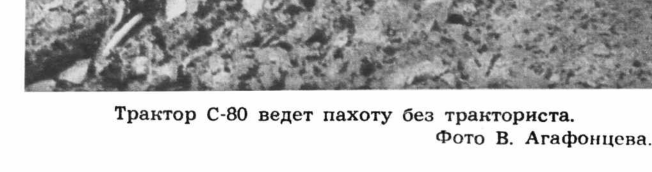

По окончании Первого учредительного съезда Союза писателей Российской Федерации правление Союза писателей РСФСР устроило в Большом Кремлевском дворце прием для участников съезда.

В гости к писателям прибыли товарищи А. Б. Аристов, Н. И. Беляев, Л. И. Брежнев, К. Е. Ворошилов, Н. Г. Игнатов, А. И. Кириченко, Ф. Р. Козлов, О. В. Куусинен, А. И. Микоян, Н. А. Мухитдинов, М. А. Суслов, Е. А. Фурцева, Н. С. Хрущев, Н. М. Шверник, П. Н. Поспелов, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгин, Д. С. Полянский, заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР и Председатель Президиума Верховного Совета РСФСР М. П. Тарасов.

Бурной овацией встретили участники приема их появление в Георгиевском зале. В конце приема выступил с большой речью Первый секретарь ЦК КПСС и Председатель Совета Министров СССР Н. С. Хрущев, приветствовавший российских литераторов от имени Центрального Комитета КПСС и Советского правительства.

Фото А. Устинова.

Трактор С-80 ведет пахоту без тракториста.

Фото В. Агафонцева.

Летом этого года в совхозе «Шакат», Павлодарской области, можно было наблюдать такую картину...

По полю двигался трактор. Пять лемехов его мощного плуга отваливали тучную целинную землю, оставляя за собой «ширококолейную», в пять борозд, полосу. Трактор подходил к краю, плавно описывал широкую дугу и ровнехонько, борозда к борозде, шел назад, прямо на людей, с нетерпением поджидающих его. А человека между тем в кабине не было. Не виднелось никого и на прицепе. Значит?..

Значит, трактор двигался сам, один, без тракториста. 447 гектаров земли запахал в совхозе «Шакат» и на казахской машинно-испытательной станции трактор без тракториста. Комиссия специалистов дала ему высокую оценку. Правда, не все еще гладко, еще потребуются конструктивные доделки, как во всякой экспериментальной работе. Но самое главное: трактор с автоматизированным управлением есть, такой трактор существует. Различные приспособления и устройства, которые во многом заменяют ему глаза и руки человека, придумал тракторист Иван Григорьевич Логинов.

Тракторист И. Логинов (справа) и инженер А. Голубев.

Биография этого молодого человека сравнительно коротка, но поучительна. В прошлом житель города, он без всякой тому подсказки сам решил ехать в деревню. Поступил в Усть-Каменогорское училище механизации и, когда началось великое наступление на целину, прибыл в новый зерносовхоз Иртышский, Павлодарской области. Иван Логинов сел за руль трактора. Тогда, в 1956 году, и началась работа изобретателя по автоматизации машины.

Первым его консультантом стал инженер Аркадий Федорович Голубев, ныне директор авторемонтного завода в Павлодаре. А позже, на заводе, где началось изготовление нужных деталей, Логинов встретил своего единомышленника, тоже тракториста, только из другого совхоза, Ивана Майорова. Тот обдумывал плуг, который работал бы без прицепщика. Так сливались воедино два изобретения. ...Ивана Григорьевича Логинова, приглашенного на заседания декабрьского Пленума ЦК КПСС, мы встретили в Москве. Просторный номер столичной гостиницы едва вмещал людей, которые пришли к нему в гости. Это были специалисты из Научно-исследовательского института тракторной промышленности. Они проявили живейший интерес к работе тракториста с целины. Именно она, жизнь, подсказала тему, которая уже включена в институтский план 1959 года: «Автоматическое управление тракторами».

А сам герой дня, смущенно улыбающийся, счастливый оттого, что он, беспартийный рабочий, только что выступал на Пленуме ЦК КПСС, уже четко наметил себе новые задачи.

— Во-первых, надо доработать автоматическое устройство так, чтобы трактор мог остановиться в случае неожиданного какого-либо препятствия, чтобы он мог делать узкие повороты,— говорит Логинов.— Потом надо приспособить его к трактору ДТ-54. Собираюсь учиться, поступать в институт.

— Что же касается более широких планов,— добавляет А. Ф. Голубев, тоже приехавший в Москву,— то в нашей области предполагается переоборудовать на автоматическое управление несколько сот тракторов.

Весело прошел бал студентов МГУ, участвовавших в уборке урожая на целине. В совхозах Булаевского района, Северо-Казахстанской области, московские студенты убрали урожай с площади в 144 тысячи гектаров, построили несколько школ, жилых домов.

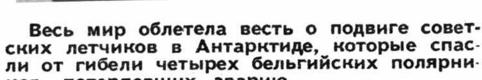
На балу под бурные аплодисменты в зал было внесено одиннадцать знамен, которыми награждены студенты на целине, и огромный румяный каравай из целинной пшеницы.

На снимке: студентка 2-го курса механико-математического факультета МГУ Валя Шевцова с караваем из целинной пшеницы.

Фото В. Журавлева.

Весь мир облетела весть о подвиге советских летчиков в Антарктиде, которые спасли от гибели четырех бельгийских полярников, потерпевших аварию.

Спасательной операцией руководил пилот Виктор Михайлович Перов. Ему 41 год. В прошлом летчик-истребитель, ветеран Отечественной войны, он более полутора десятков лет трудится в полярной авиации. Участник исследований Центральной Арктики, В. М. Перов в 1957 году был назначен командиром летного отряда комплексной экспедиции в Антарктиде. Над шестым материком, одетым вечными льдами, он совершил множество сложных полетов. Незадолго до спасения бельгийцев Виктор Михайлович летал из Мирного через Южный полюс на американскую базу в проливе Мак-Мурдо.

Всего В. М. Перов провел в воздухе около 9 тысяч часов, налетав примерно 2 миллиона километров.

На снимке: В. М. Перов.

Фото М. Савина.

→

В дни декады казахского искусства и литературы в Москве республиканский русский театр драмы показал на сцене Кремлевского театра пьесу Н. Анова «Наследники». В пьесе рассказывается о подвигах молодых покорителей целины.

На снимке: сцена из 1-го акта.

Фото Е. Умнова.

Тепло чествовали на днях в Таллине народного артиста СССР композитора Густава Эрнесакса, которому исполнилось пятьдесят лет. Густав Эрнесакс — автор четырех опер, двухсот произведений для хора, многих произведений камерной музыки, руководитель популярного в Эстонии Государственного академического мужского хора.

Фото С. Розенфельда.

Ток Волжской гидростанции имени Ленина уже поступает в старинный уральский город — Златоуст. Один за другим сдаются в эксплуатацию новые участки высоковольтной линии от Златоуста до Челябинска и Свердловска. Это будет самая мощная линия передачи, напряжением 500 тысяч вольт.

На снимке: бригадир монтажников-линейщиков Н. Ситников проверяет гирлянду изоляторов после установки.

Фото И. Пашкевича.

Забавными сюрпризами встречает покупателей в предновогодние дни столичный универмаг «Детский мир».

На снимке: артист Московского театра юного зрителя П. С. Алехин, изображающий деда-мороза, в зале универмага.

Фото Ф. Короткевича.

Мастера артели «40 лет Октября» в Бухаре готовятся к предстоящей декаде узбекского искусства в Москве.

На снимке: заведующая золотошвейным цехом Махфират Хайдарова (справа) принимает у мастерицы Шарафат Камаловой тюбетейки, изготовленные к декаде.

— Будем выпускать продукцию хорошего и отличного качества с личной гарантией, не требующей приемки ОТК,— таково одно из обязательств механиков-сборщиков Московского завода портативнопишущих машин Е. Н. Ларина и Ф. М. Соломатина, вступивших в соревнование бригад коммунистического труда. Почин механиков-коммунистов подхвачен в цехе.

На снимке: Федор Соломатин (слева) и Евгений Ларин.

Фото Г. Санько.

В соответствии с постановлением Бюро ЦК КПСС по РСФСР и Совета Министров РСФСР для обеспечения населения Ленинграда картофелем и овощами создается 35 специализированных совхозов.

В образцовое хозяйство превращается совхоз «Красный Октябрь». На его базе организуется Ленинградский трест картофеле-овощеводческих совхозов.

На снимке: в одной из теплиц совхоза «Красный Октябрь».

Фото Б. Уткина.

«За проезд опустите в кассу 30 копеек и оторвите билет»,— гласит плакат. Сначала в виде опыта было проведено два пробных рейса, теперь уже вторую неделю без кондуктора работают все трамвайные поезда 8-го маршрута в Ленинграде.

Фото В. Борисова.

Каждую неделю по пятницам собирается созданный недавно технический совет в колхозе «Знамя Октября», Подольского района, Московской области. Кроме членов правления колхоза, в технический совет входят агрономы, зоотехники, бригадиры полеводческих бригад, механизаторы.

На снимке: члены технического совета слушают доклад механика по трудовым процессам А. М. Новикова.

Фото С. Галиной.

Более 35 тысяч юношей и девушек, в большинстве рабочих и работниц, участвовали в трехдневном фестивале народных хоров, который проходил в Японии под лозунгом «Песня и борьба за мир шествуют рядом».

На снимке: лауреаты международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» Каору Ясуи (справа) и Акико Сэки поют в хоре молодежи.

Фото «Джапан пресс».

БОЛЬШАЯ ВЕСТЬ ИЗ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Джозеф НОРС,
американский журналист

Рисунок Ю. Ганфа.

Этот человек, продающий газеты в киоске на перекрестке двух улиц Нью-Йорка, обладает на редкость мощным голосом. Каждое утро он начинает выкрикивать названия газет так же громко и убежденно, как поют на заре петухи. «Проснитесь, проснитесь! — приглашает он ньюйоркцев. — Обратитесь к новостям дня!»

Я давно собирался улучить момент и поинтересоваться мыслями, которые блуждают в голове этого горластого крепыша. Но он сам повернулся ко мне и сказал:

— Полюбуйтесь-ка, что говорят теперь эти русские!.. Через семь лет они нас догонят. А потом собираются нас обойти!.. Года два—три назад я нипочем не поверил бы, пусть бы даже сам Хрущев пришел сюда ко мне, на Атлантик-авеню. Но теперь...— Он помедлил мгновение и вдруг заорал во всю глотку: — Теперь бьюсь об заклад на доллар: русские сделают то, что задумали, как пить дать, сделают!

Я осторожно спросил, какие у него для этого основания.

— Спутник! — Он повел огромной ручищей по голубоватому декабрьскому небу.— Говорят, он величиной с рояль. А мы что? Что мы туда запустили? Апельсин?

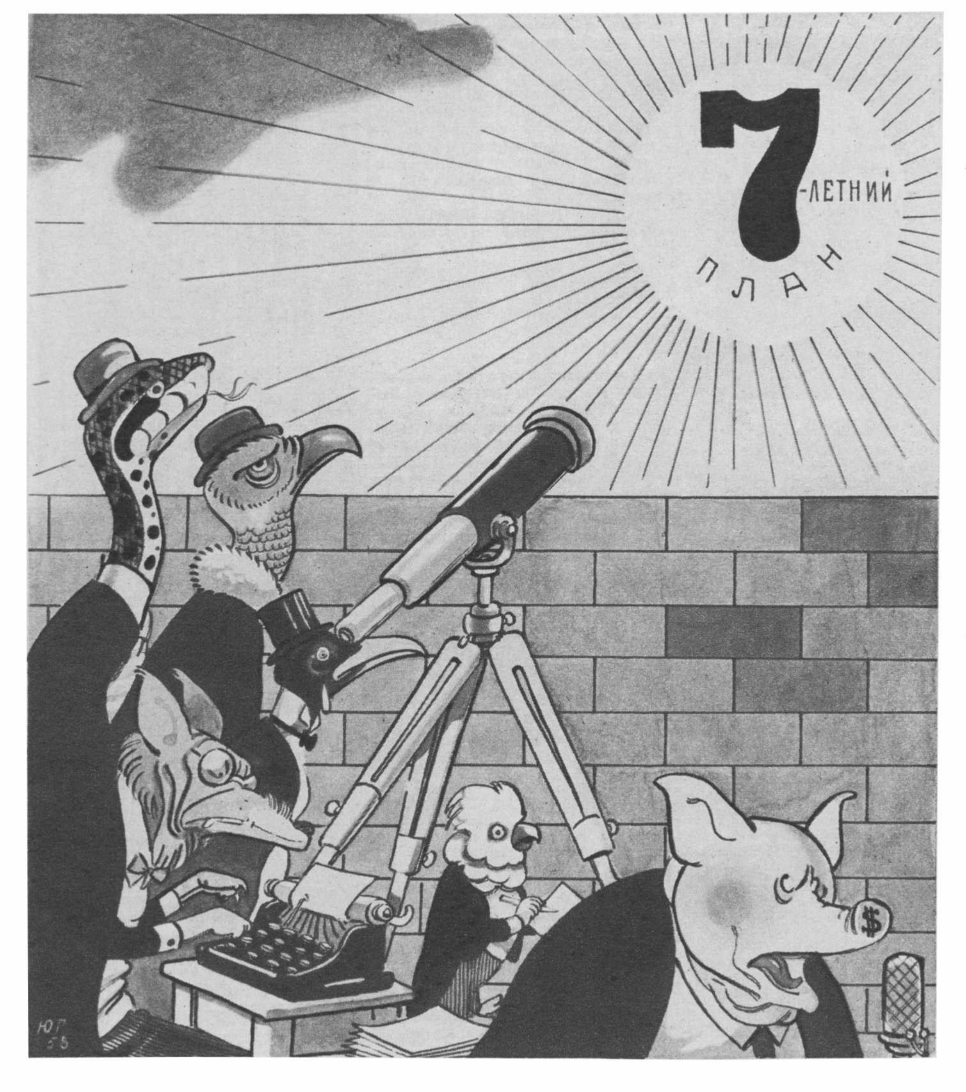
Мой собеседник говорил то же, что говорят все средние американцы с тех пор, как слово «спутник» вошло в их словарь. Впрочем, это верно не только для американца «с улицы». Это в какой-то степени верно даже для издателей журнала «Ньюсуик» — одного из самых распространенных и самых реакционных еженедельников во всей Америке. Но об этом я скажу ниже.

Правда, пришедшие сюда известия о советском семилетнем плане не внешне были не столь остро драматичны, как прошлогоднее сообщение о том, что социалистическая система первой прорвалась в космическое пространство. И капиталистические издатели — по понятным, впрочем, соображениям — довольно лениво оповещали американцев об этом грандиозном плане, в котором проступают черты Советского Союза 60-х и 70-х годов. Однако замолчать вовсе семилетний план было невозможно.

Семилетний план дошел до «человека с улицы». Он дошел до американца, которого много лет убеждали, что от социализма не может быть ничего хорошего, и который вдруг год назад с удивлением узнал, что первая в истории страна социализма догнала и перегнала нас во многих решающих областях науки, техники и образования. Тогда это произвело столь сильное впечатление, что потерявшие равновесие редакторы газеты вынуждены были срочно доказывать американскому гражданину, что у русских все-таки не семь пядей во лбу.

Легко понять поэтому, что план, изложенный в тезисах доклада Н. С. Хрущева на предстоящем партийном съезде, был воспринят у нас не только как некая возможность, но и как вероятность и даже неизбежная реальность. И все это наперекор усилиям таких «провидцев», как Гарри Шварц из «Нью-Йорк таймс», которые, как шакалы, крадутся вслед за каждым сообщением о новом успехе Советского Союза и пытаются вынюхать в нем «большевистскую пропаганду».

...В ту минуту, когда я писал эти строки, музыкальная программа по радио — передавали Бетховена — была прервана сообщением о том, что из Флориды только что запущена межконтинентальная ракета и что это «поможет сузить просвет», образовавшийся из-за советского превосходства в области межконтинентальных ракет... Что ж, когда в Америке музыкальная передача прерывается какой-либо информацией, это значит, что информации этой придается особое значение.

Но я хотел поговорить о журнале «Ньюсуик». Он следующим образом излагает в декабрьском номере свои соображения о семилетнем плане СССР: «Влиятельная группа государственных деятелей в Вашингтоне, а также специалистов в области военной стратегии,— пишет «Ньюсуик»,— считает советский семилетний план первоочередным пунктом в своей повестке дня... Эти люди отдают себе отчет в угрозе, непосредственно связанной с ним...»

«Ньюсуик» жалуется далее на то, что Советы «хотят занять первое место в мире не только по объему продукции, но и по количеству продуктов на душу населения». «Смогут ли русские осуществить это?»— ставит журнал «проклятый» вопрос. И тут же впадает в унылые размышления: «В последнем квартале этого года Советский Союз производил в неделю больше стали и нефти и в три дня больше электроэнергии, чем царская Россия в год».

И все-таки «Ньюсуик» начинает жонглировать такими смешными аргументами, как «недостаток капиталов» в СССР, доказывая, что именно это, «возможно», сделает семилетний план «нереальным». Заметьте, как деликатно это сказано: «возможно»! Даже год или два тому назад вместо этого слова стояло бы громовое «непременно».

Да, «Ньюсуику» приходится нелегко с его игрой в пророчества. Несколькими строками ниже журнал приводит мнение ведущего правительственного экономического эксперта, который «предостерегает», что уровень капитальных вложений русских не только относительно, но и **абсолютно** выше, чем в Соединенных Штатах. Подлинные слова этого экономиста звучат так: «Различие в темпах промышленного роста США и Советского Союза за долгий период времени привело к тому, что за десятилетие Советский Союз создает почти на 25% больше производственных мощностей, чем мы, а за четверть столетия — даже на 60%. Если мы по-прежнему будем двигаться с приростом в 3% ежегодно, мы неизбежно очутимся в обозе».

Вся эта «дискуссия» буржуазной печати о семилетнем плане ведет лишь к тому, что американцы начинают понимать главное: социализм хочет мира и нуждается в нем, чтобы осуществить свои величественные планы. Даже «Нью-Йорк таймс» вынужден согласиться, что Советскому Союзу «потребуется мир, чтобы довести до конца свои планы». А простой американец, начиная от моего горластого продавца газет в Бруклине и кончая шахтером в Пенсильвании или фермером в Орегоне, прежде всего хочет мира. Изготовить и запустить межконтинентальную ракету,— право, в этом мало «радости». Ибо эти проклятые механизмы выглядят далеко не «радостно», когда в момент их взлета мысленно представишь себе цель, на которую они могут полететь. Американец неизбежно и в этом случае задает себе обычный по эту сторону Атлантики вопрос: «А какая в этом польза для меня?»

Правда в наши дни ведет себя достаточно настойчиво: она пробивает себе путь через любые дымовые завесы, через любой туман. Правда приходит к вам в дом и открывает дверь, не стучась. В наше время простой человек в капиталистической части мира уже не может «ничего не знать» о социализме. Изучение русского языка в Соединенных Штатах распространяется все шире в наших средних школах, занимает все большее место в наших телевизионных программах. Газеты из Огайо, из Кливленда, которые лежат в эту минуту передо мной, сообщают, что популярность этих телепередач растет с каждым днем. Американцы, возвращающиеся из Советского Союза, в том числе Эдлай Стивенсон и Уолтер Липпман, люди науки, медики, педагоги, артисты,— все они свидетельствуют о дружелюбии русских, об их неизменных и неустанных призывах к миру и дружбе между нашими двумя странами, об их стремлении завязать с нами контакты, прежде всего в области культуры, техники, земледелия, искусства.

Право, мой продавец газет высказывает нечто большее, чем думает он сам, когда по утрам кричит прохожим:

— Проснитесь! Обратитесь к главной новости дня!

ОН ЖИВЕТ...

Рассказ

Янка БРЫЛЬ

Рисунок П. ПИНКИСЕВИЧА.

Поздней осенью сорок третьего года на одном из самых тихих перегонов Белорусской железной дороги подорвался немецкий воинский эшелон.

Через день, сырым, холодным утром, ближайшую к месту катастрофы деревню окружили каратели. Жандармы в касках и пестрых плащ-палатках и местные предатели-полицаи в черных, промокших шинелях приехали из райцентра чуть свет на пяти машинах. Деревня была большая, но расправиться с ней удалось быстро и основательно. Как выяснилось значительно позднее, в живых осталось только двое: мальчуган, уползший в кусты на загуменье, да дед, который как раз заночевал у родича на дальнем хуторе.

Всех жителей согнали в тот конец деревни, где стоял старый огромный сенной сарай — все, что уцелело от колхозной фермы.

Зондерфюрер, начальник карательной экспедиции, рассудил, что заставить «бандитов» копать себе яму — долгая история. Значительно проще сжечь их в этом сарае. Пока его подначальные загоняли жителей в трое широких ворот деревянного строения, он стоял в сторонке, на пригорочке, и недовольно морщился от резавших слух крика и плача...

Рядом с ним сдерживала мелкую дрожь, вызванную промозглым утром, молодая, без кровинки в лице переводчица.

— Мы быстро закончим это швайнерай [1] и тогда, фройляйн Вэра, поедем домой. Опять будет тепло... О да!

Существо в кожанке и белом вязаном платке изобразило на лице кривое подобие служебно-интимной улыбки.

Так бы все и шло, как обычно, но тут, бросив взгляд на толпу жертв, приближавшихся к черной пещере крайних ворот, зондерфюрер заметил знакомого.

— Откуда я его знаю?.. О! Да это же тот самый печник! Скажите, фройляйн Вэра, чтоб его подогнали сюда.

Печника подогнали.

— Бист ду дох аух хир, майн либер керль? [2] — засмеялся начальник.

Старик ничего не понял. Да и не слышал, видно. Бледный, без шапки на лысой голове, обросший седеющей щетиной, в каком-то сером тряпье, он уставился в немца застывшим взглядом и молчал. Только бескровные губы передергивались, словно пытались и не могли заговорить.

Летом этот тихий старик складывал у зондерфюрера печи. Каждое утро, пять дней подряд, дежурный жандарм обыскивал его и неизменно весело обнаруживал в карманах все то же кресало, самосад и ломоть черного хлеба. Печи получились замечательные. Повар хвалит плиту, а хозяин — белую кафельную голландку.

Он и сейчас чуть не заахал, вспомнив ее гладкое, ласковое тепло.

— Скажите ему, фройляйн Вэра, что он не будет сожжен. Спросите, он хочет жить?

— Спадар [3] зондерфюрер говорит, что вы, дядька, будете жить. И он спрашивает, хотите ли вы этого?

Печник только пошевелил бескровными губами.

[1] Свинство.
[2] И ты здесь, мой дорогой...
[3] Искаженное господарь, господин, сударь, употреблявшееся в Белоруссии во время немецкой оккупации.

— И скажите ему... Спросите, кто у него там есть.

— Спадар зондерфюрер спрашивает: кто у вас там есть? Там, в сарае?

С уст старика с трудом сорвались слова:

— Там... моя... баба...

— Он говорит, что там его жена.

— Скажите ему, что жена его тоже не сгорит. Он может ее забрать.

— Спадар зондерфюрер говорит, что фрау... что жену свою вы можете забрать оттуда.

Бескровные губы в седеющей щетине снова шевельнулись:

— Там и дочка... с малыми дет...ками...

— Он говорит, что у него там еще дочка с детьми.

— О! Может быть, и еще кто-нибудь?!.

— Спадар зондерфюрер начинает выражать неудовольствие. Он спрашивает: кто там у вас еще?

— Скажи ему... у меня там соседи... А ты скажи, что родичи...

— Он говорит, что у него там много родственников. И соседи.

— Соседи?! Эс ист абер вас цу лахен!.. [4]. Уж не желает ли он, чтобы я отдал ему всю банду? Спросите у него в последний раз: чего он хочет, сумасшедший?

— Спадар зондерфюрер начинает сердиться. Вы, дядька, не стройте дурака, если хотите остаться в живых. Сейчас сарай подожгут. Он говорит, что вы, видно, хотели бы забрать оттуда всю банду.

Под седеющей стрехой бровей ожили наконец глаза. Губы совсем перестали дрожать. Точно не своим, непривычным движением — должно быть, первый раз в жизни — старик вскинул голову:

— А что ж он думает? И всех! Всех добрых людей!.. Может, он считает себя им ровней — этот твой господарь? Или, может, ты?.. Тьфу!..

Старик плюнул себе под ноги, повернулся и куда тверже, уже не тем бессильным шагом, каким плелся сюда, пошел к сараю.

На миг возникло какое-то замешательство, затем зондерфюрер сорвал с правой руки мокрую кожаную перчатку, расстегнул кобуру, выхватил пистолет и прицелился...

Среди жутких воплей выстрел почти не был слышен.

Но печник упал.

Он еще вздрагивал, когда его подняли и бросили через порог, под ноги сбившимся толпой односельчанам.

Потом ворота закрылись — навсегда.

И он сгорел — единственный, кто мог бы в тот день спастись.

И он живет.

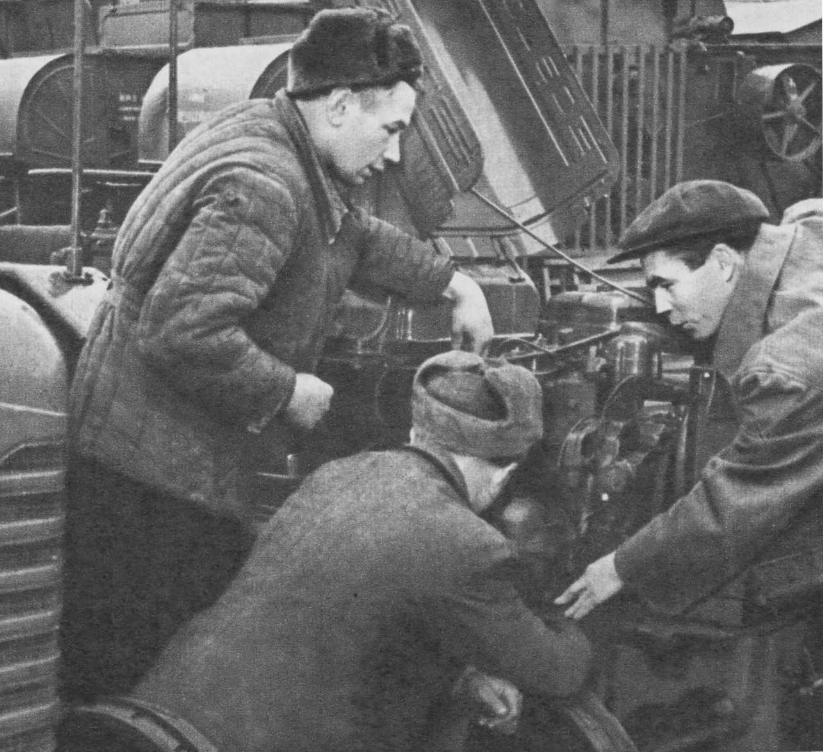
Перевел с белорусского А. ОСТРОВСКИЙ.

[4] Ой, умора!

Тропами народных мстителей

А. РОМАНОВ,
председатель колхоза имени Я. Купалы, бывший командир партизанской бригады имени Рокоссовского

Заместитель директора Дуниловичской РТС И. Н. Лысов (крайний справа) показывает колхозным механизаторам новую технику.

У памятника партизанам на берегу озера Нарочь.

Уже давно закончилась война. Однако с течением времени все дороже становились для меня уцелевшие от боевых партизанских будней бумаги и фотографии, карты и рисунки, махорочные кисеты и самодельные зажигалки — все, за что цепляется память. В свободные часы я любил перебирать, перечитывать и пересматривать эти памятки ратных дней, и за таким занятием пришла ко мне мысль снова посетить места, окуренные дымом партизанских костров.

...В деревне Константиново, на Мядельщине, была наша последняя стоянка — потом мы слились с частями Советской Армии.

Иду я по улице Константинова и в обновившихся избах не сразу признаю те дома, где был наш штаб, где сам я квартировал. Елена Семеновна, моя бывшая хозяйка, почти не изменилась за эти годы, только располнела. С первого же взгляда на ее добром старушечьем лице засветилась улыбка. А вот старик Яков Григорьевич Малявка, тот заметно сдал, ослаб глазами. Он долго прислушивался к моему голосу, и только уж потом речь его окрасилась теплыми, взволнованными нотками...

Затем все быстро, словно в кино, преобразилось. В бывшей «моей» комнате, посветлевшей от голубых обоев (теперь в ней квартировала молодая учительница), раздвинули стол, тесно уставленный немудреной, но до чего же аппетитной крестьянской едой: свиным салом, яичницей, сахаристо разламывающейся, дымящейся легким парком картошкой, поджаренной домашней колбасой, хрустящими солеными огурцами, квашеной капустой с тмином и, конечно же, антоновскими яблоками — свежими и мочеными...

Я спрашивал, как живут и каков трудодень. Во всем виден был достаток, чувствовалась уверенность в завтрашнем дне. Настоящую цену этому знают только те люди, кого война лишала всего.

Потом пошли воспоминания: кто — где, как выросли люди, сколько добрых дел сотворили они. Но разбежавшийся разговор не однажды спотыкался, затихал: о человеке вдруг приходилось говорить только в прошедшем времени. И тогда задумаешься, представишь себе его живым и столько хорошего вспомнишь о нем...

Поговорили о нашем бригадном «ордене» — о самодельных медалях, которыми награждали достойнейших. Чеканил их свой партизанский умелец, кузнец. Как его звали?

— Волосевичем, — уверенно заявил Яков Григорьевич.— Не то Александром, не то Федором...

— Золотые руки! А где он теперь?

— Кажись, в Мяделе...

Сам Мядель был теперь в конце маршрута. Путь наш лежал в Дуниловичский район.

Район по-старому назывался Дуниловичским, хотя центр его переместился в Воропаево. Как и Дуниловичи, Воропаево в войну было почти целиком разрушено, но железнодорожный узел помог этому городку быстро оправиться. Главное впечатление от городка — его прямые, обсаженные деревьями, прибранные улочки с чистенькими одноэтажными домами.

Я бродил по улицам, вспоминая подробности разгрома местного фашистского гарнизона, и трудно было представить, что эта земля пятнадцать лет назад была пепелищем.

В кабинете первого секретаря райкома партии Василия Николаевича Осененко, бывшего командира партизанского отряда «Слава», я застал председателя райисполкома Николая Парфеновича Смирнова, тоже партизана, комиссара отряда, и — вот удача! — секретаря соседнего Шарковщинского райкома Владимира Никифоровича Дорменева. Владимир Никифорович был начальником штаба нашей бригады, секретарем подпольного Дуниловичского райкома. Давно мы с ним не встречались, и теперь нас обоих захлестнула волна радости.

Районные руководители склонились над картой, обсуждая, как быстрее осушить заболоченные земли. Я вслушивался в их деловитые подсчеты, хозяйственные доводы и споры: говорили о строительстве водосточных канав, об очистке русла речки Полови-

На новой улице колхоза «Победа» в Глубокском районе, Молодечненской области. У колодца — доярки Вера Лось, Мария Кривенок и Анна Былинская.

Традиционная встреча партизан Россонщины (Витебская область) в лесу, недалеко от села Россоны.

Фото М. САВИНА.

Укладка льнотресты в скирды на Поставском льнозаводе в Молодечненской области.

Бывшие партизаны — секретарь Шарковщинского райкома партии В. Н. Дорменев, секретарь Дуниловичского РК КПБ В. Н. Осененко и председатель Дуниловичского райисполкома Н. П. Смирнов — обсуждают план совместных работ по мелиорации.

←
В книжном магазине районного центра Россоны. Продавщица Н. Г. Гореликова показывает юным покупателям новые книги.

Встреча А. Романова в деревне Ровное Поле с соратниками по партизанским отрядам.

цы, о мостах и дорогах. И в этих мирных разговорах нет-нет да и промелькнет обретенный в «партизанке» жизненный опыт, который позволяет принимать решения смело и уверенно.

Куда ни пойдешь, везде встретишь боевых друзей. Бывший командир отряда Иван Николаевич Лысов после войны был организатором Дуниловичской МТС. Теперь он замещает директора по самому хлопотному делу — по снабжению в РТС. Бывший комиссар отряда Николай Федорович Григорьев — ныне директор маслозавода. Бывший заместитель командира другого отряда, подорвавший восемь вражеских эшелонов, Михаил Григорьевич Матьков — дежурный по станции Воропаево. Жена его Людмила Петровна, тоже наша партизанка, мирно хозяйничает дома. А их дочка Светлана — она родилась в партизанском лагере — учится в восьмом классе.

Районный центр Глубокое ныне известен в Белоруссии крупным консервным заводом и птицекомбинатом. Партизанские соратники с гордостью показывали мне детскую музыкальную школу, новые магазины, культурно-бытовые учреждения...

Но меня больше всего тянуло в лучший в районе колхоз «Победа», где председателем Герой Социалистического Труда Михаил Васильевич Лытысов. Бывший старшина отряда имени Ленина, входившего в нашу бригаду, Михаил Васильевич оказался хорошим организатором колхозного производства.

Не буду скрывать: смотрел я на прекрасное хозяйство «Победы», думал о своем колхозе, и душа будоражилась беспокойной завистью. Ну что ж, мы тоже не стоим на месте — поглядим, что будет через два — три года и у нас...

По всем дорогам, ведущим в Россоны, катили в то воскресное утро разукрашенные автомобили, подводы и велосипеды: люди ехали на праздничную встречу партизан, которые действовали в этом районе. Были, понятно, и собрания, и митинг, и речи, и праздничные столы, но больше всего запала в сердце беседа у костра в лесу, где пообвалились от времени партизанские окопы, позарастали стежки-дорожки, некогда протоптанные «зелеными стрелками»...

Из Россон предполагалось поехать прямо в Поставы. Но разве можно миновать затерявшуюся в лесах деревню Ровное Поле, где девять месяцев располагался штаб нашей бригады, где был аэродром, на котором мы принимали самолеты с Большой земли, где была, как тогда говорили, «Вторая Москва»!

Машина бежит по ровному шоссе. До чего тут все знакомо и до чего много нового! Неузнаваемо подновились Клястицы. Вот новый мост через Нищу на месте старого, взорванного нами. А что там, ниже по речке? На бетонной плотине алеет призыв: «К 40-летию БССР межколхозная Клястицкая ГЭС будет готова!».

А вот и Ровное Поле. Неизвестно, почему так назвали деревню в свое время, но оккупанты спалили ее, превратили действительно в ровное поле. Деревня возродилась еще в ту пору, когда после землянок любой крыше будешь рад, и поэтому во многом напоминает старую: каждый строился на своем месте.

Все ровнопольцы были, разумеется, партизанами. Наши общие потери и победы как бы сроднили нас... Но я все же никак не предполагал, что приезд бывшего партизанского командира вызовет у ровнопольцев столь бурную реакцию. В сельсовете набралось столько народу, что всем не хватило места. Меня засыпали вопросами. Когда я спросил, не собраться ли нам, бывшим бойцам бригады, в Ровном Поле на товарищескую встречу в День Победы, то в ответ подхватили меня вместе со стулом и начали качать... Я понимаю, что не могу относить это на свой счет. Но это не может не тронуть самых заветных струн человеческого сердца...

В Мяделе я решил отыскать Волосевича. Посоветовали поехать в РТС.

— Волосевич? Партизан? Есть такой. Он в мастерской.

Знакомимся. Что-то не похож.

— Я тут не один. Есть Волосевич, токарь.

— И тоже партизан?

— Конечно!

Новое знакомство — и опять не тот...

— Это вы моего брата ищете. Это он робил медали, а я только помогал.

— Где же он?

— В Поставы уехал за запчастями. Он теперь у нас главным инженером работает.

Так и не пришлось увидеть мне нашего партизанского кузнеца, нынешнего главного инженера РТС, который, если мне не изменяет память, гравировал наш бригадный «орден».

Быстро промелькнули шесть дней. Как мало этого срока, чтобы побывать везде, где прошел партизанскими тропами, чтоб увидеть всех, кого встречал на этих памятных дорогах!

НА ВЕЛИКОМ ИСТОРИЧЕСКОМ РУБЕЖЕ

Вместе с русскими и украинцами, грузинами и казахами, эстонцами и латышами, вместе со всеми народами нашей страны белорусы обсуждают в эти дни величественную программу коммунистического строительства — тезисы доклада Н. С. Хрущева на XXI съезде КПСС.

Редакция «Огонька» попросила председателя Госплана БССР С. Н. МАЛИНИНА рассказать об основных задачах семилетки республики.

ВОПРОС. Каково направление дальнейшего индустриального развития Белоруссии?

ОТВЕТ. Контрольные цифры говорят сами за себя. Валовая продукция промышленности республики за 1959—1965 годы возрастет в 1,8 раза, производство средств производства — на 88 процентов. Уже сегодня в Белоруссии в расчете на душу населения производится металлорежущих станков больше, чем во Франции и Японии, тракторов больше, чем в Англии, Франции и Италии, мотоциклов больше, чем в Англии, велосипедов больше, чем в Западной Германии, Англии и Италии. И в нашей стране и за ее рубежами широко известны большегрузные автомобили «МАЗы», тракторы «Беларусь».

Машиностроение, и в частности автомобилестроение, тракторостроение и станкостроение, останется в нашей республике ведущей отраслью и в ближайшие семь лет. Семитонные грузовики новой конструкции начнет выпускать Минский автозавод, а большегрузные, и в частности 40-тонные, самосвалы, каких еще не знают в Европе, украсит новая заводская марка — «БелАЗ». Белорусский завод сверхмощных автомобилей, создаваемый в республике, к 41-й годовщине Октября уже выпустил первую машину.

Тракторный завод будет поставлять совершенные в техническом отношении, экономичные и легкие по весу колесные новые тракторы «Беларусь». Вступит в действие на полную мощность завод автоматических линий и агрегатных станков. Множество новых сложных изделий освоит электротехническая и приборостроительная промышленность; ее продукция возрастет примерно в пять раз.

Новой отраслью тяжелой индустрии Белоруссии станет химия. На богатейших месторождениях близ Старобина начал строиться один из крупнейших в Советском Союзе комбинат калийных удобрений. Кроме того, вступят в строй азотнотуковый и суперфосфатный заводы. Обсуждая контрольные цифры и подсчитав свои возможности, белорусские труженики выдвигают предложение о том, чтобы закончить строительство этих предприятий на один—два года раньше, чем первоначально намечалось. Таким образом, мы ускорим поставку удобрений колхозным и совхозным полям не только нашей республики, но и соседних областей России и Украины.

Характерная черта семилетки — быстрые темпы электрификации за счет строительства тепловых станций. Одна из них, Василевическая ГРЭС, недавно дала первый ток. В западных областях республики строится крупная Березовская ГРЭС. За семь лет почти втрое увеличится потребление электроэнергии на коммунальные нужды, в быту и почти в пять раз — в сельском хозяйстве.

ВОПРОС. Расскажите о будущем белорусской деревни.

ОТВЕТ. Специализация нашего сельского хозяйства остается прежней: интенсивное молочное и мясное животноводство, свиноводство, разведение водоплавающей птицы, производство картофеля, льна-долгунца, сахарной свеклы. Повысив урожайность, расширив посевные площади, увеличив продуктивность и поголовье скота, наши колхозы и совхозы будут к концу семилетки производить на 100 гектаров сельскохозяйственных угодий: зерна —350—400 центнеров, картофеля —1 500—1 700 центнеров, мяса в убойном весе — примерно 84 центнера, молока — 500—550 центнеров.

Белорусской колхозной деревне щедро поможет Советское государство. Колхозы и совхозы получат в изобилии удобрения, новые тракторы и сельскохозяйственные машины. Будет завершена электрификация и радиофикация колхозов. Розничный товарооборот в селах возрастет примерно вдвое, деревня получит большое количество высококачественных товаров.

В 1965 году по сравнению с 1957 годом производство молока и мяса в республике возрастет более чем вдвое, картофеля и льноволокна — в полтора раза, овощей — почти в 2 раза, сахарной свеклы — в 3,2—3,6 раза.

ВОПРОС. Значит, увеличится и производство сахара в республике?

ОТВЕТ. Разумеется. С постройкой четырех новых сахарных заводов производство сахара в Белоруссии возрастет более чем в шесть раз и республика станет новым в нашей стране районом сахароварения.

ВОПРОС. А что можно сказать о пищевой и легкой промышленности?

ОТВЕТ. Нет такой отрасли народного хозяйства Белоруссии, в которой не предусматривалось бы резкое, минимум в полтора—два раза, увеличение выпуска продукции. Что же касается мясных продуктов и овощных консервов, текстиля, часов, швейных машин, радиоприемников и телевизоров, то их производство возрастет в несколько раз. А хлопчатобумажных тканей в 1965 году мы будем производить в 18 раз больше, чем теперь, шелковых тканей — в 13 раз.

Белорусы умеют и любят строить и фабрики, и электростанции, и жилые дома. В послевоенные годы буквально из пепла и руин были возрождены сотни сел, десятки городов, каждый из которых стал более благоустроенным, красивым, чем прежде. Год от года мы учимся строить лучше, быстрее и дешевле. За 1959—1965 годы население Белоруссии получит свыше 15 миллионов квадратных метров площади жилых домов — это в два с лишним раза больше, чем было построено за предыдущие семь лет. Опыт, накопленный огромной армией наших строителей,— гарантия тому, что намечаемая на семилетие программа строительства будет выполнена и перевыполнена.

В праздничные дни сорокалетия республики, в канун XXI съезда КПСС на заводах и фабриках Белоруссии создаются бригады коммунистического труда. В этом массовом движении — выражение твердой воли советских людей выполнить программу семилетки.

РАЗВЕДЧИКИ ИНДУСТРИИ

С. МОРОЗОВ

Думающая машина

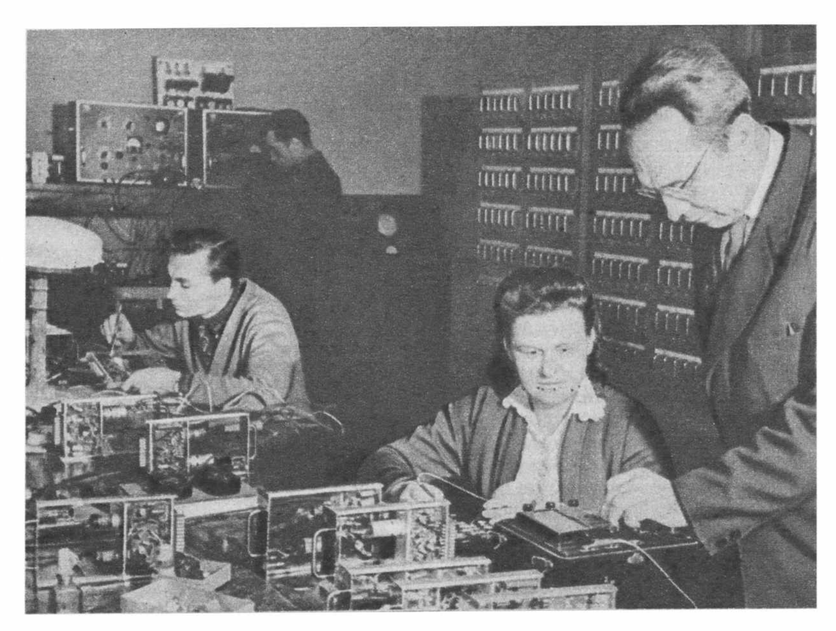
— Здесь она только рождается, а жить и работать будет в другом, куда более просторном помещении, — говорит, улыбаясь, заведующий лабораторией Иван Васильевич Лебедев, проводя нас по комнатам, похожим на миниатюрные цехи.

Машина, о которой ученый говорит, как о живом существе, представлена тут множеством радиодеталей, разложенных по столам, металлическими шкафами-стойками, бесчисленными мотками проводов. Нам показывают клавиатуру, почти такую же, как у пишущих машинок, длинные бумажные ленты с рядами отверстий — условным кодом цифр, крохотные колечки из магнитного материала феррита, которые будут служить запоминающими элементами.

Все это как бы глаза и уши, нервы и мозговые извилины будущего сложного организма, который создается по замыслу человека.

Когда слушаешь пояснения И. В. Лебедева и его помощников, то порой кажется, что тебе читают фантастический роман. В самом деле, трудно представить себе мозг, способный в секунду производить 4 тысячи арифметических действий. А ведь именно таким «гениальным богатырем» будет электронная вычислительная машина «Луч», сконструированная в Институте физики и математики Академии наук Белоруссии. По скорости, или, как тут говорят, быстродействию, она будет примерно в 80 раз превосходить существующие электронные вычислительные машины «Урал».

В этом мире астрономических цифр и космических скоростей существует своя микроединица времени—такт, равный 8 миллионным долям секунды. На сложение двух чисел «Луч» тратит два такта, на действия умножения — от 40 до 80 тактов.

Здесь монтируют думающую машину. На переднем плане: И. В. Лебедев и научная сотрудница Н. Я. Караченцова.

— Вспомните обычные конторские счеты, — говорит И. В. Лебедев. — Электронные вычислительные машины работают, по существу, на том же принципе. Только тут вместо костяшек движутся импульсы электрического тока. Если на счетах в секунду перебрасывается несколько костяшек, то машина за это же время успевает пропустить сотни тысяч импульсов. Отсюда и быстрота вычислений.

Иван Васильевич рассказывает, как три года назад группа молодых белорусских ученых начала создавать электронную машину «Луч», о том, как теперь она успешно монтируется и в первом году семилетки начнет работать.

— Чем же отличается «Луч» от существующих подобных машин?

— И быстродействием и конструктивными удобствами, — отвечает И. В. Лебедев. — Извлечение квадратного корня, например, требующее на других машинах нескольких десятков операций, на «Луче» проводится за одну операцию. При разработке конструкции «Луча» достигнута значительная экономия электронных ламп. Ряд устройств — на полупроводниках.

— А чем займется ваш коллектив после того, как «Луч» начнет действовать?

— Вслед за электронной вычислительной машиной мы будем создавать электронные управляющие автоматы, — говорит И. В. Лебедев. — В отличие от обычных жестких автоматов, повторяющих одни и те же действия, это будут гибкие автоматы, способные учитывать меняющуюся обстановку и, сообразуясь с ней, давать сигналы по управлению технологическими процессами. Такие автоматы особенно нужны в химической промышленности. Ведь там зачастую требуется единое управление сотнями регуляторов, поддерживающих давление, температуру, состав газов во многих пунктах завода. Показания измерительных приборов в форме чисел поступят в управляющую электронную машину и там будут сравниваться с заданными величинами. Если, например, давление меньше заданного, то машина даст управляющий сигнал, который заставит компрессор повысить давление. Мы надеемся, что в наступающем семилетии на химических заводах страны появятся электронные управляющие машины с нашей белорусской маркой...

Е. Г. Коновалов испытывает ротационный дорн.

Одно из двенадцати

Адрес одноэтажного домика, что стоит в Минске на Подлесной улице, известен в Москве и Ленинграде, в Тбилиси и Алма-Ате, в Кировске и Ульяновске. От множества заводов, проектных бюро, научно-исследовательских организаций каждый день поступают письма в Физико-технический институт Академии наук Белоруссии на имя Евмения Григорьевича Коновалова. Все пишут об одном и том же — просят выслать чертежи и описания ротационного дорна.

— Прямо хоть типографию открывай ответы печатать, — говорит Евмений Григорьевич, человек небольшого роста, стремительный в движениях и торопливый в речи, по всему видно, занятый делами с утра до вечера. Перелистав объемистый том переписки, он достает из стола папку с фотокопиями подобных же запросов, адресованных Минскому станкозаводу имени Кирова.

— Все это отклики на заметку, которая была летом в «Комсомольской правде». Писали о том, как кировцы используют дорны у себя... И эту вот длинную бумаженцию, сочиненную на Гомельском сельмаше, тоже стоит почитать.

Читаем акт, присланный в Минск из Гомеля, удостоверяющий, что ротационное дорнирование дало заводу 645 тысяч рублей экономии.

Что же это такое, ротационный дорн?

Евмений Григорьевич подводит нас к токарному станку, показывает втулку, которую надо отшлифовать изнутри, расширив на сотые доли миллиметра.

— Шлифовать по старинке, абразивными кругами, — дело долгое и к тому же пыльное в самом буквальном смысле слова, — чуть усмехается Коновалов, объясняя, как мельчайшие частицы абразивных зерен, вдавливаясь в металл, нарушают его структуру и форму детали. — А мы добиваемся, чтоб чистовая обработка металлов и впрямь шла чисто, без стружки.— Он показывает дорн, укрепленный на задней бабке станка, и предлагает так сформулировать описание: это шариковая обойма с сепаратором, опирающаяся на конусный стержень.

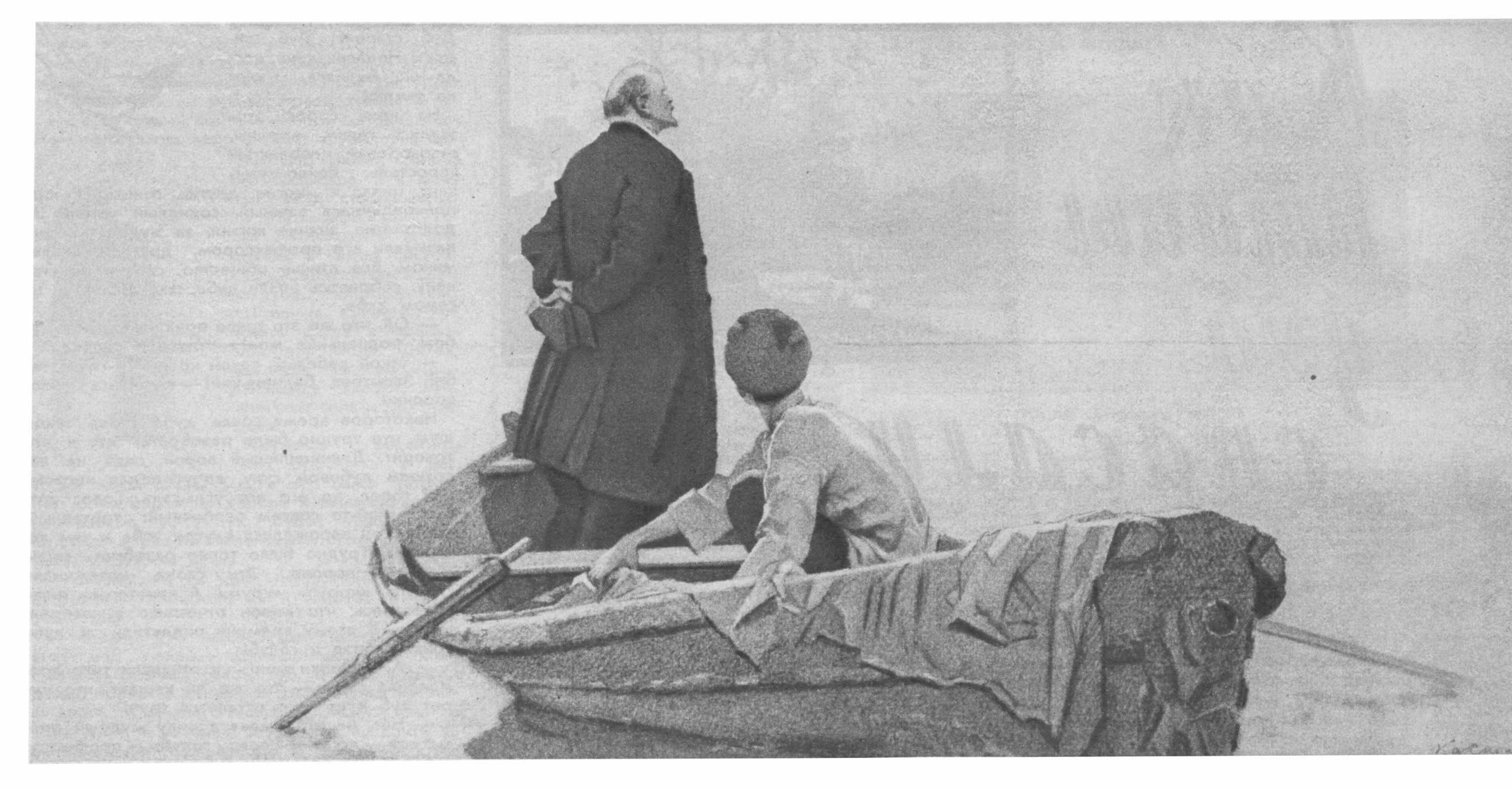
Но нам хочется сказать проще (да простят нам эту вольность специалисты): дорн похож на кулак; как кулак то сжимается, то разжимается, так и здесь можно регулировать диаметр, подгоняя шарики к самым стенкам втулки. Нам хочется сравнить дорн и с крохотными, микроскопическими «планетами» (ведь шарики вращаются и по окружности и вокруг собственных осей). Так дорн, уплотняя, шлифует металл до зеркального блеска, ни на йоту не нарушая форму втулки.

— Это для внутренней обработки цилиндров. А вот, пожалуйста, шлифуйте ту же втулку снаружи... А это для чистовой обработки горизонтальных стальных плит, — продолжает Коновалов, демонстрируя дорны всевозможных конструкций.

— Кто же автор этого нового, поистине универсального метода обработки металла?

— Наш коллектив, — отвечает Евмений Григорьевич, показывая 12 свидетельств, выданных за последние полтора года Комитетом по изобретательству.

Вот одно из них: ротационный дорн изобретен заведующим ла-

К. М. Космачев. НАКАНУНЕ.

бораторией Е. Г. Коноваловым, старшим научным сотрудником Ю. А. Сидоренко и аспирантом И. С. Лобачевским, который сейчас заканчивает кандидатскую диссертацию по этой теме. Остальные 11 изобретений ученых также внедряются в производство.

— Недавно одолела меня еще одна затея, — рассказывает Евгений Григорьевич, — хочу объединить в один процесс шлифовку и термическую обработку деталей...

И тут же, достав лист бумаги, он вычерчивает карандашом схему, начинает популярно объяснять...

Для большой химии

Красновато-коричневая глыба, сросшаяся из множества кристаллов, лежит на столе просторной и пока еще полупустой комнаты.

— Новоселье, как видите, в нашей лаборатории, — говорит член-корреспондент Академии наук БССР Михаил Михайлович Павлюченко, знакомя нас со своим сотрудником Х. М. Александровичем.

— И в Старобине еще новоселье пока, — замечает тот, — но мы строителей не задержим, не подведем.

Старобин, о котором идет речь, расположен в сотне километров от Минска. Там добыта эта красноватая руда — сильвинит, содержащий калийную соль. Там начинают строить первый в Белоруссии комбинат калийных удобрений. А здесь, в столице республики, в Институте химии, ученые думают над будущим этой новой отрасли индустрии. В сущности, если смотреть широко, это дума о хлебе и льне, о плодородии земель не только в Белоруссии, но и в соседних областях России и Украины. Все расходы, связанные с постройкой комбината, окупятся в первый год его работы высокими урожаями.

— Большое это дело для нашей деревни — своя местная химия, — рассказывает М. М. Павлюченко. — А то ведь как получалось: «За морем телушка — полушка, да перевоз — рубль». Если калийную соль из Березников да и Соликамска сюда возить, она обойдется почти вдвое дороже.

Старобинский комбинат будет побольше Соликамска и Березников. Но здешний сильвинит бедней уральского, с больших глубин его труднее добывать. Потому-то и надо удешевить дальнейшую обработку — обогащение руды. Этим и заняты сейчас ученые.

На Урале калийную соль отделяют от поваренной химическим путем. Это дорого. На Старобинском комбинате решено применить обогащение с помощью флотации и гидроциклона. Это будет много дешевле.

— Тут все дело в разности удельных весов, — поясняет Х. М. Александрович, показывая, как движется в гидроциклоне насыщенный раствор с измельченным сильвинитом. — Центробежная сила разделяет соли — кристаллы хлористого калия освобождаются от своих соседей, с которыми вместе пролежали миллионы лет в недрах земли.

— Хорошая машина, надежная, — говорит М. М. Павлюченко. — Пять — шесть гидроциклонов на обогатительной фабрике обеспечат переработку всей руды, которую будут добывать в Старобине. Сейчас в лаборатории мы проверяем и гидроциклон и флотацию, чтобы в 1960 году оборудовать в Старобине опытно-промышленную установку.

Мое богатство

Артур ВОЛЬСКИЙ

Как и каждый в моей стороне,
Я богатству предела не знаю.
То богатство
Не в золоте —
Нет! —
А в любви моей к милому краю.

Не запрятано где-то вдали,
Не в кубышке
Оно под землею, —
То богатство
С подталой земли
Поднимается к солнцу весною.

Ни червонцев на стол —
Без трудов, —
Ни процентов
Оно не приносит, —
Только тяжестью
Грузных плодов
Украшает червонную осень.

По земле, как хозяин, иду,
Эти пашни,
Озера
И реки
Мне отцы в незабвенном году,
Как подарок,
Вручили навеки.

Белоруссия —
Милый мой дом,
Богатейший и щедрый,
Как в сказке!
Рад я
С другом моим — земляком
Поделиться богатством
По-братски...

Ты богатство мое
И любовь,
Беларусь!

Я от края до края
В шелестенье берез и дубов
По-сыновьи тебя обнимаю.

Мне в пути быть года
И года.
Встречу радости
Иль неудачи, —
Своего ни за что,
Никогда
Я богатства,
Клянусь, не растрачу.

Перевел с белорусского
Вас. ЖУРАВЛЕВ.

Такие сердца у нас...

Кастусь ЦВИРКА

Видно, кости такие у нас —
На пуху нам не спится;
Видно, ноги такие у нас —
Нам нигде не сидится;
Видно, руки такие у нас —
Им никак не лежится.

Нужно им, нашим крепким костям,
Лечь на жесткие полки;
Нужно степью пылить им, ногам,
Нужно мерить проселки;
Нужно скалы крушить им, рукам,
Лед дробить на осколки.

Пусть глаза ослепляет гроза —
Не заставит нас гнуться;
Пусть дремота смыкает глаза —
Не вздохнем об уютце;
Лом в руках пусть покроется
льдом —
Пальцам не разомкнуться!

Видно, руки такие у нас,
Видно, ноги такие у нас,
Видно, кости такие у нас,
Сердца такие у нас!

Перевел с белорусского
Мих. ЛЬВОВ.

Как птицы дуб спасали

СКАЗКА ЖИЗНИ

Якуб КОЛАС[1]

Рисунки В. ВЫСОЦКОГО.

В точности не скажу, на берегу какой реки вековал старый дуб: то ли над Неманом, то ли над Свислочью. Да это и не меняет существа дела. Важно то, что незаметно, год за годом, на дуб наваливалась старость. Верхушка его лысеть начала, и уже несколько голых, как пальцы рук, веток, словно свечки, высоко светились в небе. Окрестное население: ивовые кусты, кругловерхие вербы, засохшие старые деревья, сосны на краю луга и молодое поколение дубов с их обитателями — не могло не заметить, что многолетний дуб над рекой начинает поддаваться старости. Это обстоятельство вызывало у самих наблюдателей невеселые мысли о своей собственной участи. А главное, жалко было старый дуб: все к нему привыкли, любили грозный шум его во время летних бурь. Вообще приятно было смотреть, как дуб воевал с бурями и непогодами, не кланялся им, а стоял крепко. Ветви и листья на ветвях были зеленые, сочные, полные жизни. Казалось, износу не будет богатырю-дубу. И вдруг такое неприятное явление: захворал дуб и медленно засыхал.

Сорока, угадав мысли ивовых кустов, первая защелкала, зашикала, застрекотала на все голоса:

— Слышите, слышите! Дуб стареет! Дуб стареет! Недалек день, когда он, бедняга, рухнет на землю!

На крик сороки отозвались галки, вороны, сизоворонки, горластый коростель, бекас-музыкант, цапля и многие другие птицы. К ним присоединился важный, солидный ворон. За долголетие, знание жизни, за мудрость одни называли его профессором, другие — академиком. Все птичье общество, словно по сигналу, собралось возле дуба, под дубом и на самом дубе.

— Ой, что же это такое приключилось с дубом, родненькие мои! — трещала сорока.

— Такой дебелый, такой крепкий — и на̀ тебе! Засыхает, бедненький! — журились сизоворонки.

Некоторое время возле дуба стоял такой шум, что трудно было разобрать, кто и что говорит. Длинноклювый ворон, сидя на засохшем дубовом суку, вдруг подал негромкий голос, но его все услыхали. Голос этот был какой-то совсем особенный: гортанный, словно он зарождался внутри зоба и там застревал. Трудно было точно разобрать слова мудрого ворона. Эти слова напоминали «грруп», «кррруп», «крум». А некоторым даже показалось, что ворон отчетливо выговорил: «труп». К этому времени подлетели к дубу сойка, дрозд и голубь.

— А, матушки мои! — в отчаянии тихо промолвила сойка.— Это же он вещает, что умрет дуб и от него останется труп!

— Нет, не это имеет в виду мудрый профессор,— вставил слово голубь,— профессор говорит, что больному дубу надо крупы гречневой или пшенной.

— Вы не понимаете слов профессора, ибо он говорит по-латыни, — заметил дрозд.

— Тихо вы! — зашикала сорока.— Профессор хочет сказать речь!

— Академик,— поправила ее сизоворонка.

И действительно, ворон зашевелился, хлопнул крыльями, слетел на один из нижних ду-

[1] Из литературного наследия писателя.

СЕМЬЯ КРЫЛАТЫХ

«Дорогие батя и мамуся! Можете поздравить меня. Летную школу окончил на «отлично» и в ближайшие дни прилечу к вам на свежую картошечку. Как она, выросла уже?..» — так писал родителям восемнадцатилетний Миша Пляц 21 июня 1941 года. По примеру старших братьев — Дмитрия, Ивана и Леонида — он пошел в военную авиацию.

Грянула Отечественная война.

В белорусском селе Озерцы горку, на которой стоял дом Степана Павловича и Натальи Моисеевны Пляц, фашисты обнесли колючей проволокой, создав лагерь для военнопленных. Гитлеровцы зверски избивали их, морили голодом. Десятки жизней унес тиф. Кровью обливалось сердце Степана при виде мук и страданий узников, часто вспоминал он далеких своих сыновей.

Однажды ему удалось сделать слепок ключа от замка к одним из ворот лагеря. В следующую ночь девять советских военнопленных покинули лагерь. Прошел месяц — Степан сделал еще несколько ключей и роздал их пленным. В одну из самых темных ночей фашисты недосчитались более трехсот узников. Все они ушли в партизаны по пути, который показал Степан.

Среди спасенных был один, на одежду которого Пляц обратил особое внимание. «У него такая же гимнастерка, как у моих сынов. Летчик, видать»,— думал Степан, присматриваясь к пленному. Товарищи называли его Львом.

И вот пленник на пороге свободы.

— Счастливой дороги, сокол! — пожелал ему на прощание Степан Павлович.

А в это время его собственные сыны-соколы бомбили склады и эшелоны врага, топили корабли. Сколько раз под крыльями их самолетов проплывали города и деревни, леса и реки родной Белоруссии, временно захваченной врагом!

За время Великой Отечественной войны сыновья Степана Павловича — Дмитрий, Иван, Леонид и Михаил,— жена Михаила Руфина Гашева и жена Леонида Раиса Аронова совершили сотни боевых вылетов. Отважная семья крылатых получила в общей сложности около 50 правительственных наград, а Руфина Гашева и Раиса Аронова были удостоены высокого звания Героя Советского Союза.

Снова наступили мирные дни. Самый старший сын, Дмитрий,— летчик-испытатель, налетавший свыше двух миллионов километров. Сейчас он на пенсии. Иван работает техником на аэродроме гражданской авиации в Молодечно. Леонид — майор, служит в Москве. А самый младший из сыновей-летчиков, Михаил, окончил военную академию. В авиацию пошли и внуки Степана Павловича — Олег и Георгий.

Степану Павловичу Пляцу сейчас уже около 80 лет. Время посеребрило его голову и коротенькие усики. Но глаза по-прежнему зоркие: письма от сыновей, внуков, друзей он читает сам, ни к кому за помощью не обращается.

Недавно почтальон принес пакет, в котором лежали письмо и фотокарточка. Что-то очень близкое, родное было в лице незнакомого офицера в летной форме, изображенного на снимке. Старик начал читать письмо.

«Еще одного сына нашел»,— подумал он с радостью.

Да, человек, писавший ему, по справедливости мог быть назван сыном Степана Пляца. Это был летчик Лев Семенович Косенко, тот самый, которого старик в годы войны спас из фашистского концлагеря. С благодарностью и любовью писал Л. С. Косенко своему спасителю, обещая вскоре приехать повидаться в Озерцы.

Г. КОРОЛЕВ

Из семейного альбома

Степан Павлович и Наталья Моисеевна Пляц.

Сыновья: Дмитрий, Иван, Леонид.

бовых сучьев, сел и окинул взором все птичье общество. Общество затихло, замерло.

— Кррак! — тихо начал свою речь ворон, так тихо, как обычно начинают свои выступления академики на ученых президиумах.

— Ясно всем, почтенное птичье общество,— продолжал ворон,— наш глубокоуважаемый дуб болен: голова его облысела, а в нижней части ствола начало образовываться дупло. Необходимо исследовать, в каком состоянии находится сердцевина дуба. Попрошу вас, почтенные коллеги, поискать дятла и пригласить его сюда. Дятел, как вам известно,—выдающийся хирург, лучший целитель и друг дерева.

Шумные вереницы птиц бросились в лес, чтобы найти дятла. Найти его было нетрудно: дятел сидел на дереве и выстукивал однообразное тук-тук-тук, будто телеграфист, который передает телеграмму. Птичья делегация окружила дятла.

— Милейший ты наш! — обратилась к дятлу галка.— Прилетели мы к тебе от птичьего общества.

— Старый дуб занемог, тот самый дуб, что стоит над рекой,— присоединился к галке дрозд.— Славный такой дуб, и ты, дорогой дятел, прилетал к нему в гости. А что касается меня, то лучшего места для пения, чем на этом дубе, я не знаю нигде. Так не сочти за беспокойство, пожалуйста, и проведай больного. Все мы просим тебя.

Дятел прервал свою работу и собрался в дорогу. Дорога, правда, была недолгая, но дятел по части перелетов не большой мастер: подлетит немного и присядет, а тем временем в силу своей профессии глянет на одно, на другое дерево. Наконец все же дятел с птицами-посланцами прибыл к старому дубу. Не торопясь, как и подобает солидному доктору, дятел осмотрел все дубовые ветки и небольшие дупла-расщелины. Осмотр производил с большим вниманием, старательно, залезал и в самое дупло. Порой он, словно доктор-невропатолог, стучал своим длинным клювом-молоточком по дубовой коре, по веточкам. Птицы с замиранием сердца следили за каждым многозначительным движением дятла, дивились его в высшей степени ловким врачебным приемам и хранили торжественное молчание. Наконец дятел закончил осмотр больного, после чего, как ловкий акробат, сделал на диво красивый поворот на пальцах своих лапок.

— Дуб болен, но не настолько, чтобы можно было тревожиться за его жизнь. Дубу нужен полный покой. Все дырки, которые ведут внутрь дуба, нужно тщательно заделать, а вместе с тем позаботиться, чтобы северные и восточные ветры не беспокоили старый дуб. А более всего смотреть за тем, чтобы ни капли влаги, будь то дождь или снег, не попадало дубу вовнутрь. Желуди снять и листву кое-где проредить, чтобы укрепить корни дуба. Ну, вот и все.

Дятел поклонился птичьему обществу, сказав на прощание «Чик», и приготовился лететь своей дорогой.

— Благодарим, благодарим тебя, дорогой доктор! — отвечали птицы и также поклонились дятлу.

Голубь с дроздом подхватили дятла под крылья и так летели с ним без всяких пересадок до самой дятловой резиденции, а затем присоединились к птицам, оставшимся возле дуба.

— Тррак! — снова обратился к птицам с речью ворон.— Будем лечить дуб. Прежде всего повесим широкое рядно, чтобы защитить дуб от северных ветров. Где мы его возьмем?

— Нарвем дерезы и такой смастерим занавес, что сам дуб ахнет! — отозвались сороки.

— Хорошо! — согласился ворон и добавил: — Надо же и прикрыть дуб сверху.

— Мохом накроем, сухим, белым, боровым! — закаркали вороны.— Такой чепец соткем для него, что ни одна капля влаги не попадет в нутро дуба!

— Все щели позатыкаем, чтобы капля влаги не просочилась,— затрещали сизоворонки.

Дружно взялись птицы за работу. Сначала стрясли желуди с дуба, пообщипали листья, а без желудей и без листвы дуб — почти то же самое, что человек без штанов. Широкий заслон-занавес защищал дуб от северных и сухих восточных ветров, хоть он и мешал дубу смотреть в далекую даль, в широкий свет, который очень манил к себе сердце старого дуба. Плотно заткнутые щели не пропускали теперь ни влаги, ни прохлады и свежести вольного ветра. А птицы были прямо счастливы, что так старательно опекали дуб.

Остается сказать немного, чтобы закончить сказку.

Прошла зима, а за зимой, как известно, идет весна. Возвратились из отлета аисты. Они не принимали участия в лечении и охране дуба: их не было в родных местах, когда произошли все эти события, они уже успели отправиться в теплые края. Как глянули они теперь на дуб, так от горя и изумления подняли вверх клювы: что сталось с дубом? На его лысой верхушке красовался чепец, словно у старой бабки. С двух сторон висели широкие дерюги. Все оконца в стволе дуба были плотно заткнуты. Истлевать начал старый дуб и, казалось, еле на ногах держался.

— Что сталось с нашим дубом? Что будет с нашим домом? — говорила аистиха, закинув нос высоко вверх.

— Ой, милые! Как мы опекали его! Как лечили! — ответила аистам сорока-щебетуха.

— Опекали, лечили! — с горечью передразнил ее аист.— Заопекали, залечили! Давай, женка, сами будем помогать нашему дубу.

Разрушили они заслоны, сотканные из дерезы, сбросили со старой головы дуба чепец, вытащили пеньковые затычки из щелей.

Вдохнул дуб свежего воздуха, и сразу стало ему легче. А когда прошел дождь и напоил сухое нутро дуба целительной влагой, он совсем ожил. Зазеленели на нем листья, а к концу лета на ветках дуба выросли и желуди.

— Спасибо вам, дети мои,— обратился дуб к своим жильцам-аистам,— вы открыли мне мир, а я словно во второй раз пришел в него.

А затем усмехнулся и добавил:

— Всюду и во всем нужно иметь ум и знать меру.

Перевел с белорусского
Евг. МОЗОЛЬКОВ.

1956 год.

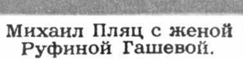

Михаил Пляц с женой Руфиной Гашевой.

Жена Леонида — Раиса Аронова.

Внуки: Олег и Георгий.

ДЕПУТАТ ПЕРВОГО СОВЕТА МИНСКА

В Минском музее выставлен любопытный документ— удостоверение о том, что И. П. Голубев является депутатом Минского городского Совета первого созыва.

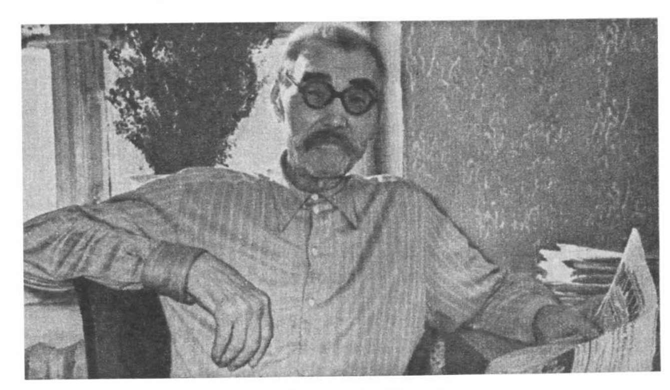
В Минске после Февральской революции в первый Совет вошли железнодорожники, кожевники, работники городской конки, электростанции, пищевики и солдаты Западного фронта. Был среди них и Иосиф Голубев, ныне персональный пенсионер. Участник революции 1905 года, он работал столяром в вагоноремонтных мастерских, часто встречал там М. В. Фрунзе и А. Ф. Мясникова, по инициативе которых в мастерских еще до Октябрьской революции были созданы четыре большевистские ячейки. В одну из них тогда вступил и Голубев.

Вагоноремонтники послали Голубева в Минский Совет своим депутатом.

— Деятели городской думы косились на депутатов первого Совета, чинили им всякие препятствия, старались сорвать наши заседания,— вспоминает И. П. Голубев.— Но интересы депутатов защищала минская народная милиция во главе с Михаилом Васильевичем Фрунзе. Однажды городская дума решила лишить окраины Минска электрического света. Рабочие-депутаты пришли с жалобой к М. В. Фрунзе. Он принял меры, и в тот же вечер окраины города были вновь освещены.

Старейший депутат Минского Совета И. П. Голубев с радостью глядит сегодня на новый красавец-город, преображенный за годы Советской власти.

Е. САДОВСКИЙ

Иосиф Петрович Голубев.

ТРИ СУДЬБЫ

На обложке этого номера журнала три портрета: президента Академии наук Белорусской ССР В. Ф. Купревича, учительницы Л. К. Кудрявцевой и старшего мастера сборочного цеха Минского станкостроительного завода имени Кирова М. К. Гороховика. Разные по возрасту и занятиям люди. Что же общего в их судьбах?

Василий Феофилович Купревич принадлежит к старшему поколению белорусских ученых. За плечами его большая жизнь, начатая в крестьянской семье, на Минщине. Военную службу Василий Купревич отбыл на флоте. Был комендором на эсминце «Самсон». Там и подружился с большевистскими пропагандистами. Вместе с другими матросами Балтики Василий Купревич штурмовал Зимний дворец в октябре 1917 года.

После революции Василий Феофилович вернулся на родину, стал учителем, преподавал в школе естествознание и физику, лелея заветную мечту о высшем образовании. В 1927 году мечта эта стала явью. В. Ф. Купревич, продолжая учительствовать, поступил на заочный факультет природоведения Второго Московского университета и спустя четыре года получил диплом.

Научные исследования, которым он целиком посвятил себя, принесли ученому широкую известность. Труды В. Ф. Купревича в области патологической физиологии растений, систематики и биохимии низших растений широко известны в нашей стране.

Жизнь Лидии Константиновны Кудрявцевой сложилась по-иному. К началу Отечественной войны она успела окончить только восемь классов средней школы. В Ташкенте, на заводе, Лида быстро освоила две специальности — шлифовщицы и настройщицы станков-автоматов. Работая, она одновременно училась в вечерней школе. Окончив десятилетку с отличием, поступила на заочное отделение физико-математического факультета университета. Затем спустя два года перешла на дневное отделение, а вечерами преподавала в той же вечерней школе, которую не так давно сама окончила. В 1948 году наступил большой день в жизни Лидии Кудрявцевой: она получила диплом. Ныне она инспектор Минского гороно, депутат городского Совета.

Марату Гороховику 27 лет, но он уже старший мастер. После службы в армии Марат поступил на завод. Работал и учился. Окончил десятилетку. Любознательный и трудолюбивый, он быстро рос в рабочем коллективе. Сначала стал хорошим слесарем, потом технологом сборочного цеха, а теперь самостоятельно руководит участком.

По вечерам коммуниста Марата Гороховика можно видеть в аудиториях политехнического института. Он студент четвертого курса вечернего факультета. И работа и учебные занятия идут у Марата Клементьевича успешно. Впереди инженерный диплом, труд конструктора.

— Каждый день у вас расписан по часам и минутам. Как к этому относятся в семье?

— Тут у нас полное согласие,— с улыбкой отвечает Марат Клементьевич.— Жена моя, Эмма Яковлевна, работая корректором, тоже заочно учится в университете на шестом курсе филологического факультета. Отец мой, пенсионер, продолжает преподавать в вечерней школе. Только Леночка, дочка, еще не учится. Но ей всего полтора года.

...Три разных судьбы трех разных по возрасту и занятиям людей. Но всех их роднит путь к знаниям через труд.

П. ВАЛЕНТИНОВ

СЕРГЕЙ, ВЧЕРАШНИЙ СОЛДАТ...

Мих. ЗЛАТОГОРОВ

Знаете ли вы, как работают обрубщики в литейных цехах машиностроительных заводов? Професcия совсем не из легких. Перед тобой грузная чугунная отливка — блок цилиндров или задний мост. Она уже остыла, ее уже почистили под пулеметными струями мельчайшей дроби в специальных барабанах, но все равно отливку нельзя еще посылать на механическую обработку. Токари и фрезеровщики не примут такого шершавого урода. Посмотрите: на отливке словно гроздья грибков. Надевай защитные очки, бери наждак, пневматическое зубило...

На эту работу в чугунолитейном цехе Минского тракторного завода редко кто шел. Отливки очищались прямо на земле, по соседству с дробеструйными барабанами. Обрубщик без всяких механических помощников сам должен был ворочать и переворачивать тяжелые отливки то на одну сторону, то на другую, низко нагибаясь над ними, до предела напрягая мускулы спины и рук. Он всегда был в поту, в мелкой чугунной пыли, а успевал сделать совсем немного. Правда, платили обрубщикам хорошо.

Именно это соображение — насчет заработка — принял во внимание, когда выбирал себе цех, Сергей Канайкин, вчерашний солдат, который летом пятьдесят шестого получил направление на Минский тракторный.

— Длиннее, чем в литейке, рубля нигде не найдешь,— сказал ему знакомый парень Иван Манюк.—Я мог бы устроиться слесарем, а пошел на рубку блоков... Сила есть? — Он пощупал у Сергея бицепсы. — Ничего. Давай к нам!

Сергей только что женился. Женой его стала Лена, работница обувной фабрики, с которой он познакомился, еще будучи солдатом. Лена снимала комнатку. Когда туда перебрался Сергей, хозяева повысили квартирную плату. Молодоженам хотелось поскорее и приодеться. Оба любили бывать в театре... А еще Сергей помогал матери, которая осталась в деревне одна после смерти отца. Все это требовало денег. Вот почему Канайкин от души поблагодарил Манюка за добрый совет.

Пневматическое зубило, увесистый инструмент обрубщика, не сразу стало послушным в его руках. Отливки, словно нарочно, поглубже зарывались от Сергея в земляной пол цеха,— попробуй выковыряй да поверни так и эдак раза четыре — пять!

Первые дни Канайкин изматывался, совсем выдыхался под конец смены, а по выработке плелся в конце всех. Но постепенно наблюдательность, смекалка и терпение, воспитанные военной службой, взяли верх. Канайкин не ушел из обрубного отделения, как уходили после испытательного срока примерно девятнадцать человек из двадцати. Втянулся... И скоро не хуже других стал обрабатывать за смену по 7—8 блоков. Он еще не знал, что для завода такая выработка была мала, крайне мала, что моторный цех лихорадило из-за нехватки блоков, что к черту летели графики сдачи тракторов и срывались все обязательства тракторозаводцев, главным образом по причине низкой производительности труда в чугунолитейном цехе. Он был доволен, что в получку мог подарить Лене то флакон духов, то шелковую косынку.

Обрубщики в обед растягивались на траве за корпусом, греясь на солнышке, лениво переговариваясь:

— Опять этот... майор приходил. Поднажмите, говорит, ребята, иначе сборка моторов станет.

— Пусть сам возьмется за молоток да поворочает наши «крокодилы»! Языком молоть — оно легче!

— Он думает, тут ему армия!.. А я вот завтра совсем не выйду. А? Что мне сделают?

— Дирекция машину за тобой на квартиру пришлет. Без нас хоть весь Тракторный останавливай!

Смутный, пока еще глухой протест возникал в душе комсомольца Сергея Канайкина каждый раз, когда он слышал такие разговоры. Он еще был новичок в цехе и больше прислушивался, чем спорил, но уже понимал, что разные люди собрались на участке. Работали тут честные, преданные рабочему долгу люди. Но нет-нет да и попадется среди них и ловчила: скажет, что не знает, куда запропастился инструмент, и на этом основании «сачкует», а сам положил зубило в укромный уголок. Или заявит вдруг, что потерял спецовку, рукавицы... Или что в столовой очередь, поэтому пришел после перерыва на два часа позже. А Сергей знал, что это ложь: обеды в столовой отпускались без всяких задержек.

«Ловчилу» вполне устраивало, что профессия обрубщика считалась остродефицитной. Он чувствовал себя монополистом, и все, что выходило за рамки карманных, шкурных интересов, оставляло его равнодушным.

Сергей видел, что и его приятель Иван Манюк подпал под влияние этой компании, где заводилой был некто Потарейко, хвастун и задира, любитель шумных выпивок.

— Ты тут ничего не сделаешь,— возражал Манюк Канайкину, когда тот доказывал, что надо поскорее собрать комсомольскую группу.— Это ж обрубка! Сюда ж только отпетые идут!

Все же Сергей начал борьбу. Он схватил за руку хулигана из компании Потарейко, который в ночную смену замахнулся зубилом на девушку-контролера. Обсудили этот случай на коротком, но горячем собрании комсомольской группы. Тут же предупредили бракодела и прогульщика по фамилии Сачок: «Хоть ты и Сачок, но сачковать на производстве мы тебе не позволим».

Человек, которого компания Потарейко с усмешечкой называла «майор», был секретарь партбюро цеха Николай Андреевич Мартысь.

Мартысь — коренной минчанин, сын железнодорожника. Он вышел из той же среды, из которой вышел человек, который шестьдесят лет назад предоставил свой маленький домик на рабочей окраине для первого съезда партии. Минские рабочие, говаривал Мартысь, имеют основание для особой гордости: они, можно сказать, земляки нашей партии. На нашей минской земле, у берега тихой Свислочи, было провозглашено ее рождение!

Ходил Мартысь в сапогах и поношенном офицерском кителе: первый год после армии, где отслужил политработником почти пятнадцать лет. Дни XX съезда партии были днями начала работы Мартыся в цехе, о котором ему в райкоме сказали: «Посылаем тебя на самый тяжелый участок Тракторного. Вытянешь?»

Что-то ясное, сильное, внушающее доверие ощутил Сергей в этом человеке — в мужественных, крупных чертах его большелобого лица, в неторопливой басовитой речи. С ним можно было запросто поговорить обо всем. Многим из тех, кто скитался по углам, Мартысь помог получить жилье в рабочем поселке. Не будучи специалистом-литейщиком, он умел прислушаться к мнению грамотных инженеров и мастеров и глубоко вникал в производственные нужды цеха. Рабочие благодарно говорили о Мартысе, когда партбюро добилось переоборудования вагранок, усиления их мощности.

Раз к парторгу, когда он проходил по обрубному отделению, пристал демагог из компании Потарейко.

— Давай новую спецовку! Не дашь? Ну, хорошо! — пригрозил он. — Мы с тебя, майор, китель снимем и сапоги! Дождешься!

— На, снимай сейчас! — Мартысь вплотную подошел к крикуну.— Что же не снимаешь? Или вспомнил, что продал свою спецовку на базаре?!

— Да я так... Пошутил... — И отступил, пристыженный.

Вскоре после этого случая Канайкин зашел в партийное бюро. Рядом с Мартысем сидел всегда беспокойный, озабоченный начальник производства цеха Иван Михайлович Протасенко. Тут же и начальник обрубного отделения — техник Павел Семенович Малобродский. В комнате было уже сильно накурено. На столе лежали листки с цифрами, схемами расположения машин, рабочих мест.

— Сейчас обрубщика спросим,— дружелюбно сказал Мар-

тысь.— Что, Канайкин, не надоело еще блоки ворочать?

— За нас же никто не поворочает! — нашелся Сергей.

— Что верно, то верно. Не все, однако, так рассуждают. Потарейко опять не вышел. И другие вслед за ним... Три прогула за четыре дня.

— Николай Андреевич,— с внезапной решимостью сказал Канайкин.— Мы с прогульщиками и бракоделами войну начали. Но нельзя ли и наш труд как-то облегчить? Ведь копаемся с теми отливками, как кустари-одиночки.

— Кончать будем с кустарщиной! Вот садись с нами и слушай, что Павел Семенович предлагает.

В тот вечер молодого рабочего-комсомольца посвятили в смелый замысел, ломавший организацию труда в обрубном отделении. Вся обработка блоков расчленяется по операциям и ставится на поток. Для этого в цехе построят конвейер. Незачем будет гнуться, надсаживаться, обрабатывая отливку и с внешней и с внутренней стороны. Сделай одну операцию — очисть «рубашку» блока, а уж остальное доделают другие члены бригады, до которых по приводным роликам докатится блок. Чик-чик — обрубил и пошел дальше. В литейных цехах передовых предприятий страны именно так и работают.

— Где? — усомнился Сергей.

— А вот на ХТЗ,— сказал Малобродский.— И в Москве, на заводе имени Лихачева...

— Посмотреть бы! — вырвалось у Сергея.

— Поедешь? Мы командируем на те заводы нашу бригаду,— предложил Мартысь.— За том. Дело стоящее. Думаю, директор против не будет.

...Большим событием вошла в жизнь Сергея первая заводская командировка. Не только работать по-новому учился он в цехах заводов-друзей. Учился новой ответственности. «Как у вас в Минске? Сколько тракторов снимаете с конвейера? Почему так мало?»—спрашивали его харьковчане и москвичи. И он должен был вдумчиво объяснять, как человек, отвечающий за судьбу всего завода, а не только своего маленького участка.

Сразу после возвращения из Харькова и Москвы бригада сделала доклад на расширенном заседании партийного бюро.

— Пусть кто хочет доказывает, будто рубку нельзя перевести на конвейер, — сказал Канайкин. — А я это сам видел. Сам поработал на всех операциях. Совсем другой темп!

— Учти, сопротивление будет,— предупредил Мартысь. — Для вас, комсомольцев, это — серьезное испытание.

Монтировалась первая поточная линия тяжелых отливок... Канайкин, случалось, по две смены подряд не покидал стен цеха. Все надо было продумать до мелочей: и где удобнее подвесить наждачные точила и откуда сподручнее подавать отливки на испытание под давлением воды.

В тот день, когда пускали линию, в обрубном отделении собралось немало рабочих с других участков. Всех интересовало, как пойдет дело. Сергей нервничал. Блоки медленно, словно нехотя, двигались по роликам. Рубщики переругивались. У кого-то вдруг запропастилось зубило. Другой кричал, что короток шланг, «воздуха нет»... Иван Манюк вдруг отошел в сторону, сел, закурил:

— По-старому было удобней!

Канайкин вытер вспотевшее лицо, подошел, глянул прямо в глаза Ивану:

— Тебя кто, Потарейко настроил?

— Ну, я! — нагло вмешался в разговор Потарейко, который тоже бросил свое место у конвейера. — Зачем нам работать на кого-то? Мы и так свои тысячи имели...

— Не нравится в бригаде — скатертью дорога. А только других не сбивай!

Сергей догадывался: одни, честные, но недальновидные, вот такие, как Иван, понимали правоту новаторов, но боялись, как бы не снизился заработок. Таких надо было переубедить. Но были и другие... Для Потарейко, например, ничего не было в жизни святого — только монета.

Возле проходной Канайкин дождался Ивана. Он знал, что Потарейко непременно предложит Ивану пойти выпить, а завтра нарочно устроит так, чтобы часть бригады прогуляла. Нет, этого допустить нельзя! Разве не обещал он это Мартысю, Ивану Михайловичу Протасенко, всему партийному ядру цеха?

В этот вечер у Канайкина с Манюком произошел долгий, горячий, откровенный разговор.

С нетерпением ждал Сергей утра. Выйдет Иван или не выйдет?

Вышел!

И какой же это был замечательный день! Семь человек обработали за смену почти 150 блоков. Это был резкий скачок. Это была победа всей бригады. Вместо 7 блоков на каждого обрубщика теперь вышло почти по 22! Инициатива коммунистов принесла первые плоды.

Первый бросок, прорыв... Он открывает дорогу новым успехам.

Вслед за блоками моторов на пооперационный поток перевели и другие тяжелые отливки для трактора «Беларусь» — муфту сцепления и задний мост.

У наружной стены корпуса росли с каждым днем длинные штабеля тяжелых отливок. Запас! Большой запас! Сборка может отныне работать спокойно, ритмично... И если в дни XX съезда партии «чугунка» камнем висела на ногах завода, то теперь, перед XXI съездом, именно чугунолитейный цех держал первенство во внутризаводском соревновании. Он первый сумел ликвидировать изнурительную ночную смену и

Знамя комсомольцев

Эта история началась в незабываемые дни сентября 1939 года, когда над деревней Колеевцы, Поставского района, как и над всей Западной Белоруссией, загорелась заря свободы.

Люди дружно потянулись к новой жизни. В деревне Промышляды была создана первичная комсомольская организация.

Как лучше отметить этот радостный для молодежи день?

— Красное знамя...— мелькнула мысль у юной Ани Пашкевич, местной учительницы.

— Хорошая идея! — поддержала крестьянка Валя Лещатка.— Мы будем вышивать его.

Вскоре кумачовое полотнище украсили вышитые золотом слова: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

Когда грянула война и гитлеровцы должны были вот-вот ворваться в деревню, Аня поспешила в сельсовет. Взяв знамя, она обвязала его вокруг себя. На обратном пути в свою родную деревню Колеевцы, на тракте, она повстречала колонны фашистов.

— Стой, что несешь? — грубо спросил девушку рыжий долговязый офицер.

Аня раскрыла сумочку, в которой, кроме одеколона и пудры, ничего не было.

Вернувшись домой, Аня вместе с сестренкой Соней полезла на чердак, где лежали доски, и между ними бережно спрятала красное полотнище.

Время становилось все более тревожным. Фашисты делали обыски, грабили людей, жгли избы. Того и гляди нагрянут к Ане. И вот комсомолка ночью достает с чердака знамя, аккуратно свернув его, кладет в кувшин и спешит в лесок, недалеко от деревни. У молодой сосенки она выкопала ямку и, повернув кувшин вверх дном, засыпала его землей.

Когда в окрестных лесах появились партизаны, знамя комсомольцев попало в партизанский отряд «Слава». С этим знаменем народные мстители громили вражеский гарнизон в Камаях, уничтожали фашистский обоз с боеприпасами на дороге Поставы — Мядель, вели тяжелые бои под Нарочью.

После освобождения Белоруссии большая армия народных мстителей двинулась из лесов в районный центр Поставы, и над первыми шеренгами отряда «Слава» гордо развевалось комсомольское знамя.

Сейчас это знамя, овеянное пороховым дымом, пробитое пулями, как реликвия, хранится в райкоме комсомола, напоминая новому поколению советских юношей и девушек о подвигах поставских комсомольцев в годы Великой Отечественной войны.

А Анна Иосифовна Пашкевич по-прежнему работает учительницей в своей родной деревне.

В. МАЯРОВИЧ

С. С. Канайкин (справа), Н. А. Мартысь (в центре) и И. М. Протасенко.

перейти на семичасовой рабочий день.

Сергей Канайкин с женой Леной и годовалым сыном Володей перебрались из угла, что снимали у хозяев, в просторную комнату в новом доме на улице Олега Кошевого в рабочем поселке Тракторного. Сергею очень нравилось новое жилье и вся улица, веселая, молодая, нарядная, с малахитовыми газонами посреди мостовой и тонкими стволами посаженных деревцов вдоль тротуаров.

Летним вечером возвращались с завода Канайкин с Иваном Михайловичем Протасенко. Протасенко рассказывал, как в юности работал обрубщиком, как помогал осваивать Сталинградский тракторный. Толковали о близком, своем, о делах комсомольской группы (Иван Михайлович от партбюро имел теперь задание повседневно помогать комсомольцам), о том, как поскорее покончить с браком и снизить себестоимость тонны литья. И как покончить навсегда с позором пьянок. С прогульщиком-пьяницей Потарейко завод распрощался. Но есть еще среди молодых рабочих — честных, хороших — и такие, на которых порой пьяницы влияют сильнее, чем комсомольская организация.

— С этим мириться нельзя, — раздумчиво сказал Иван Михайлович. — Я тебе так скажу, Сергей: если бы мирились с плохим, если бы равнодушно относились к неполадкам на производстве и ко всему, что коверкает жизнь рабочих, грош цена была бы нам, коммунистам...

Сергей думал о худеньком, преданном всей душой родному цеху человеке, что шагал рядом с ним. Вспомнил он и о Мартысе... И о других, сильных душой, правдой своей, которых успел узнать и полюбить за те короткие годы, что сделали его уважаемым на заводе человеком.

— С какого года вы в партии, Иван Михайлович? — спросил Канайкин. — С сорок первого? Мой батя еще в двадцатом вступал. Двадцать два года был в партии.

Сергей рассказал, что отец его, сельский партийный работник, никогда не щадил себя.

— Иван Михайлович, а я тоже надумал подавать... в кандидаты. Как вы считаете?

— Если сердце велит, подавай.

...Стоял мягкий, теплый день золотой белорусской осени. По асфальту заводских дорог с легким шуршанием скользили опавшие с кленов и тополей листья. Кумач транспарантов оповещал, что завод стал на новую трудовую вахту в честь близящегося XXI съезда КПСС. На площадке у сборочного весело тарахтели новорожденные тракторы. Они лихо выкатывали один за другим из распахнутых ворот цеха с зажженными, несмотря на дневной свет, фарами.

По дороге в партком после партийного собрания Иван Михайлович Протасенко повстречал того, с кем и хотел сегодня поговорить, — Николая Андреевича Мартыся. Прежний секретарь парторганизации чугунолитейного цеха работал теперь заместителем секретаря общезаводского парткома.

— Канайкина приняли? — Мартысь улыбнулся. — Правильно. Вот такие партии и нужны — кто на деле борется за ее политику...

Триста новых улиц

Перелистывая комплект «Огонька», я увидел снимок, помещенный в номере 52-м за 1948 год: знатный каменщик Минска Денис Григорьевич Булахов со своим учеником Валентином Виником на стройке ГУМа.

Стройка эта давно закончена. Давно уже сверкает ГУМ широченными зеркальными окнами на главной улице белорусской столицы. Тысячи покупателей ежедневно посещают этот крупнейший в республике магазин.

Какова судьба ученика и учителя? Валентин ушел в армию, и мне не удалось узнать о его дальнейшем жизненном пути. А вот с Денисом Григорьевичем я встретился недавно на стройке большого здания по улице Ленина. На площадке тихо. Не грохочут бетономешалки, транспортеры. Растворы, железобетонные перекрытия, двери, оконные рамы — все это поставляется прямо с заводов. Здесь идет кирпичная кладка и сборка готовых деталей.

Денис Григорьевич руководит комплексной бригадой.

— Хорошее это дело, — говорит он. — Ведь теперь мы не только ведем кирпичную кладку, но и устанавливаем перекрытия, кладем подмостья, разгружаем автомашины. Фронт работ стал шире. Все на стройке сейчас подчинено одному хозяину.

Вот уже двенадцать лет Денис Григорьевич Булахов работает на стройках белорусской столицы. Жилые здания, школы, кинотеатры, детские сады... Если бы соединить вместе все дома, построенные им, то получилась бы длинная улица.

Герой Социалистического Труда Д. Г. Булахов.

В этом году Д. Г. Булахов был удостоен звания Героя Социалистического Труда. Поздравляли его не только белорусские строители. Телеграммы шли от каменщиков Москвы, Сталинграда, Киева. Со многими из них Денис Григорьевич знаком и постоянно обменивается опытом.

Булахов — депутат горсовета. Как избранник минчан, он участвует в утверждении городского бюджета, и всегда душа его радуется тому, как растет, расцветает родной город.

В 1958 году минчане получат двести шестьдесят тысяч квадратных метров жилья. За послевоенное время в городе появилось около трехсот новых улиц.

Б. ВОЛОВ

ЯСНАЯ ЗАРЯ

Этот спектакль коллектив Белорусского государственного большого театра оперы и балета посвящает 40-летию своей республики.

«Ясная заря» воспевает свободу и братство, любовь и верность.

Много любви и стараний вложили и автор музыки, один из старейших композиторов республики, А. Туренков, и либреттист А. Бачило, и постановщик спектакля народная артистка СССР Л. Александровская, и все участники, чтобы довести до победного конца свое трудное и славное дело — создание новой белорусской оперы. Действие оперы — 1939 год.

Под гнетом белопанской Польши стонет Западная Беларусь. Твердо надеясь на помощь великого восточного брата, коммунисты поднимают народ на борьбу за освобождение.

О судьбе коммуниста Миколы и его подруги, крестьянской девушки Марины, твердо связавших свою жизнь с жизнью народа, рассказывается в опере.

Музыка оперы мелодичная, напевная, запоминающаяся. В ней много и от белорусской народной песни и от традиций русской оперной классики.

А. ЛАДЫГИНА

← Сцена из спектакля. Марина — Л. Галушкина, Микола — Б. Никольский.

Финал оперы «Ясная заря».

Е. М. Харитоненко. ЭЛЕКТРОСВАРЩИЦА.

М. А. Савицкий. ПЕСНЯ.

Е. А. Зайцев. ЮНЫЙ ПАРТИЗАН.

И. А. Давидович. ПОРТРЕТ ШТУКАТУРЩИЦЫ А. Н. МАЛИНИН

ОЙ.

М. И. Моносзон. МИНСКИЙ ТРАКТОРНЫЙ — ПОЛЯМ.

П. С. Крохалев. ОРГАНИЗАЦИЯ КОЛХОЗА.

В. К. Цвирко. ВОССТАНИЕ РЫБАКОВ НА ОСТРОВЕ НАРОЧЬ (из истории революционной борьбы белорусского народа).

ПРИМЕТЫ ОШМЯН

В любую пору года улицы Ошмян приветливо чисты, палисадники и фасады домов покрашены. Летний зеленый наряд города щедро расцвечен яркими газонами и клумбами. Зимой кружево инея затейливо развешано по деревьям и кустарникам.

В центре городка — районный краеведческий музей имени Франтишека Богушевича, поэта-демократа XIX столетия. Напротив музея, у ограды городского парка, красочные щиты-плакаты, рассказывающие о прошлом и настоящем района, о планах развития на ближайшие годы. В самом парке — районный Дом культуры.

До 1917 года на территории теперешнего Ошмянского района была всего одна библиотека. Теперь в районе 16 библиотек и столько же сельских клубов, 4 сельских Дома культуры. До революции среди жителей района было 418 учащихся, а ныне тут учится почти 8 тысяч человек.

В краеведческом музее хранятся драгоценные реликвии. Среди них знамя, пронесенное по улицам освобожденного от гитлеровских оккупантов французского города Бордо рабочим, бойцом-антифашистом Ф. Воронищевым, который и сейчас работает в здешнем промкомбинате.

На репетициях местного драматического кружка рядом с комсомольцами можно встретить старого большевика, 62-летнего Арсения Яковлевича Фомина. С трибуны совещания вы услышите председательницу передового колхоза «Рассвет» Анастасию Евстафьевну Чернявскую. В больнице вам расскажут о сложных операциях, проведенных тут хирургом Геннадием Андреевичем Забоевым...

Таковы приметы советского образа жизни в Ошмянах, славном, гостеприимном городке.

С. АЛЕКСАНДРОВ

В Ошмянах, перед зданием детских яслей.

Фото А. Дитлова.

Древний Полоцк. С вала Ивана Грозного виден Софийский собор XI века.

Полоцк — Нефтеград

Н. БУТРИМОВИЧ

Фото Ф. Короткевича.

Старое и новое

Морозным утром над Полоцком, прорезанным широкой лентой Западной Двины, клубятся белесые облака. Шагают к огромным корпусам завода стекловолокна рабочие парни, торопятся на швейную фабрику девушки, спешат студенты педагогического училища, учащиеся лесотехникума, школьники.

Тут и там сквозь туман проглядывают стены старинных строений, навевая мысли о славном прошлом этого тысячелетнего города. Залюбуешься Софийским собором, построенным в XI веке, домиком Петра Первого, величественным зданием Кадетского корпуса, в котором учились когда-то известный скульптор Федор Толстой и герой обороны Порт-Артура Роман Кондратенко.

Нет, не только стариной славен город на Западной Двине! Есть у него и кипучее сегодня и многообещающее завтра. В 1962 году, когда Полоцку исполнится 1 100 лет, должна вступить в строй первая очередь нефтеперерабатывающего завода-гиганта. Строительство уже началось.

...На одном из новых домов скромная вывеска: «Дирекция нефтеперерабатывающего завода». Поднимаемся по ступеням на второй этаж в кабинет директора Олега Александровича Ктаторова. Вместе с первыми строителями приехал он в Полоцк в июне нынешнего года. За его плечами — богатый опыт. Он руководил сооружением Ново-Уфимского и Черниковского нефтезаводов в Башкирии, помогал китайским друзьям строить нефтезавод в Ланчжоу.

Олег Александрович охотно рассказывает о своей новой работе и, все более увлекаясь, достает из шкафов одну за другой объемистые пачки с чертежами, эскизами. Слушая его, начинаем понимать, каким замечательным соседом — Нефтеградом — обзаведется скоро Полоцк...

По нефтепроводу в две с лишним тысячи километров придет сюда нефть из Башкирии и Татарии. Новый завод будет одним из крупнейших нефтеперерабатывающих предприятий.

Так выглядит улица Карла Маркса.

Он будет выпускать высококачественные бензины, дизельное топливо, керосин и смазочные масла и для Белоруссии и для соседних республик.

Технологический процесс начнется далеко на востоке — на месте добычи «черного золота». Там, в головной перекачечной станции, нефть освободится от воды и солей и, уже подготовленная к переработке, поступит в трубы нефтепровода. Одно только это сэкономит для народного хозяйства около 1,5 миллиона рублей в год.

Полоцкий нефтезавод даст первую продукцию еще до того, как завершится строительство предприятия в целом. Из отходов нефтеперерабатывающего производства в республике будут изготовлять синтетические жирные кислоты, ароматические углеводы. Это полупродукты для получения искусственного волокна, лакокрасочных изделий...

— Если вам приходилось бывать на старых нефтезаводах,— продолжает Олег Александрович,— вы, конечно, видели там незатухающие факелы. Это уничтожается вредный для воздуха газ — отход производства. На Полоцком заводе таких факелов вы не увидите. Из этого «бросового» продукта здесь будет добываться полиэтилен.

Проектировщики завода побеспокоились и о том, чтобы новый гигант индустрии не повредил окружающей природе. Чтобы сохранить водоемы от загрязнения сточными водами, построят мощные очистительные сооружения.

Дружной семьей

...По асфальтовому шоссе Полоцк—Рига бесконечным потоком движутся вереницы груженых автомашин. На 10-м километре от города, у небольшой деревушки Охотница, тяжелые самосвалы сворачивают влево, поскрипывая тормозами, спускаются к реке и переправляются на противоположный берег. Там строится первый жилой городок нефтяников — Пионерный.

Только в июне здесь появились строители, разбили на лесной опушке свои палатки. А сегодня на широкой полосе земли, между лесом и Западной Двиной, уже поднимаются этажи домов.

Когда завод начнет действовать, в Нефтеграде будет не менее 70 тысяч жителей. Вот какой молодой «спутник» вырастет у древнего Полоцка!

Полоцкий нефтеперерабатывающий завод объявлен ударной комсомольской стройкой. Сотни молодых патриотов по комсомольским путевкам прибыли сюда из разных уголков страны. Из далекой Армении приехал сантехник Владимир Ханткарьян. Не было на первых порах работы по специальности,— рыл землю, помогал плотникам, каменщикам.

— Запах нефти мне знаком,— говорит Владимир.— Построим завод, останусь работать в цехе.

Литовец Иозес Иоцас приехал строить Нефтеград вместе с женой. Из Львовской области прибыла бригадир Мария Браковская; из Алтайского края — Мария Конопулька. Большая многонациональная семья! Все знают тут бригадира плотников коммуниста Дмитрия Михайловича Пискунова из Смоленска. Он прибыл сюда с женой, дочерью и зятем.

— Работы для всех хватит,— улыбается Дмитрий Михайлович.

Недавно в отдел кадров пришел солдат и доложил:

— Демобилизованные воины Н-ской части в количестве 100 человек желают строить нефтезавод. Разрешите подать заявления.

Пионерный городок... Вышел первый номер многотиражной газеты «Знамя новостройки»... Сооружается производственная база; отсюда на заводскую площадку пойдут железобетон, арматура, растворы.

Дел непочатый край. Нефтеград строится!

Бригада штукатуров Галины Сергун одной из первых начала работать на стройке жилого городка Пионерного.

Признание в любви

Анатоль ВЕЛЮГИН

Я боялся всегда облинявших, напыщенных слов,
что, как жесть, громыхают в осенней прозрачности строк.
Столько лет напролет плавит слово горячая кровь,
чтоб в любви беспримерной тебе объясниться я мог.

Мать моя Беларусь! Ты и речь, и дыханье, и хлеб.
Это взвешено сердцем на нервах разлук и дорог,
где не раз под огнем я в дыму задыхался и слеп
и назад возвращался, слезой омывая порог.

Я не помню, какою порою навек полюбил...
Когда вереском синим тревожно зажегся лесок?..
Когда сок я кленовый со звонкими льдинками пил?..
Когда лоси в заречье щипали заснеженный стог?..
Или, может, тогда, когда прямо под тучами воз
осторожно и зябко взбирался на старый мосток,
и пахучее сено цеплялось за ветки берез,
и свет молний мальчишечью душу ожег?..

Первый след... За околицей он с каждым годом видней,
где подпаска будил на ромашковых росах кузнечик-звонарь.
Я от первой зарницы читаю до нынешних дней
нив родных и рассветов волнующий, мудрый букварь.

Да, теперь не представишь тебя без гранитных обнов,
и певучих турбин, и всемирно известных машин,
без лесных генералов и трех Белорусских фронтов,
что дошли до Берлина и сделали тылом Берлин.

Счастье — звать тебя матерью, гордость — такую иметь.
Путешественник, гость, я брожу в незнакомых краях,
а скажу «Беларусь», сразу зал начинает греметь:
это славу твою видят люди в твоих сыновьях.

Ты живешь меж сестер. Ты их верность хранишь и любовь,
обняла их руками ветвей опушенных и рек.
И узлом золотым корни древних оршанских дубов
под землею связались с корнями смоленских навек.

Оглянись: вон в тревожной дали большака
сыновья твои падали ниц на кровавый редут...

Вот от домика Первого съезда до зданья ЦК
дохожу я по новому Минску за восемь минут,
а не хватит и жизни, чтоб вымерить праведный путь
от подпольных маевок, от стачек, от всех партизанских блокад.
Слышишь голос труда? Коммунистов твоих не согнуть:
перед миром и временем — честный, уверенный взгляд.

Молодая — в прибое весны, в седине твоих вьюг,—
точно впрямь для тебя и работы и войны не в счет.
Вечно будешь такой, и когда завершится мой круг:
с колыбели дубрав соловьиных
до склепа дремотных чащоб...

Только встану я вновь, утомленный походом горнист,
славить знамя твое, славить поступь твою и страду.
Может, слов не нашел?.. Ты, Отчизна, меня извини,
для тебя, дорогая, я их непременно найду.

Перевела с белорусского Галина ШЕРГОВА.

Рисунок Ю. Копейко.

ОНИ ВСТУПАЮТ В ЖИЗНЬ

В. ПОНОМАРЕВ

После вводных титров экран расцветает яркими красками утреннего весеннего Минска. Сколько зелени, сколько цветов! И, как цветы, прекрасны в своей ребячьей свежести школьники. Их шустрые стайки на каждой улице. Они спешат на экзамены. На первый выпускной экзамен идут степенные десятиклассники. Вот три девушки. Они еще школьницы: в белых фартуках и форменных платьях. Но они уже все в будущем — заманчивом и немного таинственном. Они на пороге вступления в большую, настоящую, взрослую жизнь.

— Это мои сверстницы-одноклассницы: Зина Крайко, Лариса Куцанова, Жанна Сорока,— просто и доверительно представляет будущих героинь фильма девичий голос. — Я вам расскажу о них, а это все равно, что о себе. Их судьба — это и моя судьба.

Так начинается этот хороший фильм-очерк. В нем нет выдуманных героев, нет актеров. Все, о чем рассказывает экран, было в жизни. Как в жизни было, так и рассказано. Но именно эта достоверность трогает зрителя до глубины души, потому что кто бы ни был зритель — мать семейства или школьник, педагог или руководитель производства,— всякого интересуют сейчас проблемы воспитания и обучения молодого поколения в духе уважения и любви к труду, приносящему конкретные материальные ценности обществу. Фильм тому и посвящен. Он рассказывает, каким путем решили пойти выпускники 10-го класса «Б» 29-й минской школы, вступая в самостоятельную пору жизни...

Но не будем забегать вперед. Давайте проследим за дальнейшим развитием киноповествования.

— Все мы родились в грозном 1941 году... Трудным, суровым было наше детство,— говорит девичий голос.— Вот что осталось от города, в котором мы родились... Развалины и пепелища.

Первые дома, которые начали строить в этом городе, были для нас. Новые школы — для нас. Мы росли, но город рос быстрее, чем мы. Вот таким он стал, пока мы учились... Родной Минск!..

Позаимствованные из архива Кинохроники, серые от времени монохромные кадры военных и первых послевоенных лет... Как эхо войны, отзываются они в сердцах глухой болью старой раны...

Потом экран снова расцветает красками современности. Вместе с сестрами Галиной и Валентиной Сазон, Федором Лукерчиком, вместе с Ларисой Куцановой и самой способной в классе, отличницей Зиной Крайко, вместе с учительницей литературы Ириной Степановной, вместе со всем классом переживаем мы напряженные моменты экзаменационного сочинения... Вместе с ними мы полны радостного волнения при вручении аттестата зрелости, ликуем на выпускном школьном балу и чуточку грустим, когда прощаемся с любимыми учителями, со своей классной комнатой, золотой порой безмятежной юности...

На выпускном вечере мы встречаемся с Валентиной Шилай. Два года назад она окончила эту школу с золотой медалью и пошла работать на Минский камвольный комбинат, стала ткачихой. Она могла бы поступить в любой институт, но Валентина не жалеет о принятом решении. Своим младшим подругам она советует последовать ее примеру.

И вот кончились торжества. Начались будни самостоятельной жизни со своими волнениями, своими радостями и трудностями. Теперь каждый решает свою дальнейшую судьбу. Это нелегко. Собираются семейные советы. Правда, еще раньше решили всем классом идти работать, как Валентина Шилай, на камвольный комбинат, но у одних родители это решение охотно поддерживали, а у других — бурно протестовали.

— В добрый час, доченька! — напутствовала Зинаиду Крайко Надежда Макаровна, мать-героиня.

Лариса Куцанова — единственная дочь в семье. Договориться с родителями ей было куда труднее.

— Надо поступать в институт!— настаивал отец.

— Я хочу и учиться и работать!—горячо убеждала дочь.

После долгих споров родители наконец согласились с Ларисой.

— И вот мы идем на камвольный комбинат... Впервые не школьный звонок, а фабричный гудок зовет нас. Идя по цехам, словно путешествуешь в царстве ниток. Всюду нитки, нитки, из которых рождаются ткани. Еще учась в школе, мы знакомились с производством тканей. Но одно дело — знакомство, другое — когда сами должны производить их...

...Плывут над утренним Минском гудки заводов и фабрик. Спешат автозаводцы и станкостроители, создатели велосипедов, подшипников, творцы тракторов и сложных автоматических линий. Шагают текстильщики!..

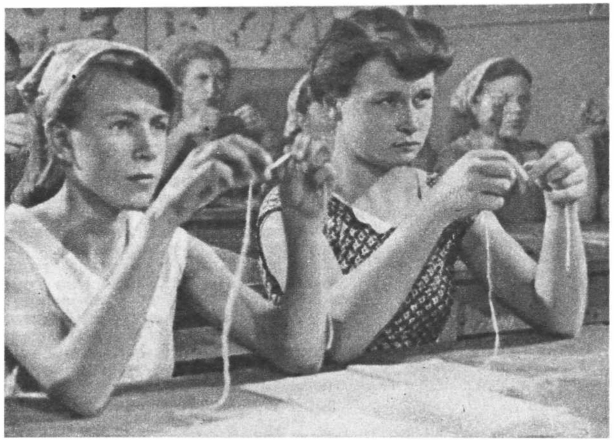
В трудовой армии рабочих Минска мы опять видим Зину Крайко, Ларису Куцанову, Жанну Сороку. С весны, когда были сняты первые кадры киноочерка, до этих дней, завершающих фильм, прошли считанные месяцы. Но как изменились девушки! Как украсила их гордость рабочего человека!..

Фильм не лишен недостатков. Рядом с творческими находками нет-нет да и проскользнет роковая тень штампа. Но главное—в несомненных достоинствах очерка. Главное в том, что и сценарист М. Березка, и режиссер В. Стрельцов, и оператор С. Фрид, и киностудия «Беларусьфильм» в целом сумели создать правдивый и волнующий киноочерк на тему, подсказанную самой жизнью.

Будем надеяться, что фильм «Они вступают в жизнь» станет доступным самому широкому зрителю. Во всяком случае, его должны посмотреть в каждой школе, в каждом клубе! Добрым советчиком окажется он и для той части молодежи, что стоит у порога самостоятельности.

Зина Крайко получила первую получку.

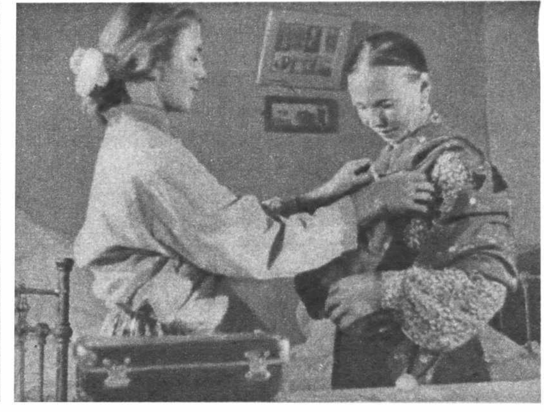
Это техучеба.

У ткацкого станка. Валентина Шилай обучает Зину Крайко.

— Я хочу и учиться и работать! — возражает отцу Лариса.

Сколько радости доставил Надежде Макаровне скромный подарок дочери!

* * *

Микола АВРАМЧИК

Вот они в земном своем уборе,
Те просторы, где спокон веков
День и ночь шумит ржаное море,
Плещет у районных большаков.

А над ними, окружен ветрами,
Дуб с кудрявой гордой головой,
Троекратно молниями ранен,
Башнею стоит сторожевой.

Пастухов предутреннее пенье,
Розовая в небе борозда.
Оглядеть бескрайние владенья
Аист вылетает из гнезда.

Девушка босая не боится,
Что росою ноги обожжет.
Журавель колодезной водицы,
Хрипло закурлыкав, отхлебнет.

Если видел ты
Густой сирени
Полымя лиловое у хат
И его живые отраженья,
Что в глазах у девушки горят;

Если видел ты в начале лета
Кипень розовеющих садов,
Трепетную пену белоцвета,
Выходящего из берегов;

Если слышал, как поют задорно
Соловьи, хмелея от красы,
Звонко прополаскивая горло
Каплями серебряной росы;

Если ночью, августом согретой,
На гулянке ощущал ты вновь,
Что на ветках первые ранеты
Созревают, а в сердцах — любовь;

Если видел, до конца уверясь
В том, что лес и осенью красив,
Как внезапно вспыхивает вереск,
Чащу и опушки озарив;

Если ты не днями, а годами
Постигал вблизи, а не вдали,
Как хлебами, медом и грибами
Пахнет лоно матери-земли,—

Ты поймешь, что без нее и часу
Я не проживу, тоской томим,
Что палитру самых светлых красок
Я предпочитаю всем другим.

Перевел с белорусского
Яков ХЕЛЕМСКИЙ.

Писатели и книги

Янка Купала в Печищах

Я полюбил этот рабочий поселок. Может быть, потому, что мраморная доска, прикрепленная к стене двухэтажного дома, лаконично говорит о том, что «здесь жил с 13/XI 1941 г. по 13/VI 1942 г. народный поэт БССР Янка Купала».

...Октябрь 1941 года застал Янку Купалу (Ивака Доминиковича Луцевича) на правом берегу Волги. «Волгарь» неустанно попыхивал между Верхним Услоном и Казанью, но людей и машин становилось не меньше. Наступали холода, а Иван Доминникович Луцевич вместе с женой и шофером дневали и ночевали в своей потрепанной «эмке», затерявшейся в километровой очереди к переправе.

Однажды Иван Доминникович отправился на Печищинский мельничный завод, чтобы попросить бензина для машины. Поэт впервые поднялся на Услонские горы, увидел красавицу Волгу, вдалеке Казанский кремль.

В кабинете директора завода было тесно. За столом сидел Иван Яковлевич Наякшин. Разговорились. Просьба была удовлетворена. Но директору, страстному книголюбу, не хотелось отпускать поэта. Он стал уговаривать Ивана Доминниковича остаться жить здесь, на заводе.

Янка Купала задумался, взглянул на Волгу и, решительно кивнув головой, подал руку: «Остаюсь!»

С того дня и начался печищинский период в жизни поэта. О пребывании Ивана Доминниковича в Печищах редко упоминается в биографических работах о Купале.

Мне привелось встретиться с многими людьми, знавшими поэта, получить письма от И. Я. Наякшина, бывшего директора завода, слушать задушевные рассказы старожилов. Я почувствовал, как полюбили народного поэта Белоруссии в Татарии.

«В солнечной комнате, где поместилась семья Янки Купалы, всегда кто-нибудь был,— пишет И. Наякшин,— то белый от мучной пыли рабочий, то мать красноармейца, иногда ученые, писатели.

Я как-то написал стихотворение и показал ему. Иван Доминникович прочитал и улыбнулся.

— В твоем стихотворении,— сказал он,— есть голова и ноги, а туловища нет, нет четкости мысли, понимаешь? — И Купала тут же познакомил меня с законами стихосложения.

В хорошую погоду мы гуляли по правому берегу Волги, поднимались на Услонские горы. Поэт восхищался красотой холмистых берегов у Моркваш, удивлялся, почему в таких живописных местах мало домов отдыха.

Но чувствовалось, поэт сильно тосковал. Враг был у Москвы. В сожженном Минске сгорела библиотека Купалы и самое дорогое в ней — письма Максима Горького».

Поэт, находясь в Печищах, создал десятки патриотических стихотворений, которые печатались в листовках, выступал в газетах с взволнованными статьями, вел большую работу в Белорусской академии наук, находившейся в то время в Казани.

Янка Купала оставил людям сильные, яркие стихи, статьи, пьесы, а жителям маленького татарского рабочего поселка еще светлую память о себе как о человеке широкой души и большого сердца.

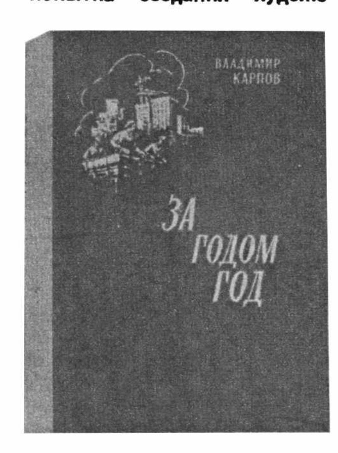
Янка Купала. 1941 год.

Виктор ПОЛЯНИЧКО

Подвиг созидания

— Красив город. Хорошо строите,— говорят москвичи, киевляне, сталинградцы, бакинцы; все, кто приезжает в столицу Белоруссии, любуются ее замечательными проспектами, площадями, бульварами.

Эти слова радостно волнуют, наполняют законной гордостью сердца минчан, всех белорусов. На руинах и пепелищах возник новый прекрасный город-богатырь. Воскрешение Минска — величайший подвиг народа. Как захватывающий роман, прочтут будущие поколения историю строительства Минска. Можно порадоваться, что уже есть одна серьезная попытка создания художественного полотна о строительстве и строителях послевоенного Минска.

Владимир Карпов. За годом год. Роман. Перевод с белорусского. Изд-во «Советский писатель». Москва. 1958. 555 стр.

Роман В. Карпова «За годом год», написанный с хорошим знанием фактического материала,— это волнующее повествование о подвиге возрождения Минска.

Когда начинается история строительства, борьба за новый Минск? Тогда ли, когда создавался генеральный план строительства, или когда молодой талантливый архитектор Юркевич в первые дни после освобождения Минска с неимоверной болью в сердце осматривал городские руины и эта боль уже сливалась с тяжкими и радостными муками творчества зодчего? Нет, начало было раньше. В подвалах и полуразрушенных зданиях еще скрывались отряды гитлеровцев, еще рвались минированные дома, а партизаны уже вышли с ломиками, чтобы расчистить заваленную камнем улицу. А еще раньше, перед уходом гитлеровцев из Минска, партизаны-подпольщики получили задание спасти заминированное немцами лучшее здание города — Дом правительства.

Так начался подвиг созидания нового чудесного города.

Партизан-подпольщик Змитрок Прибытков, который пробрался на территорию Дома правительства («кругом охрана — мышь не прошьется»), трое суток без сна простоял на опухших ногах—сигнал можно было увидеть только стоя — и перерезал проводку, спас здание. Этот самый Прибытков, молчаливый, угрюмый, до болезненности скромный и застенчивый, стал затем на строительстве Минска одним из лучших каменщиков.

Читая роман В. Карпова, мы узнаем историю строительства Минска; она волнует, об очень многом говорит сердцу читателя. И все же это не беллетризированная история строительства города и, тем более, не исторический роман. Это прежде всего книга о советских людях, интересная, содержательная, искренняя книга.

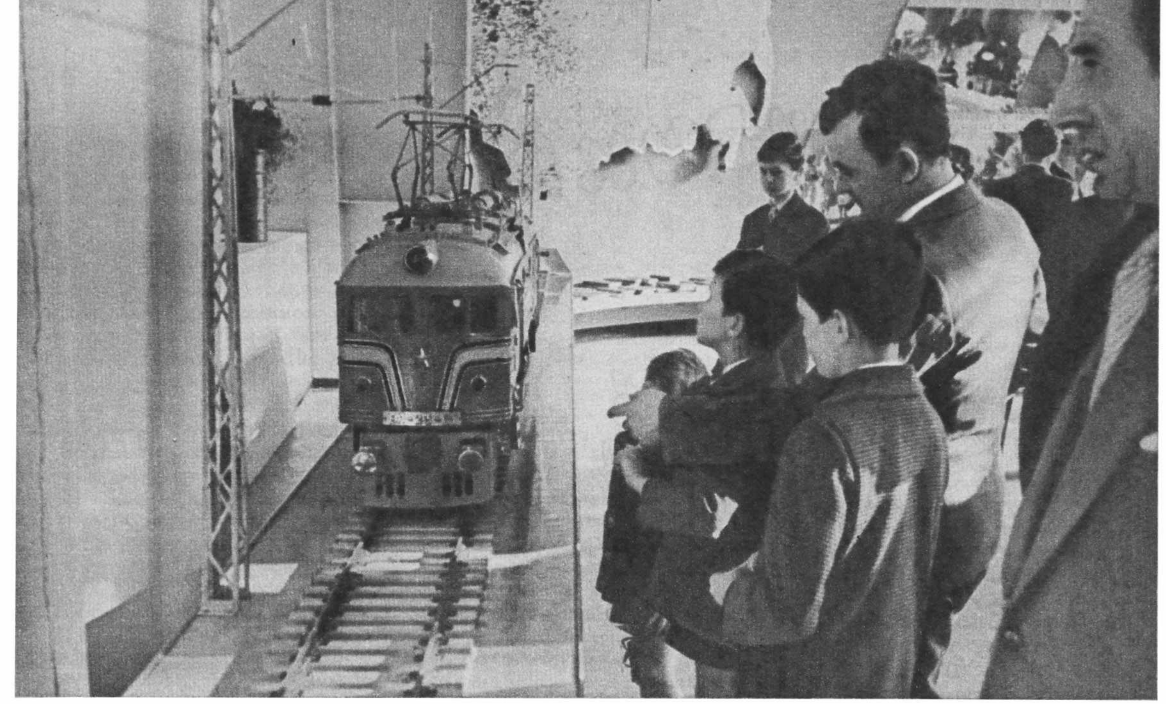
Запоминаются читателю и знатный каменщик, человек большого сердца Змитрок Прибытков, о котором уже шла речь, и талантливый, беззаветно преданный своему делу архитектор Юркевич, и учительница Зося Урбанович, и студентка, а затем журналистка Валя Верас — обаятельная, чистая девушка.

В. Карпов резко, правдиво показывает и теневые стороны жизни. Он зло разоблачает себялюбца и пройдоху Илью Понтуса, жену архитектора Юркевича Веру Антоновну с ее мелкой, пошлой душонкой, беспринципного приспособленца Барушку. Это человеческие сорняки, которым не заглушить буйное, дружное цветение новой жизни.

«За годом год» — второе крупное произведение В. Карпова — свидетельствует о творческом росте автора. Однако и в этом романе еще сказывается иногда недостаточная профессиональная опытность писателя. Вызывает досаду неоправданная замедленность действия, некоторая композиционная рыхлость романа.

И все же то хорошее, талантливое, что есть в романе «За годом год», дает нам право быть уверенным, что он с интересом будет встречен читателем.

Евг. МОЗОЛЬКОВ

Модель электровоза была интересна и для взрослых и для детей.

Советский павильон был удостоен высшей награды выставки — Золотой звезды.

523 ПРЕМИИ

И. БОЛЬШАКОВ,
заместитель министра внешней торговли СССР

В октябре закрылась Всемирная выставка в Брюсселе. Ее посетило более 40 миллионов человек из разных стран мира.

Выставка, проходившая под девизом «Человек и прогресс», явилась крупным событием в международной жизни. Большой успех выпал на долю советского павильона. Непрерывным потоком, ежедневно в течение шести месяцев, шли сюда люди разных национальностей, разных профессий и возрастов. Тысячи восторженных записей остались в книгах отзывов нашего павильона. Участие Советского Союза высоко оценено различными международными жюри, работавшими на выставке.

Советский павильон удостоен самой высшей награды выставки — Золотой звезды. Отдельным экспонатам присуждены 523 премии, в том числе Гран-при — 82, почетных дипломов — 79, золотых медалей — 118, серебряных медалей — 134 и бронзовых медалей — 110.

Премии даны отдельным заводам и фабрикам за выставленные ими экспонаты, авторам художественных произведений, конструкторам и организациям.

Известно, что наибольшей популярностью в нашем павильоне пользовались модели первых советских искусственных спутников Земли. Они были «гвоздем» советского павильона. Вокруг них всегда толпился народ. Международное жюри присудило Академии наук СССР Гран-при (Большой приз) за три модели искусственных спутников.

Кроме того, Гран-при присуждены: Горьковскому автозаводу — за автомашины «Чайка», «Волга», «ГАЗ-52»; Минскому автозаводу — за сорокатонный самосвал «МАЗ-530»; заводам «Красный пролетарий», имени Свердлова, и Экспериментальному научно-исследовательскому институту металлорежущих станков — за станки, фабрике «Ява» — за табачные изделия, Общесоюзному Дому моделей в Москве — за лучшие модели женской и мужской одежды.

Большого приза удостоен также прославленный советский конструктор А. Н. Туполев — за самолет «ТУ-114». Золотые медали получили конструкторы С. В. Ильюшин — за самолет «ИЛ-18», О. К. Антонов — за самолеты «АН-10» и «АН-16», М. Л. Миль — за вертолет «МИ-4» и Н. И. Камов — за вертолет «КА-18».

На фоне абстракционистского искусства, произведениями которого были наводнены многие павильоны капиталистических стран, а также международный Дворец искусства, советское искусство, развивающееся под знаменем социалистического реализма, вызывало всеобщее восхищение.

Международное жюри по достоинству оценило неоспоримое превосходство нашего жизнеутверждающего, народного искусства над упадочным, абстракционистским искусством, присудив наибольшее количество премий произведениям советских художников.

По разделу искусства наша страна получила: Гран-при — 3, почетных дипломов — 5, золотых медалей — 18, серебряных медалей — 35 и бронзовых медалей — 35.

Кроме того, награждены медалями: Союз писателей СССР — за издание книг на языках многих народов мира и за переводы на языки народов СССР произведений иностранных авторов; Союз композиторов СССР — за широкую пропаганду классической и современной музыки.

Присуждение большого количества премий Всемирной выставки советским организациям и авторам — признание огромных успехов нашего народа в мирном социалистическом строительстве, достигнутых под руководством Коммунистической партии.

«Владимирец», дизельный трактор высокой проходимости, удостоен золотой медали.

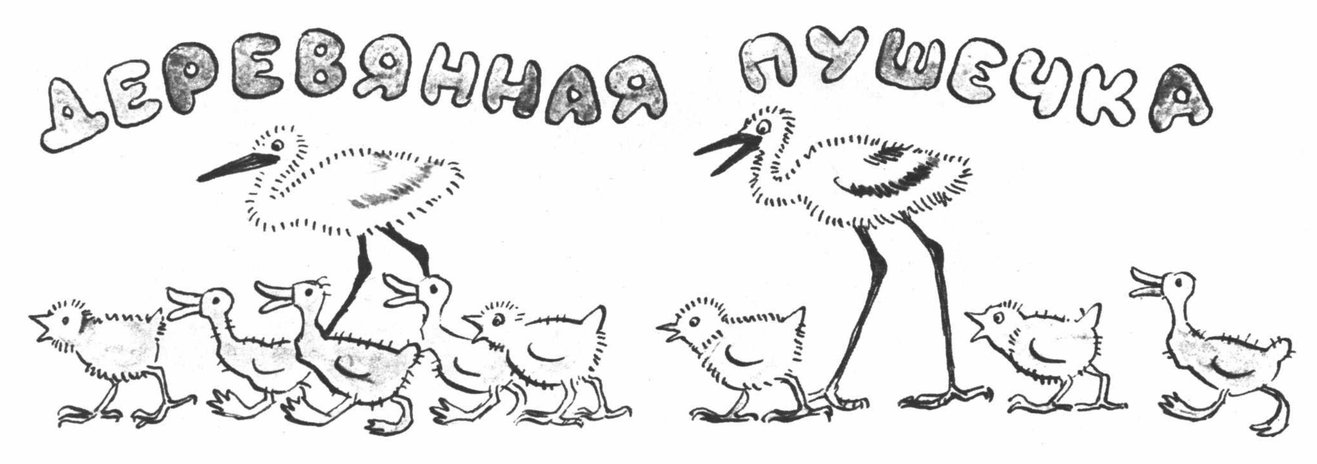

Шоколадный шар в 127 килограммов! Любопытно!

Автомобилем «Чайка» подолгу любовались экскурсанты.

ДЕРЕВЯННАЯ ПУШЕЧКА

Всеволод **КРАВЧЕНКО**

Рисунки Е. Ведерникова.

В трудовой деятельности Евмена Фомича легко было заметить одну особенность: ни в одном учреждении он долго не задерживался. Наибольший срок, который удалось ему продержаться на одном месте, в системе какого-то райпрома, не превышал одиннадцати месяцев, и надо сказать, что позже сам Евмен Фомич с удивлением вспоминал этот случай.

Время от времени сослуживцы деликатно корили его:

— Что это вы, Евмен Фомич, так отстаете? Все у нас учатся, вон некоторые заочно даже институты окончили, инженерами стали, а вы хоть бы с места сдвинулись.

В ответ Евмен Фомич только безнадежно разводил руками:

— Куда уж тут учиться? Годы, заботы, семья. У кого образование, а у меня практика, опыт. Какнибудь и без знаний доживу... Я, так сказать, универсал.

И вот после многих взлетов и спадов на волнах бурливого житейского моря наш герой определился на работу на инкубаторной станции.

Евмен Фомич получил довольно ответственную должность — приемщика яиц. Жители окружающих сел приносили на станцию куриные, утиные, гусиные яйца, а в обязанность Евмена Фомича входило проверять их. Если он находил, что яйца свежие и целые и отвечают требованиям специальных инструкций, то выдавал квитанции, а затем по этим квитанциям бухгалтерия выплачивала поставщикам деньги.

В первые дни все шло довольно гладко. В инкубатор закладывались все новые и новые тысячи яиц, в положенный срок из них вылупливались этакие крохотные, нежные создания — гусята, уточки, цыплята. Окрестные колхозы охотно раскупали продукцию инкубаторной станции, расширяя и укрепляя свои птицефермы.

Но тут случилась такая история... В местный райкультмаг была завезена большая партия детских игрушек. И среди разных там матрешек, резиновых слонов и зайцев, складных домиков и заводных автомобилей какая-то особая деревянная пушка. Эту пушку сразу же заприметил двенадцатилетний Степка Жолудь.

Пушка выбрасывала огонь и дым, из ее жерла вылетало настоящее ядро. Степка решил во что бы то ни стало приобрести эту дивную вещь.

— Ведь она дорогая, целых двадцать пять рублей стоит,— волновались Степкины приятели.— Где ты возьмешь такие деньги?

— Ерунда, это я уже продумал. Знаете, кто сейчас работает приемщиком на инкубаторной станции? Наш сосед Евмен Фомич.

— Ну и что же? При чем тут Евмен Фомич?

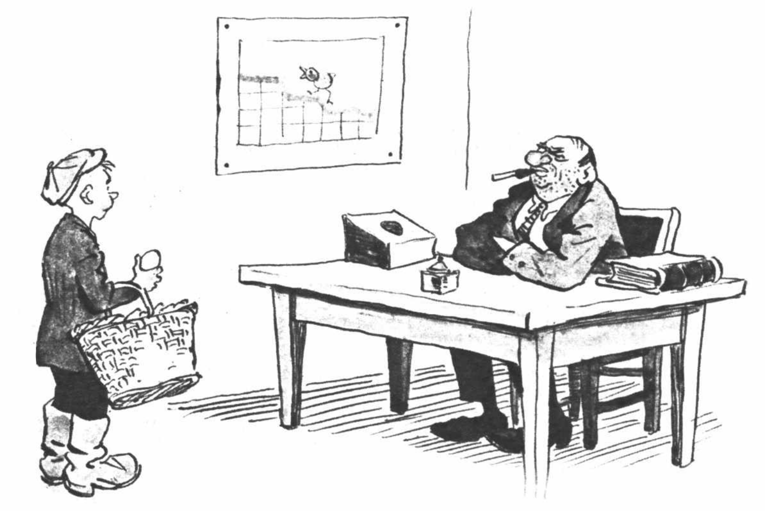
— А при том, что от него как раз я и получу эти деньги.

— Как, каким образом?..

— А вот так!— таинственно подмигнул Степка и, немало озадачив своих друзей, побежал домой.

Между прочим, проживая по той же улице, что и Евмен Фомич, наблюдательный Степка был немного знаком с деловыми качествами соседа.

Для тех, кто когда-нибудь бывал на Полесье, пожалуй, излишним будет рассказывать о богатстве и разнообразии природы этого края лесов и болот. А тем, кому бывать не довелось, скажем кратко: чего-чего, а разного зверья да птицы там уймища. Что же касается озера, невдалеке от которого развертывались все эти события, то берега его можно назвать царством аистов. Их тут было видимо-невидимо. Одни, важно расхаживая на своих длинных красных циркульных ногах, охотились за несчастными лягушками, другие с глубокомысленным видом неподвижно стояли на одной ноге.

Как-то в воскресный день, лазая по болотам и забравшись в одно из гнезд, Степка обнаружил, что яйца аиста здорово похожи на гусиные. Степка тогда не придал этому особого значения: ну, похожи, и ладно. А вот теперь...

Прибежав домой и захватив объемистую кошелку, Степка тут же помчался на приозерные луга. Полазав там часика два по аистовым гнездам, озорник собрал полную кошелку крупных яиц. И в тот же день самым благополучным образом сдал их Евмену Фомичу как гусиные.

Степка позже, давясь от смеха, рассказывал, как Евмен Фомич с важным видом проверял свежесть каждого яйца, осматривал, целы ли они, даже взвесил каждое из них в руке. Партия яиц была тут же заложена в инкубатор. И вот в железном шкафчике вылупилась на свет божий... огромная партия чистопородных длинноносых аистов.

Читателю ясно, чем все это обернулось для нашего «универсала».

Наскоро нацарапав на листочке бумаги заявление с просьбой уволить его «по собственному желанию», Евмен Фомич понуро потопал в кабинет директора станции.

Поскольку все новые попытки Евмена Фомича подыскать себе должность в одном из районных учреждений ни к чему не привели, выбрал он себе скромную дорогу: подался на курсы бухгалтеров-плановиков.

Что ж, добрых успехов в учебе, Евмен Фомич!

А пушечка озорника Степки, выходит, выстрелила не зря...

Перевод с белорусского.

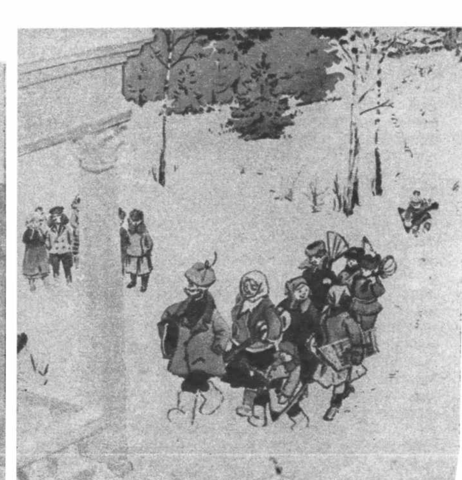
«Встречай, председатель, наше пополнение!»

Рисунок А. Волкова.

— Фельдшер принимает?
— Принимает, да еще как!

Рисунок А. Чуркина.

Всей семьей в клуб на праздник.

Рисунок А. Волкова.

Папина наблюдательность

Евгений **КОРШУКОВ**

Рисунки Д. Циновского.

Я сижу за столом и старательно разрисовываю цветными карандашами дом. Дом нарисовал я сам. С трубой наверху. Правда, на нашем доме никакой трубы нет, но мне кажется, что так будет красивее. А каким же цветом раскрасить стены здания? Попробовал черным — плохо, будто дырка на бумаге. Желтым? Нет, бледно. И я беру синий.

— Разве так рисуют? Дом — и синий! Где ты видел такой? Смехота!

Я молча, обиженно смотрю на папу, на его вечно недовольное лицо, насупленные косматые брови. А он продолжает:

— Ну, чего молчишь? Не бывает, миленький, синих домов, не бывает. Нет у тебя наблюдательности... Понимаешь, на-блю-да-тель-но-сти! Ни на йоту.

Папино лицо принимает такое рассерженное выражение, что я низко-низко склоняюсь над тетрадью. А папин трескучий голос уже обращается к матери, которая убирает со стола:

— Не понимаю, Муся, что у нас за ребенок такой растет: ни на йоту наблюдательности! Подумай, во втором уже классе...

Папа складывает на животе руки и ждет, пока мама подумает. А мама не хочет думать. И тут же быстро говорит, что я еще маленький, подрасту, а тогда уже и наблюдательным стану. На это папа возражает, что приобрести наблюдательность — дело нелегкое.

— Вот я вспоминаю,— уже спокойно говорит он,— себя в детстве. Какой я наблюдательный был! Бывало, дед шьет сапоги, а я рядом поглядываю на его ловкие руки. Но вот замечаю, что дед как-то беспокойно начинает оглядываться по сторонам, ерзает на чурбаке. Эге, думаю, сейчас пошлет в лавку за табаком... Дудки! И уже за дверьми слышу: дед зовет меня, а я — поминай, как звали! Вот оно как!

Папа весело смеется и потирает руки: он доволен. Смеется и мать. Потом она говорит папе, чтобы он перестал, а то на работу опоздает. Но я знаю, что теперь папу не удержишь, он теперь долго будет рассказывать о себе. И верно, вот он опять говорит:

— Да и теперь уже, когда шестой десяток пошел, как помогает мне эта самая наблюдательность! Сколько было у нас разных директоров — всех, Мусенька, привычки знал до тонкости! Да что знал! Изучал их досконально... Дос-ко-наль-но!

Мама благодарно смотрит на папу, потом подходит к нему и целует голую макушку. Целует и ласково, будто разговаривает со мной, шепчет: «Умница ты моя...»

— Вот, например, Алексей Петрович,— продолжает папа.— Как я его изучил? Выходит он из кабинета и садится за мой стол. И молчит. Ни словечка не произносит. А я его, соколика, вижу насквозь. Каких, говорю, вам, Алексей Петрович, дать и сколько? Дай, отвечает, из профсоюзных, рублей триста, а то голова что-то трещит. Понимаешь? Почему же не дать, хе-хе, больному человеку? И ему приятно, и я в обиде не останусь.

Папа так тоненько и заливисто хохочет, что мне кажется, будто кто-то за стеной заиграл на цимбалах. Мать в эту минуту завязывает ему вокруг шеи шарфик: на улице ведь мороз! Потом папа берет под мышку пузатый, с двумя блестящими замками коричневый портфель и идет на службу.

Возле дверей он неожиданно останавливается и торопливо, словно глотая горячее, говорит матери:

— У нас теперь этот новый, Иван Семенович... Изучу... И его раскушу, подожди только. Хоть и держится он петухом. Наблюдательности у меня хватит!

Мы остаемся с мамой вдвоем. Я сажусь за арифметику и размышляю над задачками. Но почему-то и теперь в голову все время лезет противное слово «наблюдательность». И я вместо того, чтобы решать задачки, задумываюсь: что же это на самом деле? Я вспоминаю, как папа пригласил к нам этого самого Алексея Петровича и каким был с ним наблюдательным. Алексей Петрович только разок посмотрит на бутылку, а папа сразу же наливает ему полную рюмку. Потом гость бросает мимолетный взгляд на тарелку с огурцами, и папа моментально достает ему самый большой огурец. Может, это и есть наблюдательность?

...Снег хрустит под ногами, словно кот Мишка мурлычет. И мороз больно щиплет за нос. А нам с соседским мальчиком Генькой хоть бы что, нам весело. Сегодня обоим учительница Анна Васильевна поставила пять по арифметике. Генька и по письменному часто получает пятерки, а я нет. Ну ничего, сейчас я его так удивлю, что он лопнет от зависти.

Возле нашего дома останавливаемся.

— А ты знаешь что? — говорю я Геньке.— У меня папа — самый наблюдательный на свете! Ага, съел?

Генька, наверно, никогда и не слышал про «наблюдательность». Но все равно ему обидно, что не его, а мой папа самый наблюдательный. Он долго думает, а потом выпаливает:

— А мой... мой де-пу-тат!

— Подумаешь, депутат! Вот мой папа — самый наблюдательный! На-блю-да-тель-ный!— уже на всю улицу кричу я.

Вдруг кто-то с силой хватает меня за руку, и я слышу папин голос:

— Марш домой, дурень!

Мама, как всегда, с приветливой улыбкой открывает нам дверь. Только папа и не глядит на нее. Он быстро, будто за ним гонятся, подходит к окну и оста-

навливается. Пальцы его мелко-мелко барабанят по стеклу, и оно жалобно позванивает. Мама и я сразу догадываемся: у отца неприятности.

— Что с тобой? — тихо спрашивает мама.

Папа молчит. Тогда она решительно подходит к нему и строго кладет руку на плечо:

— Что случилось?

— Освободили... От должности освободили.

— Как, почему?

— Да ну их! Растрату приписали, какой-то подхалимаж, угодничество. И все этот новый... директор... петух этот!

Голос папы доносится глухо, как из бочки, что стоит во дворе. Он открывает рот, хочет сказать еще что-то, но потом безвольно машет рукой и валится на кушетку. Кончик носа у мамы делается белый-белый.

— Ну вот... Я этого ожидала! — громко говорит она.— И как это у тебя наблюдательности не хватило? Куда смотрел?!

Оказывается, и у папы наблюдательности не хватило. А он меня упрекал!

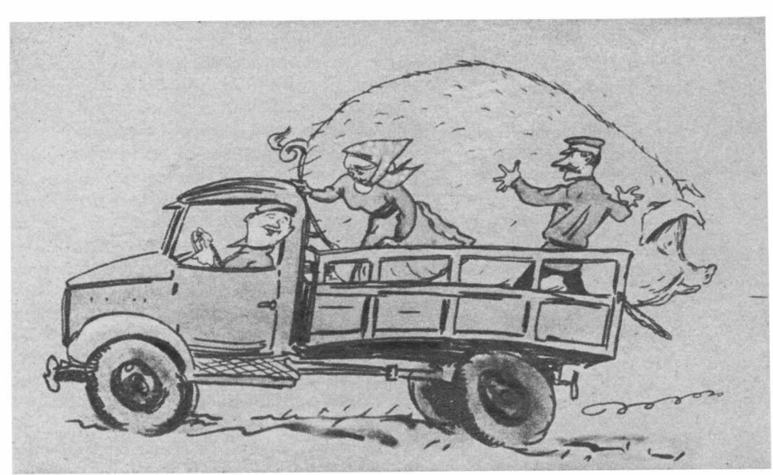
Перевод с белорусского.

«Бежим, а то нас заставят дуги гнуть!»

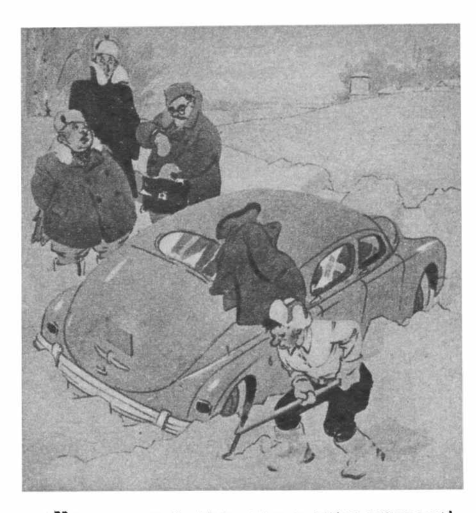
Рисунок В. Тихановича.

НА РАЙОННУЮ ВЫСТАВКУ

— Вот мы и подложим соседям свинью!

Рисунок В. Тихановича.

— Ну, теперь засели мы в этом колхозе!
— Надолго?
— Пока не вытащим машину.

Рисунок А. Волкова.

Артисты на полевом стане

Георгий КОЛОС

Еще в 1911 году первая профессиональная труппа белорусских актеров, возглавляемая талантливым самородком Игнатом Буйницким, совершала поездки по окраине царской России, какой была тогда Беларусь. Играя по преимуществу переводные пьесы, театр нес в народные массы просветительные и социальные идеи, будил национальное самосознание белорусов.

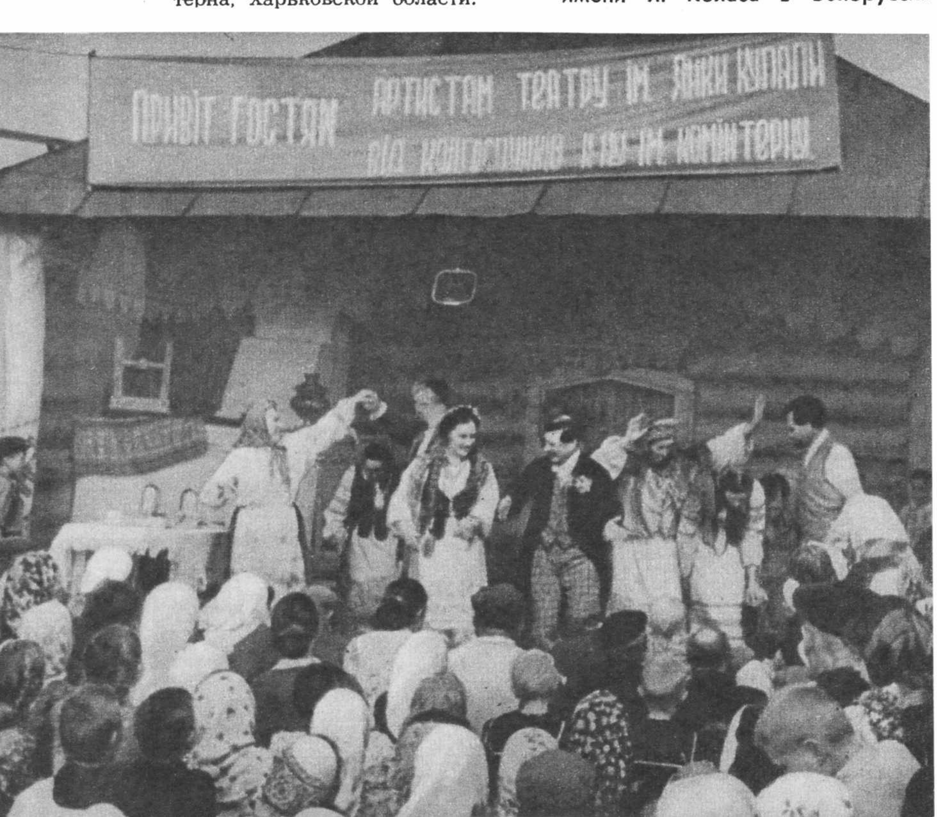
Рост и развитие профессионального театра в Белоруссии наступили в первые годы Советской власти. Тяга народа к искусству была поистине неизмерима, и работники сцены, чувствуя это, стремились самоотверженно служить своему народу. Среди них — первый народный артист республики, руководитель передвижного белорусского театра Владислав Голубок. Сын железнодорожного грузчика, необычайно одаренный от природы, он был драматургом, режиссером, актером, музыкантом, живописцем... Весь жар своей души он посвятил пропаганде национального пролетарского искусства, работая среди широких народных масс. Театр, руководимый Голубком, называли «театром на колесах». Пробираясь по бездорожью в самые дальние, «медвежьи углы», артисты иногда шли пешком, неся на себе декорации, реквизит, костюмы... Недаром и сейчас с благодарностью вспоминают о них во многих уголках республики.

Связь театра и его лучших, передовых людей с народом крепла вместе с ростом республики, расцветом ее искусства.

Ныне Белоруссия славится многими талантливыми мастерами сцены. Творчество народных артистов Союза ССР Л. Александровской, Б. Платонова, П. Молчанова, Л. Ржецкой, А. Ильинского, Г. Глебова известно во многих областях и районах Российской Федерации, на Украине, в Прибалтике, не говоря уже о городах и селах родной республики.

Славные традиции по художественному обслуживанию трудящихся продолжает Государственный театр имени Якуба Коласа. Невозможно, пожалуй, найти на Витебщине такого села, где не побывал бы театр со своими спектаклями. Колхозники и сами часто посещают театр, приезжая на спектакли на своих автомашинах.

Совсем еще недавно театры Белоруссии во время летних гастролей уезжали за пределы республики. Сейчас по примеру Театра имени Я. Коласа в Белоруссии утвердилось неписаное правило: в летний период театры выезжают в глубинные районы. В 1958 году только за десять месяцев дано более двух тысяч спектаклей и концертов непосредственно в сельских населенных пунктах.

Театр имени Янки Купалы на гастролях по Украине. Спектакль «Павлинка» был хорошо принят хлеборобами колхоза имени Коминтерна, Харьковской области.

Славно поработал в нынешнем году могилевский театр. Разбившись на две группы, он показал свои спектакли в 10 районах. На выступлениях театра побывали колхозники 98 сельхозартелей.

Немало интересного могут рассказать артисты Брестского театра имени Ленинского комсомола, который после гастролей в Криворожье и выступлений в дружественной Польше также отправился в двухнедельную поездку по районам области. Почти сто спектаклей дал сельскому зрителю гродненский театр. Более трехсот спектаклей показал сельским школьникам театр кукол.

Самый молодой в республике Бобруйский передвижной драматический театр за три месяца дал двести спектаклей в одной только Молодечненской области, используя и клубные площадки, и амбары, и сараи... В хорошую погоду представления давали прямо на полевом стане, под открытым небом.

Нынешним летом начал выезжать в областные и районные центры Государственный театр оперы и балета. Симфонический оркестр Белорусской филармонии в летний период выступал с открытыми концертами в городских парках. Академический театр имени Янки Купалы дает выездные спектакли и организует вечера для молодежи в соседних сельских районах.

В ближайшее время в Театре оперы и балета, Академической капелле, народном хоре будут организованы концертные группы и ансамбли для широкого художественного обслуживания небольших населенных пунктов.

Творчество — это радость!

Л. АЛЕКСАНДРОВСКАЯ,
народная артистка СССР

Опустился занавес заключительного концерта декады художественной самодеятельности, посвященной 40-летию Белорусской ССР. Много мыслей навеял этот концерт, много раздумий...

От смотра к смотру, от показа к показу мы являемся свидетелями невиданного расцвета духовных сил народа, расцвета его творчества.

Творчество — это радость! Коллективное творчество — радость коллективная. Слова искренней радости, вдохновение, благодарность за сегодняшний день звучат в каждой новой песне, в каждом танце, в каждом слове. На языке искусства народ рассказывает о своей счастливой жизни, воспевает свободный труд.

Звено колхоза имени Карла Маркса, Антопольского района, вырастило по 1 680 центнеров кукурузы с каждого гектара на площади в 8 гектаров. Веселыми частушками собственного сочинения приглашают нас звеньевые приехать в гости, посмотреть на выращенную ими невиданную кукурузу в 4 метра ростом. Частушки, подхваченные танцевальным коллективом витебского районного Дома культуры, переходят в изобретательно поставленную пляску «Дорогу кукурузе»...

Полны задорного юмора припевки о животноводстве в исполнении колхозниц — доярки Щербаковой и свинарки Филатовой (Городокский район).

На сцене — штукатуры, маляры, бетонщики... Своими танцами они славят труд. Их сменяет семья Бенько: отец, мать и трое детей (Ивацевичский район), радующие исполнением на цимбалах белорусских народных танцев.

А как хороши хоры в концерте! Как глубоко, с какой чуткостью и вниманием прислушиваются певцы друг к другу — им не требуется дирижера, чтобы донести до зрителя песню. Глубочайшей искренностью наполнено выступление танцевального коллектива гомельского Дворца культуры имени Ленина (руководитель — заслуженный деятель искусств БССР А. Рыбальченко).

Поражает разнообразие жанров, исполнительского стиля, репертуара. Мы слышали на концерте музыку Глинки, Монюшко, Чайковского; слова Горького, Якуба Коласа; мелодии Новикова, Соловьева-Седого; произведения авторов из стран народной демократии; стихи современных белорусских поэтов.

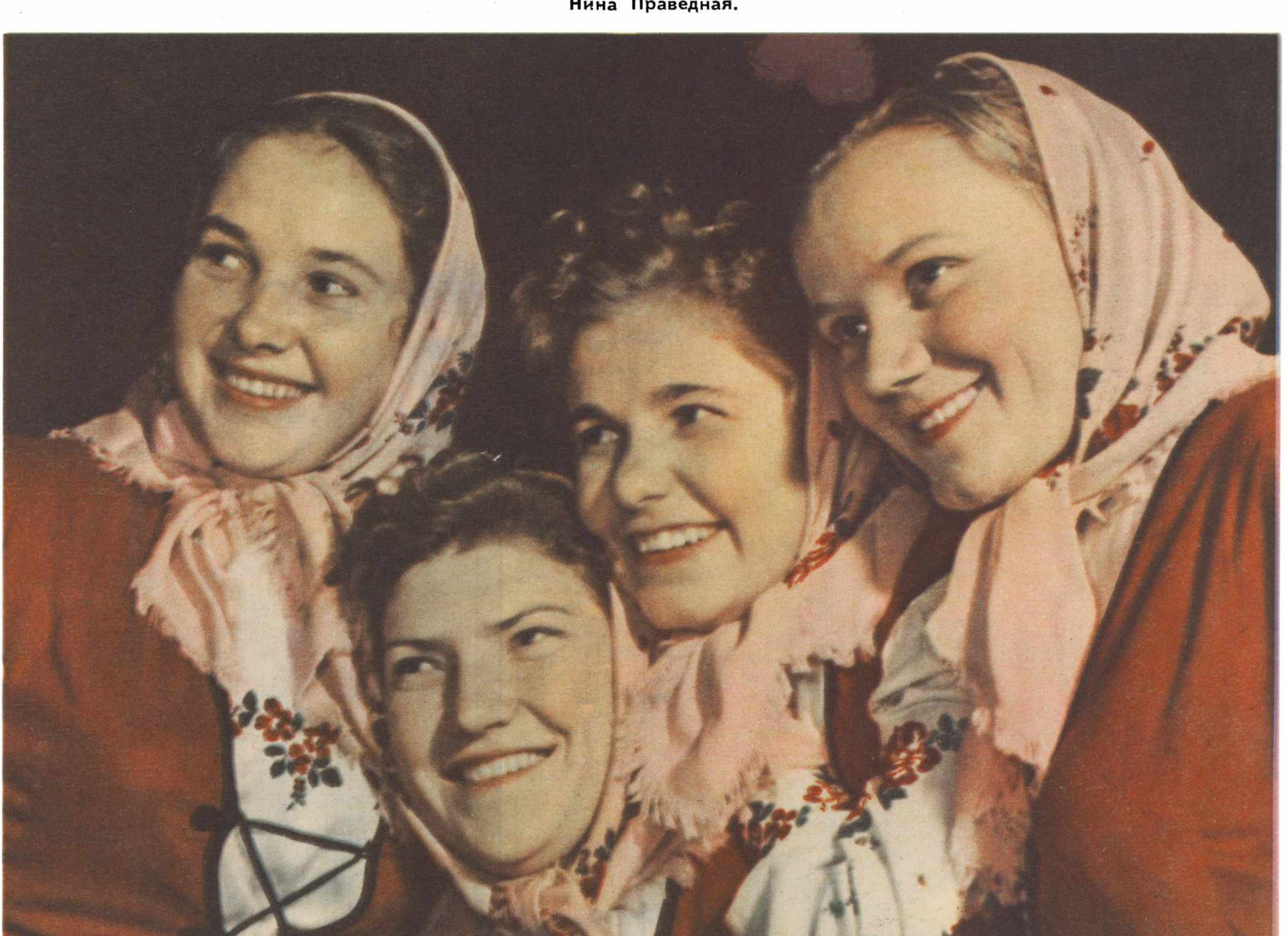
Заключительный концерт имел большой успех. Сейчас обязанность мастеров профессионального искусства — помочь участникам самодеятельности, стремящимся к большим формам искусства.

Чем ближе, тем теснее будет наша связь с народным искусством, тем скорее, полнее и правильнее мы решим задачи, стоящие и перед нашим профессиональным искусством. Искрящиеся, юные народные таланты зажгут новые светильники вдохновения среди работников профессионального советского искусства.

Ансамбль песни и танца Гомельского дворца культуры имени Ленина показывает театрализованное танцевальное представление «Белоруссия в семье братских республик».

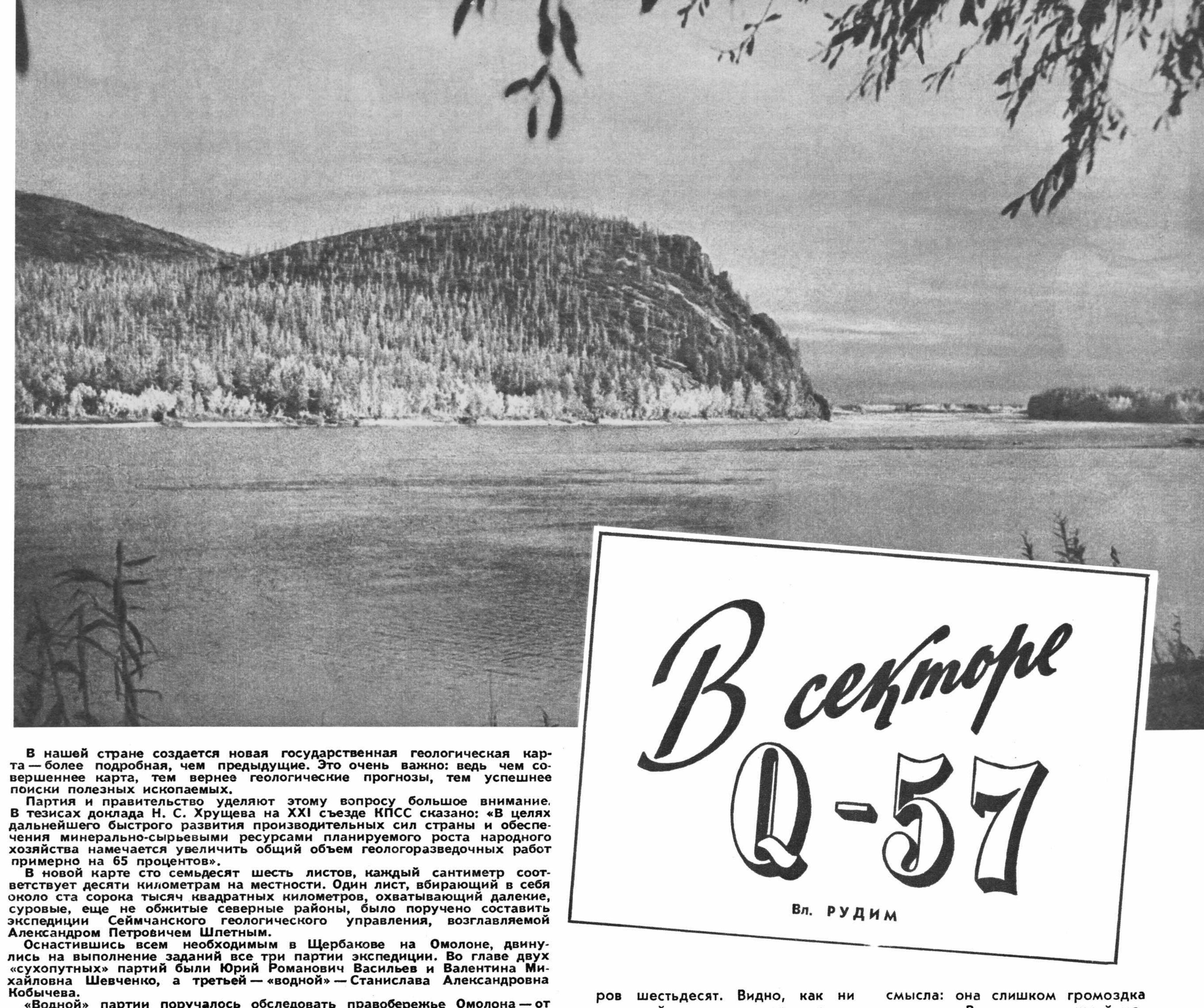

Участницы народного хора Гомельского клуба облпромсовета Валентина Крац, Елена Амельченко, Альбертина Зайцева и Нина Праведная.

Хореографическая группа Минского дворца культуры профсоюзов исполняет сцену из балета «Корсар».

На Молодечненской фабрике гармоней не только делают хорошие музыкальные инструменты, но и умеют хорошо играть на них.

В секторе Q-57

Вл. РУДИМ

В нашей стране создается новая государственная геологическая карта — более подробная, чем предыдущие. Это очень важно: ведь чем совершеннее карта, тем вернее геологические прогнозы, тем успешнее поиски полезных ископаемых.

Партия и правительство уделяют этому вопросу большое внимание. В тезисах доклада Н. С. Хрущева на XXI съезде КПСС сказано: «В целях дальнейшего быстрого развития производительных сил страны и обеспечения минерально-сырьевыми ресурсами планируемого роста народного хозяйства намечается увеличить общий объем геологоразведочных работ примерно на 65 процентов».

В новой карте сто семьдесят шесть листов, каждый сантиметр соответствует десяти километрам на местности. Один лист, вбирающий в себя около ста сорока тысяч квадратных километров, охватывающий далекие, суровые, еще не обжитые северные районы, было поручено составить экспедиции Сеймчанского геологического управления, возглавляемой Александром Петровичем Шлетным.

Оснастившись всем необходимым в Щербакове на Омолоне, двинулись на выполнение заданий все три партии экспедиции. Во главе двух «сухопутных» партий были Юрий Романович Васильев и Валентина Михайловна Шевченко, а третьей — «водной» — Станислава Александровна Кобычева.

«Водной» партии поручалось обследовать правобережье Омолона — от Щербакова до устья, на протяжении сотен километров.

Первая беда

На берег выбрались мокрые, злые, продрогшие. С одежд лилась вода; грузы, которые удалось спасти, тоже были мокрые и валялись в невообразимом беспорядке.

— Надо же такому случиться почти в самом начале работы! Налетели на залом и опрокинулись! — воскликнул Слава Егоров, выливая воду из сапог.

— Семеро неизвестных имели типичный вид потерпевших кораблекрушение,— произнес не потерявший присутствия духа Владик Половинкин. Он стащил с себя синий свитер и выкручивал его изо всех сил.

Начальник партии Станислава Александровна Кобычева отжимала выбившиеся из-под шапки волосы.

— Слава! — обратилась она к Егорову.— У тебя аварийный коробок спичек цел? Быстро разжигай костер... Юра! — повернулась она к Сущенко. — Помоги мне расстелить брезент: будем сушить концентраты... А ты, Владик, разбавь спирт, дай всем по глотку: нужно согреться.

Коллектор Владик Половинкин зачерпнул кружкой мутную омолонскую воду, долил туда спирта и протянул товарищам.

Вскоре подошли вторая и третья лодка. Теперь все были в сборе.

Наведя кое-какой порядок, собрались вокруг костра, сушили одежду, промокшие продукты, спички.

— Ну что ж, давайте подсчитаем потери,— сказала Кобычева.

— Вьючный ящик утонул, а ведь в нем был диметилфталат — наше спасение от комаров,— произнес Слава Егоров.

— Неужели?! — В карих глазах Кобычевой отразилась большая досада: комары для нее — самое ужасное из всего, чем досаждает человеку тайга.

На дне Омолона оказались вся соль, сахар, мешок муки, половина патронов, запасные винты к моторам.

Владик задумчиво смотрел на беспокойный речной простор и рассуждал вслух:

— Вот, значит, какой он, Омолон! Дикий! Своенравный! Было у нас все для нормальной жизни в необитаемом крае, и на тебе — нет половины! А сколько отъехали от Щербакова? Всего километров шестьдесят. Видно, как ни снаряжай сюда экспедицию, а Омолон может ее в один миг раздеть, разуть.

Владик был прав: Омолон — река своенравная, опасная, и никто никогда не предугадает, какие неприятности можно от нее ожидать. Да и весь этот северный край таков — суровый, необжитый, единственный в нашей стране край, на карте которого еще сохранились белые пятна. Но даже и там, где белых пятен уже нет, все равно нужно еще много усилий, чтобы полнее изучить северные районы, освоить, использовать их богатства. Во имя этой цели отправились сюда геологи, и вот они уже столкнулись с первым серьезным испытанием.

Потерянного не возместить: здесь не у кого ни купить, ни занять.

Станислава Александровна сидела в задумчивости, постукивая ручкой геологического молотка по носку сапога,— так она делала всегда, когда была озабочена. «Нет соли, нет диметилфталата, наполовину уменьшились запасы продуктов,— думала она.— Что делать? Может быть, напрасно не взяли рацию? Сейчас сообщили бы об аварии в Щербаково на базу, самолет прислали бы к нам... Да нет, все правильно, портативных раций на всех не хватило, а брать стационарную нет смысла: она слишком громоздка и тяжела. Вместо нее лишний мешок муки захватили. Да ведь и рация тоже могла утонуть...»

Потянулись трудные дни. Ни у кого не было ни щепотки соли; пробовали есть смолисто-ароматные, кислые, как щавель, мягкие иголки лиственниц. Однако график маршрутов ни разу не сорвался. Продолжали неутомимо искать обнажения пород, описывали их, брали образцы. Забирались на сорок — пятьдесят километров в тайгу, продирались через тальники, переходили вброд бесчисленные ручьи.

Снова плыли по Омолону на север, снова разбивали на берегу лагерь, уходили в маршруты. Без диметилфталата не было спасения от комаров. «Ужасная преснятина» лишала аппетита. Лишь когда находили дикий лук, еда казалась более или менее сносной. Было тяжело, но никто не жаловался, даже самые юные и еще неопытные — первый раз попали в тайгу! — комсомольцы Слава Егоров и Юра Сущенко.

Наступило памятное для всех восемнадцатое июня. В этот день на реке услышали характерные всплески плиц. Шутка ли, пароход! Ведь на Омолоне нет регулярного пароходного сообщения. Река слишком коварна и капризна, вся в мелях и каменистых грядах — одним словом, опасна

для судов. Лишь во время половодья можно рискнуть — именно рискнуть! — пройти по Омолону на пароходе, чтобы завезти грузы в Щербаково.

«Громов» густо и тяжело дымил, он полз вверх, против течения, с баржей, которая словно упорствовала изо всех сил, туго натягивая трос. Наконец пароход подошел совсем близко. Заведена моторка. Еще минута, и все очутились на палубе. После первых беспорядочно радостных возгласов, рукопожатий начали знакомиться друг с другом, расспрашивать о новостях. Потом заговорили о делах, рассказали о происшествии с моторкой, попросили соли и тут же ее получили.

— Ну, а еще что вам нужно? — спросил капитан «Громова» Афанасий Петрович Поздняков.— Не стесняйтесь, охотно поделимся.

Запасы партии пополнились солью, сахаром, печеным хлебом, появились даже перец и лавровый лист.

Станислава Александровна тут же сочинила радиограмму в Щербаково с просьбой доставить самолетом продукты и запасные винты для моторок.

Тепло простились с экипажем «Громова», стояли долго на обрыве, пока пароход не скрылся на повороте за сопкой.

Прошло два дня. В полдень над опустевшим лагерем, где осталось лишь двое рабочих, появился самолет. Это был «АН-2», или, как его ласково зовут, «Аннушка».

Самолет сделал разворот, и вниз полетели «небесные дары». Тройная упаковка — мешок в мешке — хорошо выдержала удар о землю. Среди грузов были мука, сахар, конфеты, запасные винты и свечи для моторов, а в отдельном мешке — завернутые в сено банки консервированных ананасов.

...На рассвете коллектор Владик Половинкин и геолог Ростислав Фурдуй отправились к месту, где выходили на поверхность породы верхнего триаса. Добравшись до цели, Фурдуй присел на большой валун и вытер потное лицо.

— Сідайте, козаки, відпочинемо! — Ростислав вырос на Украине, хорошо владел украинским, как и русским, и легко переходил с одного на другой.

Отдохнув, спустились в распадок. Распадок прорезали рвы, усеянные валунами. Валуны походили на наседок, забравшихся в зеленые гнезда разнотравья.

Приступили к работе. Ростислав зарисовал в полевую книжку обнажения, потом он и Владик полезли в ущелье, чтобы сделать замеры падения и простирания пород. Приходилось, как альпинистам, то карабкаться снизу вверх, цепляясь за кусты и острые выступы, то спускаться сверху вниз, обвязавшись веревкой.

Поскользнувшись на одном из выступов и чуть не сорвавшись, Фурдуй сбил кусок породы. На свежем изломе оказался отпечаток раковины. Он был не очень четок, но достаточно ясен для того, чтобы определить ее название. Сомнений быть не могло: ауцелла! Ценная находка: ведь ископаемая фауна дает возможность определить возраст пород.

Потом такой же отпечаток обнаружили под большой глыбой сланца. И тут началась настоящая лихорадка. Принялись выворачивать сланец. Обливались пóтом, обдирали руки до крови, но добивались своего: глыбы одна за другой вылезали из своих гнезд, а там было много раковин.

— Добре попрацювали! — удовлетворенно воскликнул Ростислав и вытер рукавом лоб, на котором вздулась приметная вена; она, точно ленточка на партизанской шапке, перерезала лоб наискосок.

Когда жизнь могла оборваться...

Кобычева снова и снова всматривалась в карту, на которой отмечала простирания геологических образований.

«Столько маршрутов сделали,— думала она, — а соотношение нижнеюрских и верхнеюрских отложений до сих пор не выяснено! Как они лежат? Где-то есть перерыв в отложениях... Или, может быть, в предыдущих маршрутах пропустили отложения средней юры? Надо пройти маршрут по Пятковской».

Перед выходом в маршрут. Слева направо: Владик Половинкин, Слава Егоров и Станислава Кобычева.

Станислава Александровна достала из полевой сумки складной рабочий планшет, стала наносить на него пунктирную тропку предстоящего маршрута и размышляла про себя: «Со мной пойдут Слава Егоров и Юра Сущенко». Она улыбнулась, вспомнив, как зовут Юру и Славу в шутку: «омолонские близнецы». Оба высокие, оба блондины, самые голубоглазые, самые юные, самые застенчивые и самые неразлучные. «Захватим с собой резиновую лодку, — продолжала размышлять Кобычева,— донесем до речки, спрячем ее в кустах и затем обследуем верховья реки. Обратно к Омолону спустимся на лодке по Пятковской».

Лодка с веслами — солидный груз. Пришлось просить помощи у неутомимого моториста Леши Павлова.

В среднем течении Пятковской простились с Лешей: он двинулся назад. Лодку оставили на берегу. Тройка пошла в круговой маршрут. До позднего вечера и весь следующий день тщательно исследовали береговые обрывы реки. Но, к сожалению, коренные породы скрывались под мощным галечниковым покровом береговой террасы.

Станислава Александровна нахмурилась и машинально постукивала ручкой геологического молотка по носку сапога. Юра уже хорошо знал, что означает это постукивание, и попробовал утешить начальника партии:

— Стоит ли расстраиваться, Александровна?! Ну, нет, так нет!

— Это тебе вот нет — и ладно! А для геологии очень важен вопрос о том, как лежат породы одного возраста на породах другого! Представь, что ты читал увлекательную книгу, и вдруг на самом интересном месте листы оказались вырванными. Так и у нас с тобой: не выясним характер контакта, не найдем фауну — значит, не будет расшифрован период жизни земли в несколько миллионов лет. Что тогда было здесь: суша или море, спокойно формировалась эта часть суши или происходили под действием колоссальных напряжений колебательные движения, создавались разломы, коробилась земная кора? Ведь от выяснения этих вопросов зависит успех поисков полезных ископаемых. Видишь, как много мы можем прочитать в книге земли, если найдем эти вырванные листики!

Юра усмехнулся каким-то своим мыслям, потом произнес:

— До этой поездки с партией я думал, что составить карту не такое уж трудное дело. Оказывается же, что из-за иного сантиметра, который появится потом на карте, столько сил и нервов приходится тратить!..

К вечеру добрались до лодки. Поужинали, надули насосом лодку, погрузили образцы, спальные мешки, малопульку — мелкокалиберную винтовку.

Легкую, неустойчивую лодчонку быстрый поток вертел, как щепку, заносил то на мель, то в прибрежный тальник. Приходилось все время быть начеку, усиленно орудовать веслами: и грести, и тормозить, и отталкиваться, как шестами. В узких местах и на поворотах течение было таким стремительным, что глаза даже не успевали запечатлеть как следует берег. И вот на такой скорости очутились возле залома. Сидевший на веслах Юра Сущенко предпринимал отчаянные усилия, чтоб удержать лодку. Но миновать благополучно опасное место не удалось. Лодка налетела на острый затопленный сук, ее рвануло в сторону; сидевшая на борту Станислава Александровна ударилась головой о низко нависшее над водой дерево. Потеряв равновесие, она упала в воду, и ее потянуло в бурлящую темноту залома. В то же мгновение Слава Егоров прыгнул в воду и поймал руку Кобычевой. Собрав все силы, они оттолкнулись ногами от скользкого ствола, и этого рывка хватило, чтоб добраться до другого поваленного дерева. Держась за него, выбрались на берег.

Еще не отдышавшись, Слава бросился на помощь Юре, который вытаскивал рюкзаки и залитую лодку: ее дно было пробито.

Кобычева лежала несколько минут неподвижно, а когда боль от удара утихла, села и вытащила из мокрой сумки карту и полевую книжку, развернула их на плаще. Карта и книжка — это было самое ценное. Не случайно на розовой обложке полевой книжки напечатано: «Нашедшего настоящую книжку просим вернуть за вознаграждение по адресу: Сеймчан, районное геологическое управление».

Разожгли костер, вернее, кострище. Пламя поднялось огромным факелом к небу, его отсветы плясали на воде, и казалось, что от этого она еще сильнее бурлила и злилась. Хмурое небо, видимо, сочло костер слишком большим и опасным и не замедлило разразиться дождем. Совсем некстати! Нужно было самим высушиться и подсушить лодку, чтоб заклеить ее. Пузырек с клеем сохранился у Юры в кармане. Со всякими ухищрениями приклеили заплату. Но она держалась плохо.

— Как-нибудь обойдемся, будем ногой придавливать,— Юра хитровато подмигнул своему другу,— только Александровне ничего не скажем. Ладно, Славка?

Покончив с заплатой, начали надувать лодку ртом (насос утонул), на это ушло часа полтора.

Поплыли дальше. Через пять часов показался Омолон. Чтобы скорее добраться до лагеря, Юра с молчаливого согласия Славы направил лодку не на правобережную, более спокойную протоку, а в главное русло. «Заговорщики» всячески старались отвлечь внимание Кобычевой от заплаты.

— Станислава Александровна, у вас прическа опять испортилась,— сказал Юра, заметив, что Кобычева смотрит на опасное место.

— Разве это прическа? Вот дома, в Сеймчане, сделаю настоящую прическу.

Потом Слава всерьез стал расспрашивать о том, как геологическая карта помогает находить полезные ископаемые. Кобычева рассказала, что на основании изучения геологической карты было высказано предположение о том, что на реке Анюй должно быть золото. Послали туда поисковую партию, и она действительно открыла крупное месторождение.

Геологическая карта очень важна при планировании поисков. Ознакомившись с картой, специалисты скажут: в этом районе следует искать олово, в том — золо-

Причалили к берегу, где, наверное, еще не ступала нога человека.

то, в третьем — алмазы, а вот на такое-то место не нужно затрачивать труд, время и деньги: там все равно ничего не найдешь.

Слава, прижимавший заплату, заслушался и сдвинул ногу. В лодку хлынула вода. И хотя Егоров тут же прижал заплату подошвой, Станислава Александровна взорвалась:

— Поворачивайте ближе к берегу!

— Тут только маленькая щелочка, доберемся! — попытался уговорить Слава. Но Станислава Александровна еще решительней набросилась на своих спутников. И те повернули в спокойную прибрежную протоку.

На рассвете прибыли в лагерь.

...Кобычева и Фурдуй двигались на север почти параллельно Омолону. Было солнечно и сухо — редкость для Приколымья. По каменистой твердой почве водораздела шагали непривычно легко, однако геологи были недовольны: на пути попадались исключительно эффузивы мелового периода — вулканические горные породы. А в разновидностях эффузивов — андезитах, липаритах, базальтах — очень редко встречаются прослойки осадочных пород с ископаемой фауной, по которой определяют возраст различных образований.

— Ну и маршрутик! Сплошные андезиты и базальты! — злился Фурдуй.

— Ни одного коренного обнажения, никакой, даже самой плохонькой фауны! — сердилась Кобычева.

Перевалило за полдень. Геологи устали, хотелось есть.

— Кедровок, что ли, пострелять? — предложила Кобычева.

Сбросили рюкзаки. Ростислав взял ружье и направился в заросли стланика.

Вскоре на весело потрескивавшем костре охотник жарил кедровок. А Станислава Александровна все еще бродила где-то неподалеку в поисках обнажений. Вернулась радостная.

— Ростик, смотри, что я нашла! Конгломераты! Думаю, что они лежат в основании меловых эффузивов.

— Надо еще доказать, что лежат именно в основании,— с сомнением покачал головой Ростислав.

— Я уверена,— настаивала Станислава Александровна.— По мощности видно: основание, фундамент.

Спор разгорался. Забыли про голод, про кедровок, уже покрывшихся аппетитным загаром.

— Если мое предположение верно, то под конгломератами должны обнаружиться верхнеюрские туфопесчаники,— сказала Станислава Александровна.

— Конечно, — ответил Ростислав. — Но туфопесчаников-то пока нет.

Действительно, только наличие туфопесчаников, то есть пород верхов юры, могло подтвердить, что конгломераты являются отложениями следующего, более молодого, мелового периода.

— Да что мы спорим! — воскликнула Станислава Александровна.— От того, что кедровки сгорят, истина не выяснится. Давай скорей покончим с едой и пойдем дальше: может, найдем туфопесчаники да еще, даст бог, и фауну.

С кедровками справились быстро. И снова вперед, снова жадно всматривались в дали, с волнением брали в руки каждый новый образец, ожидая от него разрешения спора. А его все не было. Так и угас этот день, не дав результатов.

У подножия сопки поставили палатку. Повалились на ветки стланика и уснули как убитые. Чуть свет опять двинулись в путь.

Идти стало труднее: мешали огромные валуны, состоящие из круглой, хорошо окатанной и плотно сцементированной гальки. Чем дальше, тем очевиднее становилась мощность конгломератовых отложений.

— Да-а-а,— протянул Ростислав, откалывая очередной образец,— пожалуй, вы и правы, начальник. Но если так, то где же все-таки туфопесчаники?!

Подъем делался все круче. Спутники не разговаривали, механически переставляя ноги, но так же внимательно осматривали все, что попадалось на пути.

Вдруг Станислава Александровна, ушедшая вперед, торжествующе оглянулась:

— Ростислав Сергеевич, могу поздравить вас: сейчас вы, сделав еще три шага, будете стоять на окаменевших осадках верхнеюрского моря.— Она шутливо протянула руку: — Прошу!

И, стукнув молотком по лежащему рядом камню, Кобычева передала обломок Ростиславу:

— Темно-серый крупнозернистый туфопесчаник. Ну, что я говорила?..

...Перед выходом в маршрут еще и еще раз изучали карту, делали пометки.

Поход намечался короткий: с утра до вечера, двумя отрядами, по параллельным дугообразным маршрутам, на расстоянии километра друг от друга. Начинался и заканчивался маршрут на берегу Омолона. Конечная точка была на двадцать километров ниже по течению реки. В первой паре — Фурдуй и Павлов, во второй — Кобычева и Половинкин.

Передвижной базой была избрана «Черепаха» — так называлась одна из лодок, отданная в распоряжение «омолонских близнецов». Задача Юры Сущенко и Славы Егорова — проплыть двадцать километров и вечером ждать в условленном месте на берегу, приготовив ужин. Чтоб не ошибиться, Юра даже срисовал карту.

Пошли совсем налегке, без палаток и спальных мешков, с минимальным запасом продуктов.

Фурдуй и Павлов километров через десять увидели глубокое ущелье с острыми каменными глыбами по крутым стенкам; оно походило на огромную пасть. Пока спускались вниз и замеряли падение пород, порвали гимнастерки.

Ростислав долго изучал сперва правую стену, потом левую, тщательно зарисовал их в полевую книжку и удовлетворенно сказал:

— Здесь все наконец сошлось. Здесь видно, что произошел сброс, основные породы опустились и над ними наслоились молодые. Вот он, тот самый перерыв в отложениях, который столько искали на Пятковской.

Ростислав был очень доволен и даже стал вполголоса напевать:

Їхали козаки
із Дону до дому...

Взвалили на спины рюкзаки: вперед! Солнце приятно грело, фуфайки давно были сняты. Под солнцем, особенно на лужайках, пестрота была удивительная: бархатно-коричневые цветы камчатской лилии, фиолетовый иван-чай, россыпи лютика. В некоторых местах буйное разнотравье было таким густым, что, кажется, ложись — и удержит тебя трава, словно на руках, не согнувшись.

После полудня надвинулись тучи. Тепла словно и не было; повалил, завертелся мокрый, тяжелый снег.

— Ну и край! В течение дня могут смениться все четыре времени года: и весна, и лето, и осень, и зима! — воскликнул Ростислав.

Шторм

Река развертывала красочные панорамы. Над протоками нависали уже по-осеннему багряные деревья; они, будто шлагбаумы, открывали лодкам путь к новым удивительным местам. Сурово и величественно высились базальтовые глыбы, на головокружительную высоту отвесно поднимались гранитные утесы, обнажения походили то на стопы каменных книг, то на столбы, тщательно обточенные вековечными ветрами. Возле каждого обнажения останавливались на час, на два, на день, опять зарисовывали, опять стучали молотком по породам, пока отколется нужный образец со свежим изломом.

Страшная береговая крутизна сменилась зелеными террасами, на реке показались острова-парки с могучими тополями, бархатисто-мягким песком, освежающей тенью и причудливыми солнечными бликами.

— Причаливаем! — словно сговорившись, раздалось сразу несколько голосов.

Начали оборудовать ночлег прямо на острове, с которого никому не хотелось уходить. А какой был здесь закат! Солнце в оранжево-золотом небе, казалось, плавилось, стекало огненно-желтыми струями в ручей, и этот поток через весь распадок устремлялся в Омолон. Даже дух захватывало от такого зрелища!

И вот новая встреча. На Олое.

Р. Фурдуй (в накомарнике) и В. Половинкин плывут к береговым обнажениям.

притоке Омолона, в устье, находилась гидрометеостанция. Ее коллектив надолго оторван от мира. Только раз в год сюда приходит пароход или катер, доставляет продукты, почту. И опять на двенадцать месяцев — до следующего рейса — только тайга и две реки, ворчливо сливающиеся друг с другом.

Стоит ли говорить, как рады были встрече и зимовщики и геологи!

— Что передавали сегодня в последних известиях? Какие вообще новости? — спрашивали геологи.

— Новости? Пожалуйста. Начнем со служебных,— отвечал Михаил Петрович Медведев, начальник станции.— Был радиозапрос районного геологического управления, касающийся вас.

Начальник управления Константин Александрович Иванов и главный геолог Салат Михайлович Абаев известили о партии Кобычевой, спускающейся вниз по Омолону, и просили сообщить, как у них дела, все ли здоровы, не нужна ли помощь.

— Бензин нужен! — выпалил Леша Павлов.

— Ну, бензином мы вас снабдим,— сказал Медведев.

Метеорологи разместили гостей в своих бревенчатых домиках, утепленных изнутри оленьими шкурами. Быстро пролетели три дня. Какое это блаженство — отоспаться на кроватях с белоснежными простынями! Но нужно было двигаться дальше. Зимовщики щедро снабдили отъезжающих: дали бочку бензина, солидное количество сахару, печенья. Геологи подарили хозяевам все свои книги, в придачу пса Рыжика и фотоаппарат.

Обнялись, расцеловались, и Омолон понес их дальше, на север, туда, где река становилась шире и величественнее, а течение — медленным, спокойным. Наконец добрались до устья Омолона и поплыли уже по Колыме.

Показался поселок Колымская. Остановились против него, на правом берегу, возле рубленых домиков, оказавшихся коптильнями, но нужно было послать кого-нибудь в Колымскую за свечами для мотора. В одном из домиков жил старик, коптивший рыбу. Он попотчевал гостей копченой сельдяткой, напоил чаем. Пока подкреплялись, приплыла с левой стороны реки колхозная моторка. Моторист Миша Роббек привез старику провизию и взял Кобычеву в обратный путь.

Причалив, пошли вдвоем разыскивать председателя колхоза. Погода неожиданно испортилась, подул сильный ветер. На реке заходили зеленовато-темные валы. Кобычева забеспокоилась: как там, на той стороне? Ведь такая волна может опрокинуть лодки!

Нашли председателя.

— Николай Иванович Таврат, предколхоза «Турваургин»,— отрекомендовался плотный, крепкий чукча.— Однако погода портится, плыть дальше нельзя. Да и не отпустим мы вас. Погостите у нас, отдохните, баньку истопим. Дождитесь у нас парохода, иначе Колыма вас перевернет. Она ведь, как море, шутки с нею плохи!

Кобычева молчала, задумавшись.

— Не упирайся, девушка, перетаскивай свой флот сюда. И поскорее!

Легко сказать, перетаскивай: ведь начинается шторм!

Николай Иванович повернулся к Мише:

— Надо бы тебе помочь девушке притащить сюда ее лодки. А?

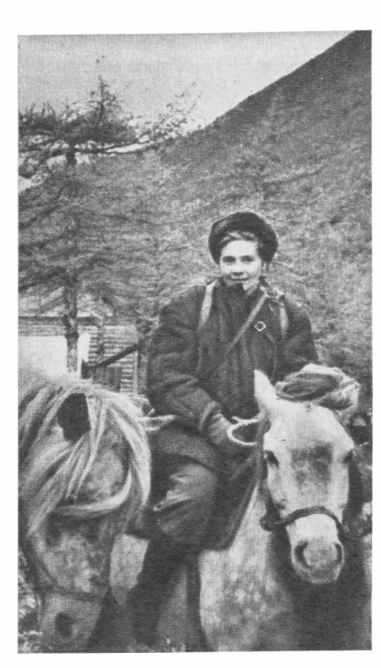
Миша переминался с ноги на ногу и медлил с ответом. Кобычева поняла его молчание по-своему, и в ее душе похолодело: значит, действительно очень опасно сейчас плыть. Но в любое время мог прийти пароход, и надо было перебираться в поселок.

— Боишься, Миша?

— Боюсь... за тебя.

— Ну, за меня не беспокойся. Поехали!

Казалось, что они уже не отобьются от яростных волн. Наконец приплыли. Как ни труден, как ни опасен был путь на правый берег, но еще страшнее был

С. А. Кобычева.

обратный. Миша взял на буксир лодку, у которой отказал мотор, за ним двинулись на второй Леша и Ростислав.

Ростислав еще накануне уложил грузы плотнее, перевязал их веревками, накрыл брезентом — перехлестывавшие волны не затопляли лодок. Это, может быть, и спасло их.

Миша первым добрался до берега, а Леша с Ростиславом отстали. Их лодка то показывалась над волнами, то скрывалась. И вдруг стала даже удаляться.

— У них мотор заглох! Садитесь скорее, буксир им бросим!— крикнул Кобычевой промокший до нитки Миша и бросился к своей моторке. Маленькая лодка еще раз ринулась в бурлящую стихию. Когда сблизились с потерявшей управление лодкой, Кобычева бросила веревку, которую поймал Ростислав. Еще полчаса — трудных, опасных,— и все были на твердой земле.

Геологов быстро «порасхватали» колхозники, гостеприимно устроили в своих домах, где уже дымились на столах пельмени.

...Река отбушевала и утихомирилась. На вторые сутки затишья показался колесный пароход «Амур» — он тащил вниз две баржи с углем. Кобычева обратилась к капитану с просьбой подвезти партию до Нижних Крестов. И уточнила:

— Бесплатно. Денег у нас — пятнадцать копеек.

Капитан Павел Иванович Ткачук от души расхохотался:

— Пятнадцать, говорите? Довезем и за пятиалтынный. Грузитесь!

Экспедиция близилась к завершению. Работа, потребовавшая больших усилий, а иногда и лишений, была закончена. Точнее, был завершен только первый ее этап. Партия везла с собой огромный, но еще сырой материал, который нужно будет обработать, систематизировать, обобщить. На это уйдет вся осень, вся зима. Много дней придется просидеть над микроскопами, проверять, уточнять и дополнять то, что хранят полевые книжки, геологические дневники, журналы регистрации образцов.

Так родится новая карта. А отчет партии будет сдан на хранение — не на год, не на десять: отчеты геологических партий сохраняются вечно. И через сто лет его сможет прочесть тот, кого заинтересуется сектором Q-57. Что такое Q-57? Для составления геологической карты мира—единственной карты, на которой нет государственных границ,— земной шар разбит условно по международному соглашению на листы-секторы: по меридианам они обозначены цифрами, начиная от Гринвича, а по параллелям — латинскими буквами. Сектор, в котором работала партия Кобычевой, — пятьдесят седьмой от Гринвича и находится на полосе Q.

Итак, впереди более полугода серьезной и напряженной работы в лабораториях и кабинетах Сеймчана — камеральной обработки, как говорят геологи. Но у каждого участника партии была твердая уверенность в успехе и этого, второго, этапа.

...Все были в приподнятом настроении. Здесь, в Колымской, словно подведена черта, за которой было столько памятного, незабываемого.

На пароходе собрались на торжественный обед. Взволнованная, поднялась Станислава Александровна и провозгласила тост:

— За успешное окончание работы! За дружбу и теплоту сердец! За тех, кто сегодня в маршруте, за то, чтобы у них была соль и не отсырели спички!

Да, много товарищей находится «в поле», и геолог никогда не забывает о них. Десятки полевых партий, сотни геологов ежегодно пытливо изучают суровый северный край, открывают его богатства. Коллективу Сеймчанского районного геологического управления — только одному! — поручена огромная площадь в 600 тысяч квадратных километров — территория, более обширная, чем Франция. Одни экспедиции закрывают белые пятна на карте, другие привозят сообщения о месторождении угля, третьи — о золоте. И экспедиция, о которой мы рассказали, тоже привезла очень нужное Родине: будет создан лист геологической карты — один из ста семидесяти шести — размером тридцать на сорок сантиметров, совсем небольшой, равный по площади обыкновенному портфелю. Но сколько усилий потребовал этот лист от геологов!

Присоединимся же к их традиционному тосту:

— За тех, кто сегодня в маршруте!

ПОЧТА ЗИНАИДЫ ТУСНОЛОБОВОЙ

Каждый день утром и вечером почтальон стучится в дом № 34 по улице Ленина в Полоцке и вручает хозяйке — Герою Советского Союза Зинаиде Михайловне Туснолобовой-Марченко — пачку писем и телеграмм. На разноцветных конвертах стоят штампы многих городов и сел.

В 1944 году в одной из фронтовых газет было помещено письмо Зины Туснолобовой — отважной медицинской сестры, которая вынесла с поля боя 123 раненых воина.

«Дорогие мои,— писала Зина,— пусть это письмо дойдет до сердца каждого из вас. Его пишет человек, которого враги лишили здоровья, молодости. Мне 23 года. Уже пятнадцать месяцев я лежу, прикованная к госпитальной койке. У меня нет теперь ни рук, ни ног... Теперь я не могу сражаться и прошу вас: отомстите! Отомстите за меня, за мой родной Полоцк! Отомстите за всех, кому враги принесли горе и муки...»

Судьба мужественной советской патриотки глубоко взволновала воинов. На фронте появились пушки, самолеты, танки с надписью: «За Зину Туснолобову!»

После войны Зинаида Михайловна вернулась в свой родной город, стала женой и матерью. Земляки окружили ее заботой. Член городского комитета партии, она ведет большую общественную работу. С героиней переписывается множество людей.

«Я тоже защищал Родину, трижды был ранен, затем контужен,— рассказывает в письме житель Минска С. Семашко.— Долго провалялся в госпитале, стал инвалидом. Но то, что перенесли вы, не идет ни в какие сравнения с моими страданиями. Хотя я и вдвое старше вас по возрасту, но преклоняюсь перед вами».

В Гомеле живет Клава Щерба. Когда девушке было восемь лет, у нее отнялись ноги. Прочитав в газете очерк о З. М. Туснолобовой, Клава написала ей письмо:

«Дорогая Зинаида Михайловна! Восхищаюсь вашим мужеством. Оно вдохнуло в меня жизнь, помогает легче переносить горе».

Бережно хранит Зинаида Михайловна полные дружеского участия письма матери Николая Островского Ольги Осиповны и его сестры Екатерины Алексеевны.

Герой Советского Союза летчик Петр Андреев, на штурмовике которого было написано: «За Зину Туснолобову!»,— совершил 150 боевых вылетов. Сейчас, сменив штурмовик на современный реактивный самолет, офицер Андреев передает свой богатый опыт молодым летчикам и рассказывает об этом в письмах к Туснолобовой. Летом Зинаида Михайловна с мужем побывала в гостях у Андреевых.

...Долго по вечерам светятся окна в доме по улице Ленина. Зинаиде Михайловне надо не только ответить многочисленным корреспондентам, но и подготовиться к выступлениям в школах, на собраниях пионеров.

И. ГУСЕВ

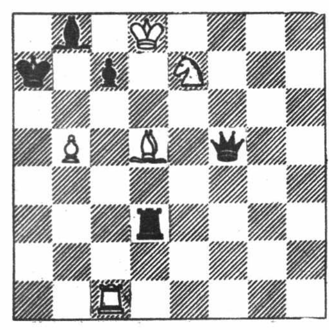
З. М. Туснолобова с сыном Вовой.

Фото Ф. Короткевича.

Под редакцией гроссмейстера Сало ФЛОРА

ЭТЮД ГРОССМЕЙСТЕРА Д. БРОНШТЕЙНА

Белые начинают и делают ничью.

Гроссмейстер Д. Бронштейн, один из ведущих практиков в мире, за последнее время увлекается составлением задач и этюдов; этюд, который сегодня печатается впервые, гроссмейстер создал незадолго до начала XIII олимпиады.

Приводим решение этюда:
1. Ке7—с8+ Фf5 : c8+
2. Крd8 : c8 Лd3 : d5
3. Лс1 : с7 +! Cb8 : с7
4. b5—b6 + Кр : b6 или С : b6, и белым пат! Если же 4... Кра8, то
5. b6—b7 + и снова ничья.

Ложный след в этюде следующий: 1. Ла1 + Крb6 2. К : f5 Л : d5 + 3. Крс8 Л : f5 4. Кр : b8 Лf8 мат.

В январе в Тбилиси...

Советские шахматисты в эти дни не только подводят итоги 1958 года, но активно готовятся к открытию сезона 1959 года. Он начинается 10 января крупнейшим событием — XXVI чемпионатом Советского Союза. За последние годы первенства страны состоялись в Москве, Ленинграде, Киеве, Риге. На этот раз лучших шахматистов страны примет столица Грузии Тбилиси.

Финалу первенства страны предшествовали четыре полуфинала — в Москве, Ростове-на-Дону, Баку и Ташкенте,— в которых вышли 14 победителей. Вот они: А. Лутиков (Новосибирск), С. Фурман (Ленинград), Е. Васюков и А. Никитин (Москва), Б. Спасский (Ленинград), Р. Нежмединов (Казань), Н. Крогиус (Новосибирск), М. Тайманов (Ленинград), Л. Полугаевский (Куйбышев), Я. Юхтман (Москва), Е. Геллер (Одесса), Р. Холмов (Вильнюс), В. Корчной (Ленинград), Б. Гургенидзе (Тбилиси). Персонально в финал приглашены: чемпион мира М. Ботвинник, чемпион СССР М. Таль, экс-чемпион мира В. Смыслов, гроссмейстеры Ю. Авербах, Д. Бронштейн, П. Керес, Т. Петросян.

Наш чемпионат вызывает огромный интерес во всем шахматном мире. Каждого интересует: удастся ли М. Талю в третий раз завоевать золотую медаль чемпиона Советского Союза; в какой спортивной форме находится Б. Спасский, которому в XXV чемпионате так не повезло; как выступят молодые?

Как и в каждом нашем чемпионате, и в этом участвует ряд дебютантов: А. Лутиков, Е. Васюков, А. Никитин и Я. Юхтман. Они, несомненно, внесут значительное оживление в ход турнирной борьбы.

Одним словом, шахматный январь в Тбилиси будет напряженным.

Итоги 1958 года. Василий Смыслов передает лавровый венок чемпиона мира Михаилу Ботвиннику, капитан сборной шахматной команды СССР А. Котов с удовольствием подводит итоги года. Кубок мира бросил якорь в Москве.

Внизу слева: Д. Бронштейн в раздумье после турнира в Портороже. Справа: М. Таль и Т. Петросян готовы к турниру претендентов на матч с чемпионом мира.

Рис. Н. Лисогорского.

Удивительная память

Алехин жаловался мне в Москве, что в годы своей юности он сильно страдал от излишней остроты своей памяти. Он имел в виду память механическую, когда человек запоминает или запечатлевает что-либо помимо или вопреки своему желанию и воле.

Так, например, проезжая по улице незнакомого города, он запоминал все вывески и даже лица прохожих. Все это отягощало его память в течение нескольких дней.

В декабре 1919 года в Государственную школу кинематографии в Москве, где мы с Алехиным учились и служили, зашел тщедушный человек лет сорока, с неприметным лицом и, оставив свою шубу, запорошенную снегом, гардеробщице, поднялся на второй этаж, в канцелярию.

— Могу ли я видеть кого-либо из учебной части? — учтиво обратился он к Алехину.

— Да, гражданин Полуэктов, я вас слушаю,— ответил Алехин.

— Мы с вами... знакомы? — растерялся посетитель.

Алехин объяснил:

— Четыре месяца назад, 17 августа, вы заказывали в аптеке Феррейна лекарство по рецепту врача Заседателева для больной горлом вашей дочери Анны, шести лет. Я стоял в очереди за вами и слышал весь ваш разговор с фармацевтом.

Посетитель прищурил глаза, стараясь припомнить этот случай.

Алехин помог ему:

— Тогда вы носили пенсне в роговой оправе... Вы достали из левого бокового кармана серый бумажник крокодиловой кожи...

— Да, да... конечно,— сказал удивленный посетитель.

Вполне естественно, что активная память Алехина, память, мобилизуемая его волей и желанием, была тренирована и развита у него еще значительно ярче.

Будучи секретарем кинематографической школы, он, однажды ознакомившись с анкетами учащихся и с текущей перепиской, мог пользоваться ими, не заглядывая в бумаги. Директор школы В. Р. Гардин высоко ценил это удобное качество «работника канцелярии» Алехина.

Еще пример. В Петербурге, на Знаменской улице, в квартире профессора П. Цитовича, Алехин-юноша находился среди гостей. Кто-то предложил проверить слухи о необычайной памяти Алехина, будущего юриста, адвоката, который надеется произносить пламенные речи и вести сложные судебные процессы, не заглядывая в материалы дела.

Хозяин взял наугад с полки книгу и, раскрыв ее на странице 277, вручил Алехину. Это оказался перевод романа малоизвестного испанского автора.

Алехин сел в кресло и погрузился в созерцание текста. Минуты через три — четыре он вернул хозяину раскрытую книгу, встал и, полузакрыв глаза, уверенно и быстро воспроизвел громким шепотом текст полутора страниц, не допустив ни одной ошибки.

Алехин мог восстановить по памяти все лучшие шахматные партии, игранные известными шахматистами мира за последние 60—70 лет. Не только восстановить, но и дать им свой исчерпывающий анализ. Таких партий можно было бы насчитать несколько сот.

Однажды я спросил Алехина, помнит ли он первую партию матча С. Урусова с Петровым, игранную в 1859 году в Варшаве.

— Белые допустили неточность на шестом ходу, а черные — ошибку на десятом,— спокойно ответил Алехин.

Феноменальная память Алехина позволила ему установить мировой рекорд одновременной игры, не глядя на шахматные доски. В Чикаго в 1932 году Алехин провел вслепую одновременно 32 партии против сильных противников, что явилось небывалой сенсацией для всего шахматного мира.

С. ШИШКО

Поединок папы римского с патером

Просматривая комплект «Шахматного журнала» за 1895 год, я натолкнулся на заметку «Папа Лев XIII — шахматный игрок».

В заметке сообщалось, что папа римский увлекался шахматами, часто играл с патером Джила, которого называли одним из первых шахматистов в мире. Одна из партий папы Льва XIII с патером попала в антологию американца Фрэнсиса Уэллмеса «Золотая сокровищница шахмат».

Каким же образом эта партия очутилась в одном ряду с красивейшими образцами шахматного искусства за четыре столетия — от Лопеса до Ботвинника? Оказывается, Фрэнсис Уэллмес — член ордена иезуитов. В 1925—1926 годах он побывал в Ватикане, где встретился со своим бывшим однокашником, профессором папского Грегорианского университета Морисом де Латаем. Последний и показал своему другу одну из лучших партий папы Льва XIII. И когда Фрэнсис Уэллмес издавал свою антологию, он совместил шахматные увлечения с долгом верного служителя церкви.

А партия никак не принадлежит к числу тех, что достойны украсить собой «Золотую сокровищницу шахмат».

Самое же курьезное во всей этой истории заключается в том, что еще в 1850 году в журнале "Дейче шахцейтунг" была напечатана партия, которая от первого до последнего хода совпала с поединком Льва XIII с патером Джила, только игралась она в Петербурге в 1849 году, а противниками были известные русские мастера И. С. Шумов и К. А. Яниш.

Вот какие совпадения бывают в шахматах! Только совпадения ли?..

И. РОМАНОВ,
кандидат исторических наук.

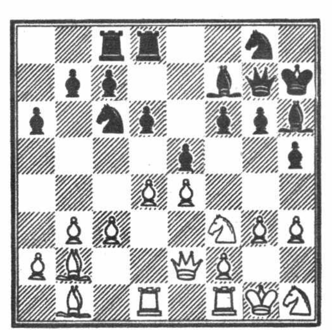
ВСЮ ЖИЗНЬ В ЦЕЙТНОТЕ

Каждый шахматист знает, что такое цейтнот. Неприятная штука! С каждым шахматистом бывали приключения со «вторым противником» — шахматными часами. Еще свежо в памяти, как чемпион мира М. Ботвинник в 15-й партии последнего матча с В. Смысловым в разгаре борьбы в эндшпиле совсем забыл о шахматных часах и на 54-м ходу просрочил время!

На XIII олимпиаде в Мюнхене в 37 партиях было просрочено время, правда, уже в проигранной позиции. В хорошей позиции шахматист, как правило, находит время, чтобы делать ходы!

Когда говоришь о цейтноте, то невольно вспоминается американский гроссмейстер С. Решевский. Шахматный мир привык видеть его в этом положении. И все же Решевский не рекордсмен цейтнота. Им, несомненно, является немецкий гроссмейстер Ф. Земиш, которого наши шахматисты помнят по первому международному турниру в Москве в 1925 году.

Земиш, один из старейших шахматистов в мире, на последней олимпиаде в Мюнхене присутствовал в качестве зрителя. Он рассказал ряд случаев из своей практики. Шестидесятидвухлетний гроссмейстер не спешит даже с первым ходом. Он ищет истину и красоту в шахматах, но ему не дают возможности как следует подумать. С шахматными часами Земиш всегда не ладит. Среди «рекордов» Земиша есть партии, в которых флажок падал уже на 16-м ходу! Не так давно Земиш в одном турнире из девяти партий пять раз просрочил время! «Традиции» Земиша живут и по сей день. В партии с Клегером на турнире в Бевервийке (Голландия) Земиш просрочил время на 23-м ходу, причем, как показывает наша диаграмма, при полной доске фигур!

Неожиданный финал

За границей принято играть в шахматы в кафе на деньги. Играют любители, профессионалы, а иногда и известные гроссмейстеры, которые вынуждены таким образом подрабатывать.

Много лет тому назад в одном известном шахматном кафе в Лондоне первый официальный чемпион мира В. Стейниц играл партию с любителем, которому дал ладью вперед. Богатый партнер Стейница проигрывал партию за партией, но ему хотелось играть с чемпионом мира. Все же Стейниц заволновался, как бы «игра в одни ворота» не стала скучной для его партнера. Он боялся потерять лучшего своего клиента. Поэтому чемпион мира из чисто тактических соображений решил проиграть одну партию. Стейниц «зевнул» ферзя, тут же сдался и смешал шахматные фигуры, чтобы их расставить вновь.

Но его партнер с радостным криком: «Я победил чемпиона мира!» — покинул кафе, в котором он больше никогда не показывался...

ВОТ ОНА, АМЕРИКАНСКАЯ ШКОЛА

Блестящие успехи советской науки и техники в завоевании космического пространства вызвали в американской печати широкую критику системы просвещения США. «СССР послужил стимулом, заставившим нас открыть глаза на реальное положение вещей в этой области»,— говорилось в докладе группы видных педагогов, опубликованном рокфеллеровским фондом. Многим деятелям просвещения США пришлось отбросить свое пренебрежительно-самодовольное отношение к народному образованию в Советском Союзе. На протяжении почти всего 1958 года педагоги, школьные администраторы, профессора колледжей, ученые в сотнях выступлений отмечали резкое отставание американской школы от советской.

Большая пресса США, естественно, стремилась преуменьшить глубину кризиса американской школы. Рядом с откровенно критическими высказываниями приводились мнения, начисто «снимающие» вопрос о недостатках американского просвещения. Одно из таких рассуждений невольно вызывает в памяти сентенции Простаковой из фонвизинского «Недоросля».

«Не приходится думать,— пишет д-р Байрон Холинсхэд, директор колледжа в Сидар-Рапидс, штат Айова,— что у американского юноши те же потребности, что у французского или немецкого... Возьмите иностранные языки. Голландец, например, всегда находится за каких-нибудь 50—100 миль от границы, за которой мало кто говорит по-голландски. И он изучает почти с рождения иностранные языки... Американский же юноша может ехать на 300 миль к западу и востоку и на 1 000 миль к северу и не заботиться о каком-либо другом языке...

И должен ли каждый учащийся обязательно изучать у нас алгебру, физику и химию? Совершенно очевидно, что не более 25% нашего населения обладает сколько-нибудь достаточной способностью к абстрактному мышлению...»

Но дискуссия все отчетливее выявляла глубокие болезни американской школы: хронический недостаток школьных помещений (в печати называлась цифра в 140 тысяч классных комнат); острую нехватку учителей и крайне низкий уровень оплаты педагогического труда; слабость и непрочность знаний, даваемых школами и университетами по ведущим отраслям наук; перенасыщенность программ массой ненужных, второстепенных предметов; развал дисциплины, рост хулиганства и преступности в школах, дошедших до размеров национального бедствия. Деятели высшей школы говорят о высокой стоимости обучения в колледжах и университетах, преграждающей доступ туда сотням тысяч американских юношей и девушек из трудовых слоев. С горечью признаются ученые, что математика, физика, химия и другие точные науки все больше оттесняются в высшей школе США такими «дисциплинами», как «Дирижирование хором», «Основы плавания», «Игровые виды спорта», «Религиозное обучение детей», «Брак и семья», «Библейская проза и поэзия», и т. д., и т. п.

Рисунок из журнала «Юнайтед Стейтс ньюс энд уорлд рипорт». Подпись гласит: «Опасность во время игр. Учителя боятся дежурить на игорных площадках. Некоторые подверглись избиению. Один учитель носил при себе пистолет».

Недавно в США проводилась «Неделя американского просвещения». Бюро переписи опубликовало цифры, показывающие «плоды» просвещения при капиталистической системе: в США до сих пор свыше 10 миллионов полностью неграмотных; только полтора процента из взрослых американцев, окончивших менее 5 классов, продолжают свое образование. «Мы лишь приступаем к решению вопроса о неграмотности, которая гораздо более распространена, чем считает большинство людей»,— заявил представитель управления образования взрослых д-р Эмброз Кальер.

Победная песня советских спутников заставила правящие круги

Court Blocks Schoolboard Drive Against Delinquenc
Teen-Age Thugs Terrorize Stores Around School
GRID COACH SHOT BY ANGRY YOUTH
SCHOOLS FACE ERA OF UNREST
Oakland Teacher Say: Expel Some
Board Proposes School Program to Combat Crime
POLICE TO PATROL 'PROBLEM SCHOOLS'
Terror Is Teacher in Brookl
Shake-Down Racket Uncovered In School
NAB 6 IN SCHOOL VANDALISM

Заголовки в американских газетах бьют тревогу по поводу волны преступности в школах: «В Бруклине страх заменил учителей», «Нужны полицейские патрули», «Школы вступили в эпоху террора»... Фото «Юнайтед Стейтс ньюс энд уорлд рипорт».

Глазами педагогов

«Ничего не было достигнуто и не будет достигнуто в результате критики американской системы просвещения, которая последовала за созданием советских спутников... Нашему благодушию не нанесено удара — оно получило лишь временный толчок. Мы должны признать, что независимо от всяких разговоров у нас безразлично относятся к образованию».

Роберт М. Хатчисон, президент «Фонда Форда», бывший ректор Чикагского университета.

«...Мы на долгий срок будем иметь перед собой вызов русских в области просвещения, и прежде всего потому, что там, как видно, очень велик интерес к народному образованию и велика поддержка, оказываемая ему...

Дайте нашим педагогам хотя бы часть того достойного денежного вознаграждения и общественного уважения, которыми они пользуются в России; доведите число учеников на одного учителя до размеров, близких к русской школе; предоставьте финансовую поддержку народному образованию, сколько-нибудь сравнимую с той, которая оказывается в России, и тогда первоочередные наши проблемы будут решены».

Д-р Нейл Россер, педагог, город Роли, Северная Каролина.

«Не будет преувеличением сказать, что наш учащийся отдает время не столько учебным занятиям, сколько джаз-оркестру, бейсбольному клубу, хору, развлекательным вечеринкам... Школьные матчи по баскетболу проводятся каждый вечер по расписанию, рассчитанному на долгие месяцы... Мы выпускаем из школы посредственностей. При нашей нынешней системе энергия и чувства детей рассеиваются мелкими дозами между десятками всяких второстепенных занятий».

Элен Даллолио, Педагогический колледж, Трентон, штат Нью-Джерси.

«То, что беспокоит сейчас нас всех,— это общее снижение качества обучения, и мы с грустью убеждаемся, что в математике, точных науках и технических дисциплинах мы не стоим на уровне творческого образования... За последние годы качество преподавания упало на всех ступенях, включая и высшую школу... В наших учебных заведениях мы разрешили множество занятий, не связанных с обучением, в том числе спортивных соревнований. Они стали преобладающим фактором, который затмил и даже сделал в глазах студентов «старомодным» стремление успевать в основных научных дисциплинах...»

Милтон Эйзенхауэр (брат президента), ректор Университета Дж. Гопкинса.

США посмотреть правде в глаза. Президент Эйзенхауэр заявил, что подготовка научных и технических кадров — «самая острая проблема из всех проблем» в Соединенных Штатах. В конгресс был срочно внесен законопроект о «правительственной помощи образованию»; впервые в истории США школа, живущая за счет средств отдельных штатов, должна была получить финансовую помощь из общегосударственного (федерального) бюджета. Увы, «обеспокоенность» правительства США состоянием образования не пошла дальше деклараций. Конгресс 85-го созыва выделил на нужды просвещения сумму, составляющую полпроцента от гигантской программы расходов на военные цели. При этом были отклонены статьи расходов на строительство школ и повышение зарплаты учителям.

В стране доллара, где финансовые монополии выколачивают сказочные прибыли из гонки вооружений, просвещение по-прежнему остается пасынком.

«Арена насилий»

Журнал крупнейших американских монополий «Юнайтед Стейтс ньюс энд уорлд рипорт» опубликовал результаты большого опроса, проведенного в ряде штатов и городов США.

«В больших и малых городах по всей стране,— начинает журнал свою жуткую повесть,— волна насилий и хулиганства все выше поднимается в государственных школах. На учителей нападают, они подвергаются избиениям... Гангстерские шайки подростков терроризируют школьные здания и площадки для игр, вымогают у младших школьников деньги под угрозой ножа...

Террор господствует в школах Нью-Йорка, где убийства, ограбления, избиения и власть шаек стали постоянной темой сенсационных заголовков в газетах».

Репортеры «Юнайтед Стейтс ньюс энд уорлд рипорт» привезли массу фактов о преступности в школах. Приводим несколько «рядовых» примеров из этой хроники.

КАНЗАС-СИТИ (штат Миссури). Проблема дисциплины становится все более острой в течение последнего года. Положение стало настолько серьезным, что суперинтендант школ Джеймс Хэзлетт вынужден был публично заверить учителей, что им будет оказываться юридическая помощь в случае возбуждения ими судебных дел против нападающих на них учеников.

Фрэд Гейне, вице-директор Северо-восточной средней школы в Канзас-Сити, заявил, что «истерия страха охватывает учащихся из-за бандитских шаек подростков, орудующих внутри и вне школы».

«Ношение ножей — обычное дело в наших школах,— спокойно объяснил репортеру капитан из районного полицейского участка Канзас-Сити.— В числе постоянно имеющих при себе ножи — даже больше девочек, чем мальчиков; девочки носят их для своих друзей: ведь обыскивать девочку вы не станете...»

ДЕТРОЙТ. Весной был ряд вспышек бесчинств в школах. Учителей бьют, им угрожают... Сами учителя и администраторы обычно предпочитают, чтобы эти факты остались неизвестными публике: они чувствуют, что им все равно не справиться с учениками. Родители, соседи, даже сами жертвы нападений молчат, опасаясь мести.

Учитель детройтской школы имени Вашингтона повел класс во двор играть в бейсбол. Четверо подростков, находившихся на площадке, мешали игре. Когда учитель стал их успокаивать, они набросились на него и тяжело избили.

Под фото подпись: «Средняя школа Джона Маршала в Бруклине — арена насилий. Постоянный полицейский пост был установлен после того, как директор школы покончил самоубийством, бросившись вниз с крыши». Фото Юнайтед пресс.

Главный инспектор детройтских школ д-р Самюэль Броунелл дал официальное указание директорам школ вызывать в школу полицию при первой же необходимости. Однако детройтская федерация учителей считает, что эта мера недостаточна и в ряде школ требуется регулярное и повседневное дежурство полицейских нарядов.

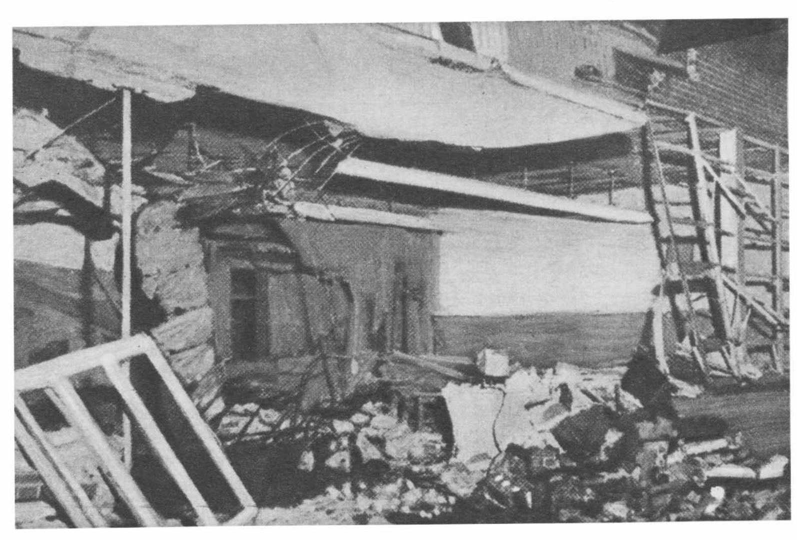
ЛОС-АНЖЕЛОС (Калифорния). По сообщениям полиции, около 5 тысяч школьников в Лос-Анжелосе принадлежат примерно к полутораста шайкам. В недавней стычке между шайками был убит выстрелом из револьвера один учащийся.

ХЬЮСТОН (штат Техас). Здесь был арестован 15-летний ученик, выстреливший в учителя из револьвера... Причиной нападения было наказание, наложенное на ученика за дурное поведение в классе.

«Юнайтед Стейтс ньюс энд уорлд рипорт» опросил работников школ Канзас-Сити о мерах борьбы с хулиганством и преступностью в школах.

«Одно из самых распространенных предложений, которое мы услышали,— пишет журнал,— это предоставление права учителям применять телесные наказания. Во многих местах штата около половины учителей и три четверти директоров облечены этим правом. Однако статистика не показывает снижения преступности в школах, где такие наказания применяются».

БОМБЫ В КЛАССАХ

Школа в Миннеаполисе, разрушенная бомбой расистских изуверов.

В начале этого года слово «Литл-Рок» облетело все газеты мира. Название города в штате Арканзас стало нарицательным: оно символизировало расовый террор, тяготеющий над школами американского Юга. История Литл-Рока известна: погромные действия местных расистов, задумавших выбросить из школы негритянских детей, привели к посылке федеральным правительством войск в Литл-Рок. Но этот жест Вашингтона имел целью не столько «защиту конституции», как об этом трубили многие газеты, сколько привлечение голосов негров на предстоявших выборах в конгресс.

Не большее воздействие оказало и вынесенное Верховным судом США решение о том, что разделение белых и цветных школьников противоречит конституции. Расисты южных штатов начали яростную кампанию под лозунгом «борьбы против нарушения прав штатов». В газетах замелькали рубрики: «Верховный суд — под огнем Юга». Губернатор штата Арканзас, матерый расист Орвэл Фобус, первым перешел к «прямым действиям»: он приказал в сентябре закрыть государственные школы Литл-Рока, лишь бы не пустить туда школьников-негров. Примеру своего собрата последовали губернаторы штатов Виргиния, Техас, Флорида, Джорджия, Луизиана, где в ряде городов на школы тоже был повешен замок.

Предоставим слово другому органу американских монополий, журналу «Ньюсуик». В ноябрьском номере этого журнала сообщаются факты, показывающие, к чему приводят изуверские маневры расистов Юга.

Три тысячи семьсот школьников Литл-Рока, которые должны были поступить в среднюю школу в этом году, занимаются в наскоро приспособленных помещениях по всему городу: 812 ребят учатся в детских приютах; 379 — в баптистских церквах; многие — в детских садах. Около тысячи учащихся вынуждены были перейти в средние школы других городов штата Арканзас. Они живут у родственников и друзей или проделывают ежедневно 50—70 миль.

В Норфолке (штат Виргиния) закрытие школ затронуло в общей сложности 9 950 белых подростков. «Занятия,— пишет «Ньюсуик»,— проводятся в 27 церквах и синагогах... В других случаях уроки идут в частных домах. Один класс собирается в ресторане, где кафедрой служит стойка бара. Иногда ученики работают в игорных домах за карточными столами». Тысяча шестьсот школьников Норфолка переехали в другие города, столько же «примирились с необходимостью покончить с учением».

Разрушение школы приняло и характер террора: в ряде штатов и городов Юга расисты бросают бомбы в здания школ, где администрация склонна посадить за одну парту белых и негритянских школьников.

Творческий клуб «На огонек» принимал у себя в гостях Ленинградский театр миниатюр под руководством народного артиста РСФСР Аркадия Райкина.

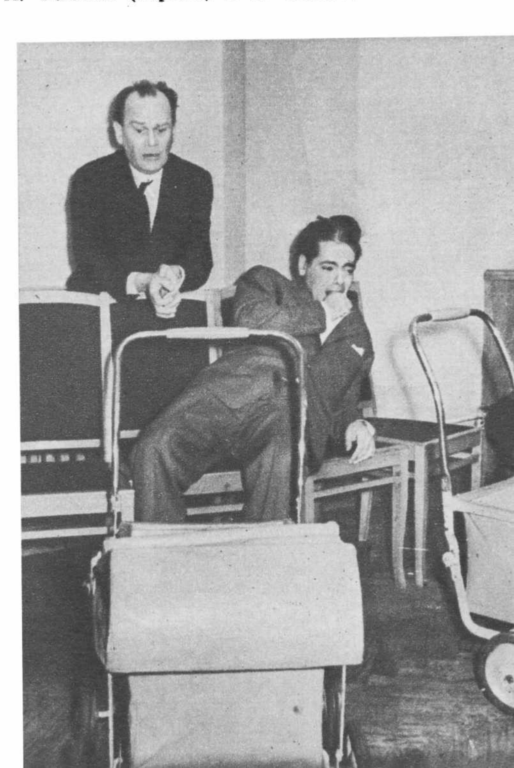
Директор театра Б. М. Марголин рассказал о творческом пути коллектива, который работает уже 20-й сезон.

За это время было показано 5 тысяч спектаклей. Артисты побывали на целине, у строителей Волжской ГЭС имени Ленина и атомного ледокола «Ленин», во многих городах Советского Союза и за рубежом.

Тепло встреченные присутствующими, гости показали фрагменты из своего последнего спектакля «На сон грядущий». Эту пьесу написали ленинградские инженеры М. Гиндин, К. Рыжов, Г. Рябкин. Сцены из спектакля исполняли: народный артист РСФСР А. Райкин, артисты В. Горшенина, Н. Конопатова, О. Малоземова, Р. Рома, В. Ляховицкий, М. Максимов, В. Меркушев, Г. Новиков и И. Улиссов.

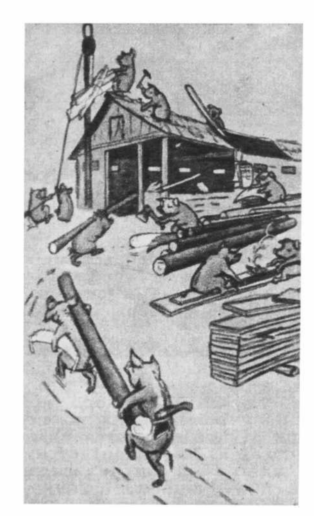
Затем был показан фильм «Человек со многими лицами», в котором Аркадий Райкин играет более 20 ролей. Картина была снята во время гастролей театра в Чехословакии режиссером Зденеком Подскальским.

Фрагмент из спектакля «На сон грядущий». Который мой ребенок? Народный артист РСФСР А. Райкин (справа) и Г. Новиков.

«ВОЖЫК» НА СЕЛЕ

Добрую помощь своим коллегам, редакциям сельских газет Белоруссии, оказывает республиканский журнал сатиры и юмора «Вожык» («Ежик»). Он выпускает красочные плакаты с десятками карикатур на злободневные деревенские темы. Элементы комического подсмотрены авторами в жизни. Редакция «Вожыка» рекомендует редколлегиям стенгазет, вырезав и наклеив подходящие рисунки, сопровождать их своими подписями.

Мечты нерадивого председателя.

— У этого заведующего куриная привычка: загребает только под себя.

Кукуруза: «Когда сеял, так сомневался, а теперь с головой затерялся».

КОЛЮЧИЕ СТРОКИ

Владимир КОРБАН

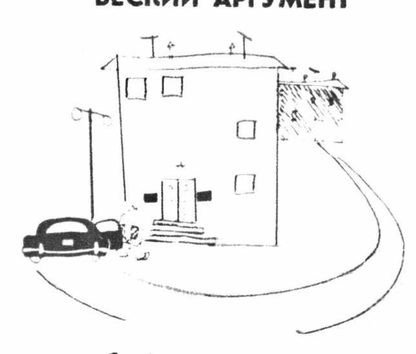
«ОСТРЯК»

Студенты возвращаются с массовки.
Автобус вдоль полей идет, пылит.
Вот у какой-то остановки
Соседу девушка тихонько говорит:
— Придется место уступить, Гаврюшка!
Смотри: бежит к автобусу старушка.
Но у того беспечный вид.
— Бежит? — промолвил парень сухо.—
Хм... Ничего себе старуха!
Умеет бегать, пусть и постоит.
Сидеть ей вредно: резвости не будет!

Признайтесь, люди:
Когда вы слышите такого «остряка»,
У вас не чешется рука?!

ВЕСКИЙ АРГУМЕНТ

За ним автомобиль по чину закреплен.
И вот идет борьба, ведется переписка:
Квартиру новую упорно просит он,
От старой-де до службы слишком близко!

Перевел с белорусского
В. КОРЧАГИН

На вкладках этого номера: репродукции картин Е. М. Харитоненко «Электросварщица», М. А. Савицкого «Песня», М. И. Моносзона «Минский тракторный—полям», П. С. Крохалева «Организация колхоза», И. А. Давидовича «Портрет штукатурщицы А. Н. Малининой», В. К. Цвирко «Восстание рыбаков на острове Нарочь», Е. А. Зайцева «Юный партизан» и четыре страницы цветных фотографий.

В ЗАПОВЕДНИКАХ БЕЛОРУССИИ

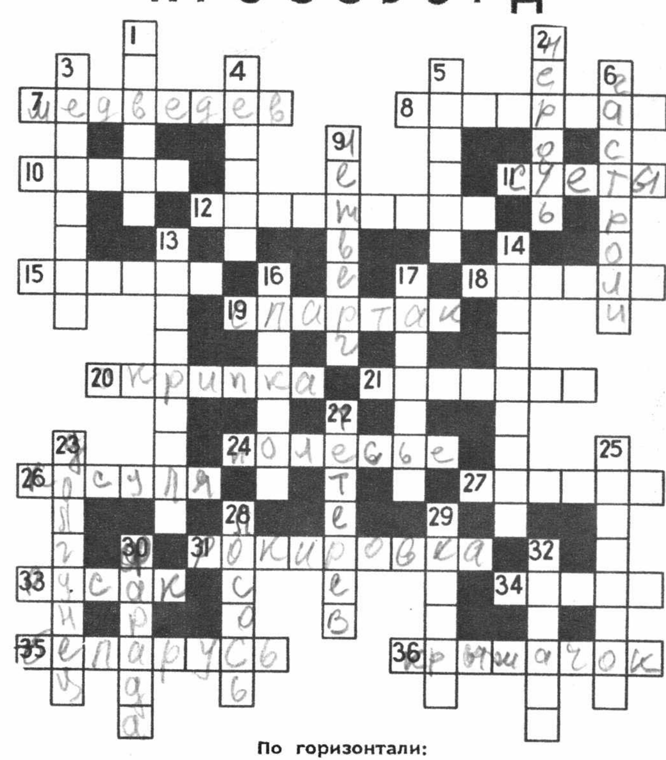
Всемирно известна Беловежская пуща — первобытный лес, сохранившийся до наших дней во всей своей неприкосновенности. Здесь высятся гигантские ели с седыми космами, многовековые дубы-исполины толщиною в несколько обхватов. Тут вы можете встретить на воле зубра. Беловежские зубры, а их не так уж и много, находятся под постоянным наблюдением ученых-зоологов.

Известен в республике и другой заповедник — на реке Березине. Там живут бобры. В Белоруссии они водились с незапамятных времен и когда-то были широко распространены, о чем свидетельствуют и многочисленные географические названия: город Бобруйск, река Бобр, деревня Бобровичи.

Заповедник на Березине был создан в 1925 году. Находясь под охраной, бобры размножились, расселились по смежным водоемам. Теперь бобры развозятся отсюда в самые отдаленные места Советского Союза.

В. ВОЛЬСКИЙ

КРОССВОРД

По горизонтали:

7. Руководитель партизанской борьбы в Белоруссии, Герой Советского Союза. 8. Один из газетно-журнальных жанров. 10. Приток Днепра. 11. Прибор для арифметических вычислений. 12. Автор одной из первых белорусских опер, «В пущах Полесья». 15. Созвучие. 18. Областной центр БССР. 19. Спортивное общество. 20. Струнный музыкальный инструмент. 21. Русский физико-химик, академик. 24. Болотистая местность в бассейне реки Припять. 26. Дикая коза. 27. Созвездие северного неба. 31. Шахматный ход. 33. Заяц. 34. Леса в поймах рек. 35. Марка трактора. 36. Белорусский народный танец.

По вертикали:

1. Столярно-плотничий инструмент. 2. Озеро в Белоруссии. 3. Шахтная печь. 4. Шерстяная ткань. 5. Графическое изображение на плоскости, выполненное в масштабе. 6. Выступление приезжего театрального коллектива. 9. День недели. 13. Вводная часть международного договора. 14. Произведение Л. Н. Толстого. 16. Крупная дневная бабочка. 17. Сласти. 22. Птица отряда куриных. 23. Одна из групп льна. 25. Кустарник или дерево семейства розовых. 28. Ценная промысловая рыба. 29. Часть оптического прибора. 30. Единица электрической емкости. 32. Распространенная горная порода.

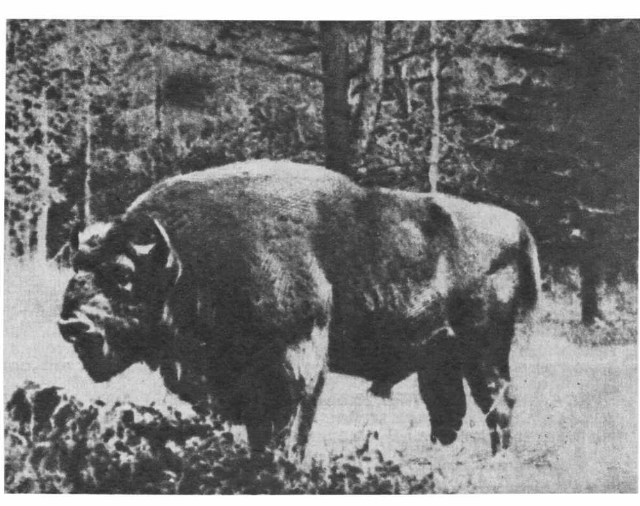
ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 51

По горизонтали:

5. Сомбреро. 7. Куперман. 9. Федотик. 10. Кармин. 11. Рихман. 15. «Ведомости». 17. Явор. 18. Рама. 19. Корифей. 20. Камелия. 22. Бриг. 23. Дели. 25. «Черевички». 28. Есенин. 31. Матлот. 32. Полигон. 33. Технолог. 34. Бумеранг.

По вертикали:

1. Болгария. 2. Пряник. 3. Сервиз. 4. Камчатка. 6. Обер. 7. Крит. 8. Позёмок. 12. Рейсфедер. 13. Стремянка. 14. Топорик. 16. Ганимед. 21. Нивелир. 22. Бруствер. 24. Истомина. 26. Диплом. 27. «Гамлет». 29. Донг. 30. Ромб.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ Редакционная коллегия: Б. В. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, Д. Т. ЛОБАНОВ, И. Ф. ТИТОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются. Оформление И. Уразова.

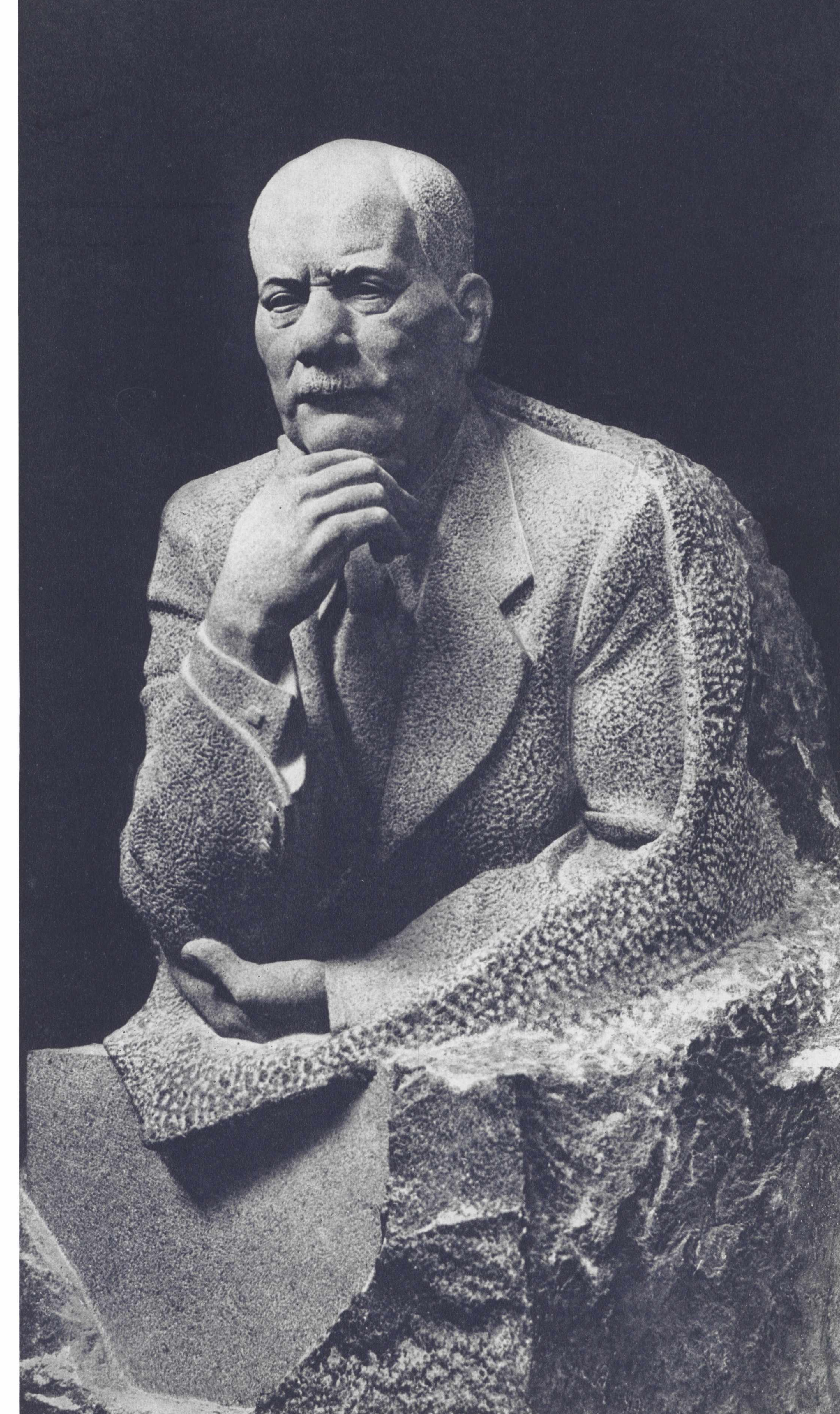
Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 3-38-67; Литературы — Д 3-31-83; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-65; Юмора и сатиры — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 05397. Подписано к печати 18 XII 1958 г. Формат бум. 70×108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 1 400 000. Изд. № 1238. Заказ № 2864.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Народный художник БССР **З. И. Азгур.**

НАРОДНЫЙ ПОЭТ БЕЛОРУССИИ ЯКУБ КОЛАС.

На первой странице обложки: Президент Академии наук Белорусской ССР В. Ф. Купревич, учительница минской школы № 42 Л. К. Кудрявцева и старший мастер сборочного цеха Минского станкостроительного завода имени Кирова М. К. Гороховик.

Фото И. Тункеля.

На последней странице обложки: Брестская крепость. Тереспольские ворота.

Цена номера 3 руб.